

PolitBook

j.politbook.ru

Тема номера

Эволюция политической системы
и электоральный процесс в России

1
2012

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

А.В. Кынев

ОТ МАРТА ДО ДЕКАБРЯ: КАК И ЧЕМ ОТЛИЧАЛОСЬ
ГОЛОСОВАНИЕ ЗА ПАРТИИ И ИХ ЛИДЕРОВ

А.В. Баранов

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ И УКРАИНЕ

О.В. Красильникова

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ОЦЕНКИ (ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД)

Н.В. Гришин

ИНФОРМАЦИОННАЯ БОРЬБА В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
КРИЗИСА В АСТРАХАНИ В 2011-2012 ГГ.

Я.Ю. Шашкова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РФ В КОНТЕКСТЕ
НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПАРТИЯХ

Главный редактор

ШУМИЛОВ

Андрей Владимирович

Зам. главного редактора

СКОВИКОВ

Алексей Константинович

Научная редакция

ЕФРЕМОВ

Олег Юрьевич

КАСИМОВ

Евгений Витальевич

ОРЛОВА

Елена Геннадьевна

Ответственный секретарь

ЕРШОВА

Ирина Владимировна

Дизайн

ПАВЛУНИН

Дмитрий Олегович

Издатель

НИИ общественных
и политических наук

Редакционная коллегия

БОЛЬШАКОВ А.Г.

д.полит.н. (Казань, Россия)

БУРЕНКО В.И.

д.полит.н. (Москва, Россия)

ГЕРАСИНА Л.И.

д.соц.н. (Харьков, Украина)

ГОЛОВИН Ю.А.

д.полит.н. (Ярославль, Россия)

ГОРБАТЕНКО В.П.

д.полит.н. (Киев, Украина)

ГРИШИН О.Е.

к.полит.н. (Москва, Россия)

ДОНАЙ Лукаш

к.полит.н. (Познань, Польша)

ИВАНОВСКИЙ З.В.

д.полит.н. (Москва, Россия)

КАПИЦЫН В.М.

д.полит.н. (Москва, Россия)

КОНОНОВ И.Ф.

д.соц.н. (Луганск, Украина)

КОСТИНА А.В.

д.филос.н. (Москва, Россия)

ЛЕДЯЕВ В.Г.

доктор политики (Ph.D., Manchester),

д.филос.н. (Москва, Россия)

ЛИСЕЕНКО Е.В.

д.соц.н. (Одесса, Украина)

ЛУКОВ В.А.

д.филос.н. (Москва, Россия)

МИНЕЕВА Е.К.

д.ист.н. (Чебоксары, Россия)

ТУРОВСКИЙ Р.Ф.

д.полит.н. (Москва, Россия)

ХУДАВЕРДЯН В.Ц.

д.филос.н. (Москва, Россия)

ШАРКОВ Ф.И.

д.соц.н. (Москва, Россия)

ШИРОКОВ О.Н.

д.ист.н. (Чебоксары, Россия)

ЩУДЛО С.А.

к.соц.н. (Дрогобыч, Украина)

ЮРЧЕНКО С.В.

д.полит.н. (Симферополь, Украина)

ЯКОВЮК И.В.

к.ю.н. (Харьков, Украина)

Адрес редакции: 428023, Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7

Научно-исследовательский институт общественных и политических наук

Тел. +7 952 027 6618. E-mail: editor@politbook.ru. <http://j.politbook.ru>

ISSN 2227-1538. Свидетельство о регистрации ПИ № С77-48608

Подписано в печать 10.09.2012. Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве ООО «Крона-2». 428024, пр. Мира, 9. тел. (8352) 664-493

© НИИ общественных и политических наук, 2012

Editor in Chief

SHUMILOV

Andrei Vladimirovich

Deputy Editor

SKOVIKOV

Alexey Konstantinovich

Editors

EFREMOV

Oleg Jurevich

KASIMOV

Evgeniy Vitalevich

ORLOVA

Elena Gennadevna

Executive Secretary

ERSHOVA

Irina Vladimirovna

Design

PAVLUNIN

Dmitriy Olegovich

Publisher

Institute of Social
and Political Sciences

Editorial Board

BOLSHAKOV A. G.

Prof. (Kazan, Russia)

BURENKO V. I.

Prof. (Moscow, Russia)

DONAJ Łukasz

Assoc. Prof. (Poznan, Poland)

GERASINA L. N.

Prof. (Kharkov, Ukraine)

GOLOVIN Y. A.

Prof. (Yaroslavl, Russia)

GORBOTENKO V. P.

Prof. (Kiev, Ukraine)

GRISHIN O. E.

Assoc. Prof. (Moscow, Russia)

IVANOVSKIY Z. V.

Prof. (Moscow, Russia)

KAPITSYN V. M.

Prof. (Moscow, Russia)

KONONOV I. F.

Prof. (Lugansk, Ukraine)

KOSTINA A. V.

Prof. (Moscow, Russia)

LEDYAEV V. G.

Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow, Russia)

LISEENKO E. V.

Prof. (Odessa, Ukraine)

LUKOV V. A.

Prof., The honored worker of a science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

MINEEVA E. K.

Prof. (Cheboksary, Russia)

KHUDAVERDIAN V. T.

Prof. (Moscow, Russia)

SHARKOV F. I.

Prof., The honored worker of a science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

SHIROKOV O. N.

Prof. (Cheboksary, Russia)

SCHUDLO S. A.

Assoc. Prof. (Drogobych, Ukraine)

TUROVSKY R. F.

Prof. (Moscow, Russia)

YURCHENKO S. V.

Prof. (Simferopol, Ukraine)

YAKOVYUK I. V.

Assoc. Prof. (Kharkov, Ukraine)

Address: 428023, house 66 - 7, st. Graghdanskay, sity Cheboksary, Russia.

Institute of Social and Political Sciences

Тел. +7 952 027 6618. E-mail: editor@politbook.ru. <http://j.politbook.ru>

ISSN 2227-1538.

Format 60x90¹/₈. Circulation of 500 copies.

© Institute of Social and Political Sciences , 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

А.В. Кынев

ОТ МАРТА ДО ДЕКАБРЯ: КАК И ЧЕМ ОТЛИЧАЛОСЬ
ГОЛОСОВАНИЕ ЗА ПАРТИИ И ИХ ЛИДЕРОВ НА ВЫБОРАХ
2011/2012

6

А.В. Баранов

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ И УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

42

О.В. Красильникова

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ОЦЕНКИ (ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД)

53

Н.В. Гришин

ИНФОРМАЦИОННАЯ БОРЬБА В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
КРИЗИСА В АСТРАХАНИ В 2011-2012 ГГ.

61

А.В. Шумилов

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

75

В.Ю. Гомельская

АГИТАЦИОННАЯ МИМИКРИЯ ИЛИ КАК ЗАПУСТИТЬ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕКЛАМУ ДО НАЧАЛА АГИТАЦИОННОГО
ПЕРИОДА: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2011 ГОДА

86

О.Е. Гришин, А.А. Воронова

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ И БЛОГОСФЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

100

Я.Ю. Шашкова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РФ В КОНТЕКСТЕ
НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПАРТИЯХ

112

Н.Р. Шукуралиева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОШЛОГО В
КЫРГЫЗСТАНЕ (2005-2010 гг.)

123

А.А. Горелов

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ И ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ

145

Л.В. Ведмецкая

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

171

Наши авторы

Информация для авторов

The order of publication

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook»

ТЕМА НОМЕРА

А.В. Кынев

A.V. Kynev

**ОТ МАРТА ДО ДЕКАБРЯ:
КАК И ЧЕМ ОТЛИЧАЛОСЬ
ГОЛОСОВАНИЕ ЗА
ПАРТИИ И ИХ ЛИДЕРОВ
НА ВЫБОРАХ 2011/2012**

**FROM MARCH TO
DECEMBER: AS WELL AS
THAN VOTE FOR PARTIES
AND THEIR LEADERS ON
ELECTIONS 2011/2012
DIFFERED**

Аннотация:

Статья посвящена сопоставлению географии электоральной поддержки ведущих партий на выборах Государственной думы РФ с географией поддержки кандидатов на выборах Президента РФ 2012 года. На базе данных электоральной статистики показаны различия региональных результатов между партиями и их лидерами и дается анализ причин этих различий. Особое внимание уделяется также влиянию на итоговые результаты состава партийных списков и фактора внутрипартийной борьбы, а также наличия совмещенных региональных и местных выборов. Автор делает вывод о кризисе лидерства в ведущих партиях в сочетании с наличием общественного запроса на новые политические фигуры и мобильности поддержки разных партий протестным электоратом.

Ключевые слова:

Электоральная география, политические партии, протестный электорат, совмещение выборов, «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, Путин, Прохоров.

Abstract:

Article is devoted to comparison of geography of electoral support of leading parties on elections of the State Duma of the Russian Federation with geography of support of candidates on an election of the president of the Russian Federation of 2012. On a database of electoral statistics distinctions of regional results between parties and their leaders are shown. The analysis of the reasons of these distinctions is given. The special attention is given to influence on total results of structure of party lists and a factor of inner-party fight, and also existence of the combined regional and local elections. The author draws a conclusion about leadership crisis in leading parties in a combination to existence of public request for new political figures.

Key words:

Electoral geography, political parties, protest electorate, combination of elections, "United Russia", CPRF, "Just Russia", LDPR, Putin, Prokhorov.

Получение полных и окончательных данных прошедших в стране президентских выборов дает возможности для более полного ана-

лиза перемен электоральной карты страны и оценки изменений динамики региональной поддержки ведущих политических сил, позволяя, в том числе, сопоставить географию совокупной партийной поддержки в декабре и географию поддержки конкретных возглавляющих партии персоналий в марте. Приходит время сравнений и анализа.

Учитывая традиционный харизматический характер российской политической культуры и почти неизменную персонализацию российской политики тем более важно интересно в какой степени поддержка партий коррелирует с поддержкой лидеров, насколько партии и их лидеры соответствуют друг другу.

Объявленное изменение правил политической жизни и очевидная смена общественных настроений означают неизбежную в самом скором будущем перестройку всей партийно-политической системы, и очевидно что новая система не может не вырасти из системы имеющейся, используя ее как своего рода субстрат. В каком же состоянии к этому новому старту пришла нынешняя партийно-политическая система?

При всей искусственности выстроенной в стране к 2011-2012 партийной системы голосование даже за разрешенные партии и допущенных на выборы кандидатов, при всех имеющихся электоральных девиациях, несомненно, отражало происходящие в настроениях избирателей перемены. И в условиях «управляемой демократии» избиратели учились влиять на систему даже по ей же установленным мягко говоря не самым справедливым правилам. Именно поэтому даже в таких неравных условиях падение результатов формальных результатов «партии власти» в декабре 2011 года по сравнению с 2007 годом на 15% (с 64,3% до 49,3%) оказало такое шоковое воздействие на сложившуюся систему.

Если же сравнивать март 2012 с декабрем 2011 года сразу бросается в глаза несколько вещей. Первое, и довольно очевидное, - президентские выборы в очередной раз подчеркнули, что рейтинг В. Путина был и остается выше рейтинга «Единой России», которая изначально в первую очередь была его производной. А поскольку «рейтинговый базис» лично Путина изначально выше «базового рейтинга» «Единой России», то с учетом всех добавок, которые дают как

различные манипуляции, так и эффект фактически искусственно созданной на выборах безальтернативности, то и итоговой его официальный результат не мог не быть выше официального результата «Единой России». Даже официальные данные позволяют говорить, что поддержка Путина как минимум на 14% выше поддержки «партии власти». Но все равно полученный результат ниже и результата Путина в 2004, и результата Медведева 2008. То есть его рейтинг остается основой результатов власти, но он снижается, и доля в результатах различных манипуляций и технологий делают их все более спорными и искусственными.

Второе – из всех партий и кандидатов наибольшая корреляция между голосованием за КПРФ и Зюганова (19,19% к 17,12%), что подчеркивает роль КПРФ как символической политической силы №2 в стране, сплоченность ее базового электорального ядра и отлаженный партией механизм электоральной мобилизации. Существенно меньше (примерно в половину) соотношение голосования за Жириновского и ЛДПР (11,67% к 6,22%), что учитывая очевидный вождистский характер партии и протестное за нее голосование может говорить, скорее всего, о двух вещах – появлении в бюллетене по сравнению с думскими выборами более харизматически сильных, или как минимум более в данный момент интересных избирателю, чем Жириновский, кандидатов (из кандидатов в Президенты лично не присутствовали в бюллетене на парламентских выборах два – Путин и Прохоров), а также о качестве самой предвыборной кампании ЛДПР и В.Жириновского и качестве реальной работы на мобилизацию его электората, которая вероятно в марте 2012 была ниже, чем в декабре 2011.

Самая большая отрицательная разница между результатом партии на выборах Госдумы 4 декабря 2011 и президентских выборах у «Справедливой России» и С.Миронова – 13,24% к 3,85%, чтошний раз подчеркивает, что «Справедливая Россия» в первую очередь партия региональных харизматиков, которые боролись в декабре 2011 года за личное попадание в Госдуму РФ и поэтому были заинтересованы в мобилизации голосования за партию, в списке которой они находятся, в своих регионах. В марте личного мотива поднимать голосование в своих регионах за кандидата своей партии не было и

личная поддержка конкретного регионального политика при его личном отсутствии в бюллетене третьему лицу передается слабо. Сам же лидер «Справедливой России» не является харизматической фигурой и не может мобилизовать значимую поддержку вокруг себя лично. То, что нам парламентских выборах является позитивным фактором – низкий антирейтинг и в целом положительный образ, что удачно оттеняет конкретные региональные кампании и «подсвечивает» образ команды, на конкретных президентских выборах оказалось недостаточным.

На этом фоне впечатляющих даже по официальным данным результатов в 7,98% добивается независимый кандидат М.Прохоров, что для независимого кандидата с имиджем либерального политика на российских президентских выборах феноменальный успех. При том что за ним фактически не стояло никакой региональной партийной сети (поддержка отдельных региональных политиков типа Е.Ройзмана не в состоянии создать базу для такого федерального результата). Этот результат выше и результата в декабре фактически единственной сохранившей легальный статус либеральной партии «Яблоко» (которая на самом деле является социал-либеральной; нынешнюю партию «Правое дело» логичнее считать партией провластных политтехнологов, чем партией имеющей в глазах избирателей какую-либо внятную идеологическую окраску, никаких популярных лидеров у нее с сентября 2011 также нет). «Яблоко» тогда получило 3,43%.

Таким образом, даже из этих общих данных очевидно, что существует корреляция между падением голосования за В.Жириновского и особенно С.Миронова по сравнению с голосованием за их партии и отсутствием в бюллетене кандидата от «Яблока» и ростом голосования за В.Путина с одной стороны и успешным выступлением М.Прохорова с другой. Учитывая, что в целом электорат «Яблока» (даже голосуя за партию во многом вынужденно за неимением лучшего выбора из предложенного ассортимента) носит явно протестно-демократический и либерально ориентированный характер, а электорат «Справедливой России» является хотя и тоже во многом протестно-демократическим, но более центристски ориентированным, можно предположить, что основная часть голосовавших

за «Яблоко» в результате поддержала наиболее либерально имиджево ориентированного из кандидатов в президенты М.Прохорова, а часть потерянных за 4 месяца «эсерами» голосов разделилась между В.Путиным и М.Прохоровым (одних голосов «Яблока» Прохорову не хватило бы и для достижения и половины своего официального результата). Скорее всего из соображений персоналистской поддержки конкретного лидера или выбора иной стратегии протестного поведения при голосовании за «новенького» также моглоделиться голосование «потерянных» ЛДПР избирателей (с лавиной долей в пользу Путина).

Можно конечно возразить – в чем смысл электорального анализа, если на выборах были фальсификации и иные манипуляции. В ответ подчеркну, речь не идет об оценке «вклада» в результаты кандидатов электоральных искажений. Речь идет об официальном результате, который сложился в результате усилий власти, самих кандидатов и «сопротивления среды» в виде объективно существующих общественных настроений. И то, что «сопротивление среды» дало в итоге именно такие результаты, тоже показательно. Ведь электоральные девиации были и в декабре, и в марте, кроме того, искажения явно могли осуществляться лишь в пользу власти, которая реально контролирует весь организующий выборы аппарат, поэтому на соотношения голосов между иными кандидатами повлиять не могли.

Более детально увидеть механику электоральных перемен между декабрем и мартом и отметить их дополнительные причины поможет сравнение результатов голосования за основные партии в декабре 2011 и их кандидатов на мартовских президентских выборах 2012 в региональном разрезе*. Перед тем как проанализировать то, кто, что и где приобрел, посмотрим вначале, кто и что потерял.

---

* Для сравнения региональной динамики результатов партии на выборах Госдумы РФ и результатов выдвинутого ей кандидата в Президенты РФ также как в аналогичном исследовании автора в 2008 году используется «коэффициент изменения» в виде соотношения результата кандидата партии на президентских выборах по отношению к результату самой партии на выборах Госдумы РФ в число раз. Как представляется, здесь важно оценивать не формальное изменение процента поддержки в том или ином регионе на то или иное число процентов от числа избирателей, принявших участие в голосовании, а соотношение значимости этих изменений по сравнению с иными

Зюганов и КПРФ

Как уже отмечено, самым стабильным по сравнению с результатом голосования за свою партию оказалось голосование в марте за лидера КПРФ Г.Зюганова – относительный результат кандидата от тех, кто принял участие в голосовании, уменьшился всего на 2%.

Однако при том, что формальные результаты за КПРФ и Зюганова близки структура регионального голосования имеет определенные различия и связана с общим развитием электоральной динамики в стране, где сама КПРФ во многом является одним из индикаторов современных электоральных расколов, тогда как сам Г.Зюганов отчасти символизирует собой «электоральную память» о совсем другой эпохе 1990-х.

Одним из самых существенных электоральных изменений в России в последние годы было существенное увеличение поддержки наиболее идеологизированной и институционализированной политической партии страны, КПРФ, в крупных городах (в подавляющем большинстве регионов РФ самый крупный город является региональным центром) на фоне её существенного снижения на региональной периферии в пользу «партии власти». Несомненно, что эти изменения появились не вдруг, и шли постепенно, все более усиливаясь еще с конца 1990-х, просто с 2006-2007 годов

регионами. Здесь важен не только размер прироста, но и то, от какого уровня этот прирост или снижение происходило. Очевидно, к примеру, что абсолютный прирост в 5% от числа принявших участие в голосовании избирателей, будет разным относительно того, от какого уровня он происходил. Если это рост, к примеру, от 10% до 15%, то это увеличение в полтора раза, а если это рост с 90% до 95%, то это увеличение лишь в 1,056 раза.

Подобный метод позволяет оценить, в каких регионах масштаб изменения поддержки в относительном выражении был наиболее существенным. Соответственно, все регионы по показателю коэффициента изменения могут быть разделены на несколько групп: Регионы, где коэффициент изменения выше среднероссийского; Регионы, где коэффициент изменения примерно совпадает со среднероссийским; Регионы, где коэффициент изменения ниже среднероссийского.

- см. *Кынев А. Метаморфозы электоральной географии на выборах 2007-2008 гг. и их причины. // Российское электоральное обозрение. – №1, 2008. С.4-23.*

они стали явными и заметными. Причем крупные города стали зоной повышенных результатов не только КПРФ, но и всех иных оппозиционных партий, как формально левых так и формально правых (у каждой партии есть определенные территории повышенной электоральной поддержки).

Показательно, что главными оплотами партии «Единая Россия» и на выборах Госдумы РФ 2007 и 2011 годов стали национальные регионы, голосующая в условиях корпоративной нефтегазовой дисциплины «большая Тюмень» и аграрная периферия внутри иных регионов. Относительно слабо выступила партия власти в крупных городах, ряде регионов Севера, Сибири, Дальнего Востока. У данных электоральных изменений, говорящих о «покраснении» городов, как представляется, несколько причин. Во-первых, конечно, оно отражает тот факт, что именно в городах степень электоральных искажений в России традиционно является наименьшей, и, соответственно, результаты подсчета вызывают наибольшее доверие. Это связано с тем, что именно в крупных городах наиболее активно представлены политические и общественные организации, наиболее качественно и тщательно организован контроль за голосованием и подсчетом, сосредоточены основные СМИ, и избирательный процесс, таким образом, является наиболее «прозрачным».

Во-вторых, существенные изменения в течение последних лет произошли в самой избирательной стратегии КПРФ, все более заметную публичную роль играют роль политики, являющиеся типичными представителями городской интеллигенции. Изменяется облик кандидатов КПРФ на выборах различного уровня, все в большей степени выдвигается молодежь и предприниматели (можно сказать что эволюция кандидатов партии и ее электората влияют друг на друга). И хотя в разных региональных организациях степень скорости этих изменений разная, наличие данной тенденции бесспорно. Наконец, в идеологической составляющей при сохранении традиционных лозунгов партии по защите социальных прав трудящихся были существенно скорректированы стиль и методы их подачи – агитматериалы партии стали более яркими профессиональными и креативными. В течение 2000-х

КПРФ работала не только внутри своей традиционной электоральной ниши лиц пожилого возраста и по неформальным сетям своих сторонников, но также ориентировалась на широкий круг не вовлеченных в партийную деятельность избирателей, активно вела качественную и профессиональную наглядную агитацию, шло размещение непривычных для КПРФ рекламных щитов и т.д. Отдельного внимания заслуживают качественные рекламные ролики партии и качественно выполненные листовки для молодежи.

Сыграло свою роль в «полевении» городского электората и то, что именно КПРФ традиционно воспринимается как самая сильная оппозиция новой федеральной власти. Сыграло на руку левым и искусственное расчищение политического поля и принудительное удаление с него добивавшихся в 2004-2005 существенных успехов на региональных выборах иных левоцентристских проектов (региональные политические блоки; партия пенсионеров, «Родина» и др.).

Однако помимо названных причин есть и еще она, возможно даже более важная. Изменение географии электоральной поддержки КПРФ наглядно демонстрируют, что современные электоральные расколы в стране в основном происходят не в «классическом» право-левом континууме (хотя для части избирателей идеологические позиции имеют решающее значение), а скорее расколы происходят по отношению к существующему в стране политическому и экономическому режиму, по которому скорее более верным является разделение партий на реформаторские (умеренная оппозиция власти), революционные (радикальная оппозиция) и традиционалистские или консервативно-реакционные (поддержка власти, «партия власти»). В определенном смысле можно говорить о естественном нонконформизме городов и определенном конформизме периферии. Городское население как более независимое, индивидуализированное, образованное более критически относится к любой власти, здесь намного менее вероятна ситуация чьего-то властного доминирования. И наоборот, чем выше коллективистские и патриархальные начала, тем сильнее поддержка власти.

Фактически население городов демонстрировало в 1980-1990-е большую приверженность поддержке тех, кто тогда вос-

принимался как реформаторская по отношению к прежнему режиму сила, а более пожилое, менее образованное и более консервативное население сельской периферии и малых городов поддерживало скорее партии, апеллирующие к сохранению и возрождению наследия прежней власти. Отличия протестного поведения в том, за какие именно оппозиционные партии и их кандидатов голосовали избиратели тех или иных регионов – левые (КПРФ, АПР и т.д.) или некоммунистические (в первую очередь ЛДПР) имело свои историко-культурные причины. Если в аграрных регионах центральной России, юга Сибири и национальных регионах протестное голосование в «защиту традиционализма» тогда происходило скорее в пользу левых, то в регионах Русского Севера и Дальнего Востока преимущественно в пользу ЛДПР. Регионы Русского Севера и Дальнего Востока, также как и ряд иных регионов (урало-тюменская зона) относительно недавнего активного освоения по своим предпочтениям в целом были гораздо ближе к крупным городам.

Показательно, что после смены федеральной власти первыми быстро и резко сменили пристрастия так называемые национальные регионы с их патриархальными и клановыми традициями (хотя в начале 1990-х левая ориентация этнических периферий была доминирующей), а формально провозглашаемые по этим регионам данные выборов с явкой на уровне 90% при якобы тотальном голосовании населения за единственную партию имеют явную ассоциацию со временами Советского Союза. За политической переориентацией национальных регионов последовала «русская аграрная периферия». Фактически так называемый «красный пояс» 1990-х был ничем иным как остаточной поддержкой прежней коммунистической власти, как только новая власть «устоялась» и вернулась к привычной (а-ля советской) риторике и поведению, она стала наследовать электоральную базу власти предшествующей. Просто на периферии многие электоральные процессы происходят с запозданием и существует определенная ностальгия по власти прежней.

Однако на фоне всех отмеченных тенденций прошлые выборы 2007-2008 показали, что голосование лично за Г.Зюганова бы-

ло ближе к «традиционной» электоральной географии КПРФ 1990-х, чем собственно за КПРФ на выборах Госдумы: наибольший коэффициент изменения поддержки Г.Зюганова в 2008 по отношению к КПРФ-2007 был отмечен в аграрных и/или наиболее депрессивных регионах, ранее относившихся к «красному поясу».

Выборы 4 марта 2012 вновь, но в немного более сглаженном, чем в 2008 году, варианте, показали ту же закономерность. Общероссийский коэффициент соотношения голосования за Зюганова и КПРФ составил на минувших выборах 0,895. При этом существенно выше среднего он был в регионах «электоральной аномалии» - ряде национальных регионов (Ингушетия, Мордовия, Тыва, Адыгея, Чукотка - здесь процент поддержки Зюганова по отношению к КПРФ не просто превысил средний коэффициент, а превысил единицу). Несомненно, что это лишней раз подчеркивает девиантность голосования в Госдуму, когда имели место и манипуляции, и стремление властей ряда регионов добиться максимального числа голосов за «Единую Россию», чтобы провести максимальное число депутатов в Госдуму РФ по списку данной партии. В этом смысле имеет скорее не рост голосования за Зюганова на фоне КПРФ, а скорее снижение уровня фальсификаций и иных манипуляций. Однако даже с учетом относительного роста числа голосов, поданных за Г.Зюганова по сравнению с голосованием за КПРФ, сам уровень голосования за Г.А.Зюганова в этих регионах остался существенно ниже среднероссийского.

А в таких регионах как Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия, Кемеровская область, судя по всему, даже относительного снижения объема манипуляций фактически не произошло.

При этом вырос процент поддержки Зюганова по сравнению с КПРФ в таких регионах как аграрные Белгородская, Владимирская, Воронежская, Астраханская, Тамбовская, Ульяновская области, а также в Марий Эл, Тульской, Челябинской, Саратовской областях. Зюганов получил меньший процент, чем КПРФ, но коэффициент изменения поддержки превысил среднероссийские 0,895 в Орловской, Костромской, Омской, Оренбургской, Смоленской, Липецкой, Курской, Калужской, Вологодской, Пензенской областях. То есть как и в 2008 аграрная периферия лучше восприняла

Зюганова, чем большинство крупных городов и промышленных центров, а также большинство регионов российского Севера.

Коэффициент соотношения поддержки Зюганова и КПРФ хуже для кандидата коммунистов в Санкт-Петербурге, Архангельской, Иркутской, Калининградской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Новосибирской, Томской областях, Приморском, Пермском, Хабаровском краях и т.д. Причем в некоторых данных регионах можно отметить даже ухудшение соотношений коэффициентов поддержки по сравнению с 2008, что вероятно связано с тем, что сильная в этих регионах «Справедливая Россия» в 2008 не выдвигала кандидата в Президенты (и часть ее протестного электората ушла тогда к Зюганову).

В целом ситуация соотношения Зюганов/КПРФ похожа на 2008 год, сглаживает ее только ситуация в самой Москве. Здесь проценты КПРФ и Зюганова почти равны, что означает превышение среднероссийского коэффициента. Вероятно это следствие нескольких эффектов. Первый связан с тем, что благодаря протестной активности и усилению общественного контроля именно в Москве намного лучше стала ситуация с электоральным контролем, что повлияло на результаты всех альтернативных «главному» кандидатов. Второй эффект связан со «ставкой на лидера» в ставшей главным протестным центром в декабре 2011 года Москве.

Важно понимать также, что Зюганов фактически был единственным кандидатом в президенты, который вел в регионах относительно активную широкую избирательную кампанию (хотя ее интенсивность несомненно уступала активности осенней кампании собственно КПРФ). Соответственно, даже при тех или иных претензиях к качеству этой кампании у значительной части оппозиционно настроенного электората фактически не было выбора – многие голосовали за Г.Зюганова просто потому, что он представлялся им наиболее сильным кандидатом из оппонентов Путина, допущенных к выборам. В этом смысле многие поданные за него голоса это не голоса его собственных сторонников, а голоса протеста.

Таблица соотношения относительного уровня поддержки КПРФ 4 декабря 2011 на выборах Госдумы РФ с голосованием за Г.А.Зюганова на президентских выборах 4 марта 2012 года

№	Регион	Процентная доля голосов за КПРФ на выборах Госдумы РФ 2011 (от принявших участие в голосовании)	Процентная доля голосов за Г.Зюганова на выборах Президента РФ 2012 (от принявших участие в голосовании)	Коэффициент соотношения процентных долей КПРФ и Г.Зюганова (президентские выборы к парламентским)	Изменение процента поддержки между КПРФ и Г.Зюгановым от принявших участие в голосовании на территории
1.	Орловская область	31,98%	29,09%	0,91	-2,89%
2.	Новосибирская область	30,25%	22,53%	0,74	-7,97%
3.	Костромская область	28,85%	26,02%	0,91	-2,83%
4.	Нижегородская область	28,78%	19,05%	0,66	-9,73%
5.	Иркутская область	27,79%	22,57%	0,81	-5,22%
6.	Оренбургская область	26,18%	24,92%	0,95	-1,26%
7.	Омская область	25,57%	24,01%	0,94	-1,56%
8.	Московская область	25,54%	19,36%	0,76	-6,18%
9.	Калининградская область	25,54%	21,33%	0,84	-4,21%
10.	Псковская область	25,13%	20,64%	0,82	-4,49%
11.	Ненецкий АО	24,8%	17,27%	0,696	-7,53%
12.	Алтайский край	24,71%	22,26%	0,9	-2,45%
13.	Республика Бурятия	24,34%	18,04%	0,74	-6,3%
14.	Смоленская область	24,24%	23,07%	0,95	-1,17%
15.	Ярославская область	23,99%	19,89%	0,83	-4,1%
16.	Республика Хакасия	23,63%	20,56%	0,87	-3,07%
17.	Красноярский край	23,6%	18,03%	0,76	-5,57%
18.	Рязанская область	23,58%	21,42%	0,91	-2,16%
19.	Сахалинская	23,43%	20,03%	0,85	-3,4%

	область				
20.	Приморский край	23,32%	20,36%	0,87	-2,96%
21.	Брянская область	23,31%	20,91%	0,897	-2,4%
22.	Тверская область	23,23%	19,71%	0,848	-3,52%
23.	Самарская область	23,13%	20,55%	0,89	-2,58%
24.	Ульяновская область	23,09%	24,03%	1,04	+0,94%
25.	Липецкая область	22,89%	21,13%	0,92	-1,76%
26.	Волгоградская область	22,76%	18,85%	0,83	-3,91%
27.	Магаданская область	22,75%	20,01%	0,88	-2,74%
28.	Кировская область	22,68%	18,54%	0,82	-4,14%
29.	Ивановская область	22,52%	18,3%	0,81	-4,25%
30.	Белгородская область	22,42%	23,45%	1,046	+1,03%
31.	Томская область	22,39%	18,85%	0,84	-3,54%
32.	Калужская область	21,91%	20,01%	0,91	-1,9%
33.	Воронежская область	21,85%	22,42%	1,026	+0,57%
34.	Мурманская область	21,76%	16%	0,735	-5,76%
35.	Республика Северная Осетия - Алания	21,72%	21,05%	0,97	-0,67%
36.	Республика Алтай	21,55%	16,92%	0,785	-4,63%
37.	Пермский край	21,02%	15,78%	0,75	-5,24%
38.	Чувашская Республика	20,9%	20,58%	0,98	-0,32%
39.	Ростовская область	20,85%	20,06%	0,96	-0,79%
40.	Республика Марий Эл	20,73%	22,09%	1,066	+1,36%
41.	Курская область	20,71%	20,24%	0,98	-0,47%
42.	Владимирская область	20,53%	20,75%	1,01	+0,22%
43.	Хабаровский край	20,49%	17,65%	0,86	-2,84%
44.	Архангельская область	20,23%	15,94%	0,79	-4,29%
45.	Пензенская область	19,83%	19,7%	0,99	-0,13%
46.	Еврейская авто-	19,8%	18,63%	0,94	-1,17%

	номная область				
47.	Курганская область	19,63%	17,4%	0,886	-2,23%
48.	Удмуртская Республика	19,55%	14,82%	0,76	-4,73%
49.	Новгородская область	19,51%	17,7%	0,907	-1,81%
50.	Город Москва	19,35%	19,18%	0,99	-0,17%
51.	Республика Карелия	19,26%	16,47%	0,86	-2,79%
52.	Амурская область	19,18%	16,85%	0,88	-2,33%
53.	Республика Адыгея	18,68%	20,55%	1,1	+1,87%
54.	Забайкальский край	18,64%	14,37%	0,77	-4,27%
55.	Ставропольский край	18,4%	18,03%	0,98	-0,37%
56.	Республика Калмыкия	18,37%	17,51%	0,95	-0,86%
57.	Кабардино-Балкарская Республика	17,63%	13,81%	0,78	-3,82%
58.	Краснодарский край	17,56%	18,46%	1,05	+0,9%
59.	Ленинградская область	17,39%	14,18%	0,815	-3,21%
60.	Камчатский край	17,08%	15,97%	0,935	-1,11%
61.	Свердловская область	16,82%	12,14%	0,72	-4,68%
62.	Вологодская область	16,78%	15,35%	0,91	-1,43%
63.	Тамбовская область	16,46%	17,38%	1,06	+0,92%
64.	Республика Саха (Якутия)	16,39%	14,39%	0,878	-2%
65.	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	16,1%	13,8%	0,857	-2,3%
66.	Республика Башкортостан	15,65%	14,18%	0,91	-1,47%
67.	Город Санкт-Петербург	15,33%	13,06%	0,85	-2,27%
68.	Тульская область	15,07%	16,95%	1,12	+1,88%
69.	Челябинская область	14,63%	14,72%	1,006	+0,09%
70.	Саратовская область	13,8%	14,63%	1,06	+0,83%

71.	Республика Коми	13,46%	13,34%	0,99	-0,12%
72.	Астраханская область	13,26%	15,64%	1,18	+2,38%
73.	Тюменская область	11,74%	11,41%	0,97	-0,33%
74.	Республика Татарстан	10,59%	9,66%	0,91	-0,93%
75.	Кемеровская область	10,51%	8,14%	0,77	-2,37%
76.	Карачаево-Черкесская Республика	8,82%	5,81%	0,659	-3,01%
77.	Республика Дагестан	7,93%	5,94%	0,75	-1,99%
78.	Чукотский автономный округ	6,7%	9,04%	1,349	+2,34%
79.	Ямало-Ненецкий автономный округ	6,56%	5,59%	0,85	-0,97%
80.	Республика Мордовия	4,54%	7,23%	1,59	+2,69%
81.	Республика Тыва	3,93%	4,32%	1,1	+0,39%
82.	Республика Ингушетия	2,94%	4,45%	1,51	+1,51%
83.	Чеченская Республика	0,09%	0,03%	0,33	-0,6%
В ЦЕЛОМ ПО РФ		19,19%	17,18%	0,895	-2,01%

Миронов и «Справедливая Россия»

При отмеченных закономерностях – существенном падении процента поддержки голосования за С.Миронова на фоне голосования за «Справедливую Россию» региональная картина для лидера «эсеров» тоже неоднородна и подчеркивает решающую роль в результатах партии региональных харизматиков. При среднероссийском коэффициенте изменения поддержки в 0,29 (т.е. это доля голосов за «эсеров», которую получил Миронов), в двух регионах отмечен даже прирост – в Кабардино-Балкарии и Дагестане он получил голосов больше, чем его партия. Этот тот феномен, о котором выше шла речь в случае с Зюгановым – снижение объема искажений в данных регионах, где на этот раз не шла борьба за депутатские мандаты для региональных групп внутри партсписка. Те же причины объясняют превышение среднероссийского коэффициента соотношения голосов за «Справед-

ливую Россию» и Миронова в таких регионах, как Татарстан, Ингушетия, Мордовия, Калмыкия и некоторых других. При этом общий процент голосования за Миронова в этих регионах при его росте по отношению с декабрем остался ниже его абсолютного результата по стране.

В целом у Миронова отмечается интересный феномен – коэффициент поддержки лучше среднего по отношению к партии получился в наиболее провальных для партии в декабре регионах, которые для партии базовыми не были и не будут. И в любом случае речь идет о незначительных абсолютных цифрах. А вот из регионов, для «Справедливой России» электорально значимых – именно они в первую очередь обеспечили ее высокий результат на выборах в Госдуму РФ – ситуация немногим лучше среднего для Миронова только в Челябинской, Владимирской областях, Хабаровском крае и Москве, едва превышен средний коэффициент в Омске, который Миронов в ходе кампании лично посетил. Однако в Свердловской, Ярославской областях, Чувашии личные визиты Миронова не помогли. Хуже среднего коэффициент соотношения голосования за Миронова по отношению «эсерам» в целом даже в его родном Санкт-Петербурге.

Таблица соотношения относительного уровня поддержки «Справедливой России» 4 декабря 2011 на выборах Госдумы РФ с голосованием за С.М.Миронова на президентских выборах 4 марта 2012 года

№	Регион	Процентная доля голосов за «Справедливую Россию» на выборах Госдумы РФ 2011 (от принявших участие в голосовании)	Процентная доля голосов за С.Миронова на выборах Президента РФ 2012 (от принявших участие в голосовании)	Коэффициент соотношения процентных долей СР и С.Миронова (президентские выборы к парламентским)	Изменение процента поддержки между СР и С.Мироновым от принявших участие в голосовании на территории
1.	Новгородская область	28,05%	7,12%	0,25	-20,93%
2.	Вологодская	27,15%	6,62%	0,244	-20,53%

	область				
3.	Ленинградская область	25,3%	5,86%	0,23	-19,44%
4.	Свердловская область	24,69%	5,47%	0,22	-19,22%
5.	Город Санкт-Петербург	23,66%	6,61%	0,279	-17,05%
6.	Ярославская область	22,63%	6,14%	0,27	-16,49%
7.	Архангельская область	22,11%	5,78%	0,26	-16,33%
8.	Волгоградская область	21,94%	6,62%	0,3	-15,32%
9.	Республика Саха (Якутия)	21,82%	4,41%	0,2	-17,41%
10.	Владимирская область	21,53%	6,57%	0,305	-14,96%
11.	Республика Карелия	20,58%	6,1%	0,296	-14,48%
12.	Тверская область	19,8%	4,92%	0,248	-14,88%
13.	Кировская область	19,79%	5,22%	0,26	-14,57%
14.	Мурманская область	19,67%	5,05%	0,256	-14,61%
15.	Чувашская Республика	18,79%	4,44%	0,236	-14,35%
16.	Смоленская область	18,6%	4,34%	0,23	-14,26%
17.	Костромская область	18,58%	4,62%	0,249	-13,96%
18.	Приморский край	18,16%	4,36%	0,24	-13,8%
19.	Оренбургская область	16,79%	4,05%	0,24	-12,74%
20.	Липецкая область	16,73%	3,95%	0,24	-12,78%
21.	Челябинская область	16,63%	5,1%	0,31	-11,53%
22.	Пермский край	16,41%	4,4%	0,27	-12,01%
23.	Псковская область	16,41%	4,57%	0,278	-11,84%
24.	Алтайский край	16,1%	3,9%	0,24	-12,2%
25.	Московская область	15,87%	4,23%	0,27	-11,64%
26.	Красноярский край	15,86%	3,54%	0,22	-12,32%
27.	Ульяновская область	15,62%	4,17%	0,27	-11,45%

28.	Калужская область	15,61%	4,23%	0,27	-11,38%
29.	Ивановская область	15,6%	4,44%	0,285	-11,16%
30.	Рязанская область	15,08%	4,12%	0,27	-10,96%
31.	Ненецкий АО	14,98%	5,3%	0,35	-9,68%
32.	Астраханская область	14,56%	4,3%	0,295	-10,26%
33.	Воронежская область	14,47%	3,68%	0,25	-10,79%
34.	Курганская область	14,47%	4,0%	0,276	-10,47%
35.	Курская область	14,43%	3,81%	0,26	-10,62%
36.	Самарская область	14,19%	3,94%	0,28	-10,25%
37.	Забайкальский край	14,1%	3,01%	0,21	-11,09%
38.	Хабаровский край	14,09%	4,88%	0,35	-9,21%
39.	Ханты-Мансийский АО - Югра	13,84%	3,29%	0,24	-10,55%
40.	Республика Хакасия	13,67%	3,59%	0,26	-10,08%
41.	Томская область	13,41%	3,7%	0,28	-9,71%
42.	Омская область	13,4%	4,03%	0,3	-9,37%
43.	Иркутская область	13,36%	3,84%	0,29	-9,52%
44.	Калининградская область	13,26%	3,53%	0,27	-9,73%
45.	Ростовская область	13,26%	3,63%	0,27	-9,63%
46.	Новосибирская область	12,69%	3,03%	0,24	-9,66%
47.	Республика Бурятия	12,63%	3,36%	0,27	-9,27%
48.	Город Москва	12,14%	5,05%	0,42	-7,09%
49.	Ставропольский край	11,82%	3,14%	0,27	-8,68%
50.	Сахалинская область	11,77%	3,88%	0,33	-7,89%
51.	Магаданская область	11,61%	3,74%	0,32	-7,87%
52.	Белгородская область	11,58%	3,96%	0,34	-7,62%
53.	Республика Коми	11,47%	4,32%	0,38	-7,15%
54.	Орловская область	11,21%	3,35%	0,3	-7,86%

55.	Удмуртская Республика	11,18%	3,42%	0,31	-7,76%
56.	Брянская область	11,7%	3,35%	0,299	-7,82%
57.	Краснодарский край	10,81%	3,31%	0,31	-7,5%
58.	Нижегородская область	10,6%	3,4%	0,32	-7,2%
59.	Республика Марий Эл	10,59%	3,98%	0,375	-6,61%
60.	Еврейская АО	10,53%	3,48%	0,33	-7,05%
61.	Республика Алтай	10,32%	3,34%	0,324	-6,98%
62.	Амурская область	10,28%	3,4%	0,33	-6,88%
63.	Саратовская область	10,08%	3,27%	0,324	-6,81%
64.	Камчатский край	10,06%	3,47%	0,344	-6,59%
65.	Пензенская область	8,66%	3,16%	0,365	-5,5%
66.	Республика Адыгея (Адыгея)	8,52%	3,01%	0,35	-5,51%
67.	Тульская область	8,46%	3,41%	0,4	-5,05%
68.	Кемеровская область	7,96%	2,28%	0,286	-5,68%
69.	Тюменская область	7,39%	2,45%	0,33	-4,94%
70.	Республика Калмыкия	7,18%	2,68%	0,37	-4,5%
71.	Республика Тыва	6,71%	1,37%	0,2	-5,34%
72.	Республика Северная Осетия - Алания	6,03%	3,11%	0,51	-2,92%
73.	Тамбовская область	6,02%	2,25%	0,374	-3,77%
74.	Республика Башкортостан	5,45%	2,49%	0,46	-2,96%
75.	Чукотский автономный округ	5,4%	2,16%	0,4	-3,24%
76.	Республика Татарстан	5,3%	1,76%	0,33	-3,64%
77.	Ямало-Ненецкий автономный округ	4,7%	1,49%	0,32	-3,21%
78.	Республика Ингушетия	2,32%	1,06%	0,43	-1,26%
79.	Республика Мордовия	1,29%	1,11%	0,86	-0,18%

80.	Карачаево-Черкесская Республика	0,47%	0,74%	1,57	-0,27%
81.	Кабардино-Балкарская Республика	0,2%	3,05%	15,25	+2,85%
82.	Республика Дагестан	0,19%	0,29%	18,15	+0,1%
83.	Чеченская Республика	0,18%	0,03%	0,17	-0,15%
В ЦЕЛОМ ПО РФ		13,24%	3,85%	0,29	-9,39%

Жириновский и ЛДПР

Ситуация для Жириновского похожа на ситуацию у Миронова – лучшее соотношение голосования марта к декабрю в изначально слабых для партии регионах при ситуации худшей, чем средняя по стране, в регионах для ЛДПР изначально базовых. Только в отличие от «Справедливой России» электоральная база ЛДПР это не регионы, где на партию работали «региональные харизматики», а территория «некоммунистического протестного голосования» - часть Сибири, Дальний Восток, Урал, Крайний Север. И здесь сыграл свою роль фактор как отсутствия личных поездок Жириновского по регионам в ходе кампании (если не считать краткого выезда в Тверь), так и крайне неудачное публичное выступление Жириновского про уральцев. В результате против В.Жириновского использовалась цитата, которую он произнес 10 января: «Ельцин — тупой не только потому, что строитель. Урал, Урал, Урал! Там огромное количество залежей под землей. Это кладовая страны. Там огромное магнитное поле. Там вообще тупое население. Там дебилы живут. От Перми до Екатеринбурга — это население дебильное. Оно, может быть, здоровое, но если взять его по интеллекту — он тупой до упора. Пермь стоит и так на тебя иступленно смотрит! Это не Ленинград, не Саратов. Я же объехал всю страну. Я сорок лет езжу по стране. Более тупого населения, чем на Урале, нет. И там родился Ельцин». Многими такой шаг Жириновского показался сознательным шагом для уменьшения рейтинга в регионе, где он традиционно популярен. Итог – особенно резкое падение результатов в Пермском крае,

Свердловской, Челябинской областях, соседнем с ними Ханты-Мансийском округе. Из базовых для партии регионов-лидеров по проценту за ЛДПР лучше других смотрелись только Камчатский край, Калининградская, Смоленская, Сахалинская, Владимирская и Курская области. Неплохим на среднем фоне было соотношение результатов в Тверской, Новгородской областях, Коми.

Таблица соотношения относительного уровня поддержки ЛДПР 4 декабря 2011 на выборах Госдумы РФ с голосованием за В.В. Жириновского на президентских выборах 4 марта 2012 года

№	Регион	Процентная доля голосов за ЛДПР на выборах Госдумы РФ 2011 (от принявших участие в голосовании)	Процентная доля голосов за В.Жириновского на выборах Президента РФ 2012 (от принявших участие в голосовании)	Коэффициент соотношения процентных долей ЛДПР и В. Жириновского (президентские выборы к парламентским)	Изменение процента поддержки между ЛДПР и В.Жириновским от принявших участие в голосовании на территории
1.	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	22,53%	8,11%	0,36	-14,42%
2.	Амурская область	20,97%	9,94%	0,47	-11,03%
3.	Хабаровский край	19,82%	10,47%	0,53	-9,35%
4.	Забайкальский край	19,18%	9,95%	0,52	-9,23%
5.	Приморский край	18,7%	8,63%	0,46	-10,07%
6.	Камчатский край	18,61%	10,54%	0,57	-8,07%
7.	Архангельская область	18,16%	8,9%	0,49	-9,26%
8.	Мурманская область	18,11%	8,09%	0,45	-10,02%
9.	Республика Карелия	17,94%	8,59%	0,48	-9,35%
10.	Пермский край	17,89%	4,6%	0,26	-13,29%
11.	Томская область	17,85%	7,67%	0,43	-10,18%
12.	Ненецкий ав-	17,53%	9,04%	0,52	-8,49%

	тономный округ				
13.	Магаданская область	17,37%	9,18%	0,53	-8,19%
14.	Иркутская область	17,34%	8,24%	0,48	-9,1%
15.	Красноярский край	16,99%	8,61%	0,507	-8,38%
16.	Оренбургская область	16,9%	7,33%	0,43	-9,57%
17.	Курганская область	16,88%	8,57%	0,508	-8,31%
18.	Кировская область	16,7%	7,9%	0,47	-8,8%
19.	Удмуртская Республика	16,59%	6,27%	0,38	-10,32%
20.	Алтайский край	16,57%	8,33%	0,5	-8,24%
21.	Свердловская область	16,01%	5,2%	0,32	-10,81%
22.	Республика Хакасия	16,01%	8,48%	0,53	-7,53%
23.	Костромская область	15,99%	8,09%	0,5	-7,9%
24.	Сахалинская область	15,98%	8,77%	0,55	-7,21%
25.	Самарская область	15,72%	7,56%	0,48	-8,16%
26.	Еврейская автономная область	15,72%	8,35%	0,53	-7,37%
27.	Новосибирская область	15,7%	7,7%	0,49	-8%
28.	Ярославская область	15,48%	7,72%	0,5	-7,76%
29.	Вологодская область	15,43%	8,13%	0,53	-7,3%
30.	Ставропольский край	15,31%	6,99%	0,46	-8,32%
31.	Рязанская область	15,06%	7,58%	0,5	-7,48%
32.	Ленинградская область	14,98%	6,77%	0,45	-8,21%
33.	Ивановская область	14,78%	7,25%	0,49	-7,53%
34.	Смоленская область	14,75%	7,94%	0,54	-6,81%
35.	Липецкая область	14,4%	7,13%	0,5	-7,27%

36.	Калужская область	14,36%	7,42%	0,52	-6,94%
37.	Московская область	14,34%	6,66%	0,46	-7,68%
38.	Омская область	14,19%	7,68%	0,54	-6,51%
39.	Калининградская область	14,1%	7,79%	0,55	-6,31%
40.	Тюменская область	14,06%	5,79%	0,41	-8,27%
41.	Псковская область	13,93%	6,71%	0,48	-7,22%
42.	Ямало-Ненецкий автономный округ	13,63%	5,21%	0,38	-8,42%
43.	Курская область	13,47%	8,2%	0,61	-5,27%
44.	Волгоградская область	13,29%	6,86%	0,52	-6,43%
45.	Владимирская область	12,93%	8,4%	0,65	-4,53%
46.	Ульяновская область	12,59%	6,96%	0,55	-5,63%
47.	Кемеровская область	12,34%	6,82%	0,55	-5,52%
48.	Орловская область	12,24%	7,45%	0,61	-4,79%
49.	Республика Коми	11,91%	7,67%	0,64	-4,24%
50.	Челябинская область	11,77%	5,66%	0,48	-6,11%
51.	Республика Марий Эл	11,72%	6,53%	0,56	-5,19%
52.	Тверская область	11,69%	7,4%	0,63	-4,29%
53.	Новгородская область	11,48%	7,41%	0,645	-4,07%
54.	Чукотский автономный округ	11,24%	7,18%	0,64	-4,06%
55.	Чувашская Республика	10,67%	5,65%	0,53	-5,02%
56.	Нижегородская область	10,66%	5,96%	0,56	-4,7%
57.	Республика Алтай	10,65%	5,6%	0,525	-5,05%
58.	Брянская область	10,64%	6,14%	0,58	-4,5%

59.	Краснодарский край	10,45%	6,54%	0,63	-3,91%
60.	Город Санкт-Петербург	10,3%	4,65%	0,45	-5,65%
61.	Ростовская область	10,16%	6,27%	0,62	-3,89%
62.	Пензенская область	10,12%	6,39%	0,63	-3,73%
63.	Белгородская область	9,65%	6,62%	0,69	-3,03%
64.	Республика Бурятия	9,47%	5,34%	0,56	-4,13%
65.	Город Москва	9,45%	6,3%	0,67	-3,15%
66.	Тульская область	9,21%	5,79%	0,63	-3,42%
67.	Воронежская область	8,88%	6,22%	0,7	-2,66%
68.	Республика Саха (Якутия)	8,47%	4,37%	0.52	-4,1%
69.	Астраханская область	8,33	5,07%	0,61	-3,26%
70.	Республика Адыгея	7,75%	5,06%	0,65	-2,69%
71.	Саратовская область	7,24%	5,06%	0,7	-2,18%
72.	Тамбовская область	7,09%	4,54%	0,64	-2,55%
73.	Республика Башкортостан	5,2%	3,64%	0,7	-1,56%
74.	Республика Калмыкия	4,02%	2,54%	0,63	-1,48%
75.	Республика Татарстан	3,48%	2,23%	0,64	-1,25%
76.	Республика Северная Осетия - Алания	2,23%	3,16%	1,42	-0,93%
77.	Республика Тыва	2,08%	1,74%	0,84	-0,34%
78.	Республика Мордовия	1,54%	2,34%	1,52	-0,8%
79.	Республика Ингушетия	0,41%	1,17%	2,85	-0,76%
80.	Карачаево-Черкесская Республика	0,28%	0,98%	3,5	-0,7%
81.	Кабардино-Балкарская Республика	0,08%	3,08%	38,5	+3%

82.	Республика Дагестан	0,03%	0,11%	3,67	+0,08%
83.	Чеченская Республика	0,02%	0,02%	1	-
В ЦЕЛОМ ПО РФ		11,67%	6,22%	0,53	-5,45%

Путин и «Единая Россия»

Исходя из описанного выше понятно, откуда в региональном разрезе был получен основной массив прироста голосов за В.Путина по сравнению с голосованием за «Единую Россию»: в первую очередь речь о регионах, наиболее электорально успешных для «Справедливой России» и ЛДПР.

И это не удивительно, так как в регионах изначально базовых для «Единой России» в декабре 2011 года, существенно прироста получить было уже невозможно, так как в них массив возможных голосов был уже в декабре был выбран почти полностью. Насколько могли, и в них тоже пытались улучшить результат при голосовании за В.Путина, но эти изменения не могли радикально изменить общероссийскую ситуацию.

Важно отметить еще два момента. Первый – отсутствие фактора участия «региональных харизматиков», который работал в декабре 2011 на «Справедливую Россию», связано не только с тем обстоятельством, что они на этот раз не были заинтересованы лично в процессе электоральной мобилизации, но и с тем, что они при этом и не были заинтересованы лично в процессе организации электорального контроля, что облегчало в этих регионах и любые электоральные манипуляции. Исключением стала Москва, где вместо этого фактора работал новый, но еще более мощный фактор общественного подъема в борьбе за «честные выборы».

Второй – это фактор совмещенных выборов. Значительная часть проблемных для «Единой России» регионов в декабре 2011 года это территории, где одновременно с Государственной думой избирались региональные парламенты. Именно принятый по инициативе «Единой России» в марте 2011 года закон привел к тому, что вместо ожидавшихся 11 региональных выборов на декабрь были перенесены выборы еще в 16 регионах, итого в 27 регионах проходили совмещенные выборы. Это решение представляло со-

бой яркий пример электорального манипулирования, когда власть стремилась пойти на изменение четко устанавливающего сроки выборов законодательства ради того, чтобы изменить дату выборов с целью создать максимально комфортные условия для проведения избирательной кампании «партии власти», пытаться скрыть недовольство жителей конкретных регионов за счет смешения федеральных и региональных выборов в надежде, что часть избирателей, отслеживающая лишь кампанию более высокого уровня, по обоим бюллетеням проголосует идентично. Фактически они стремились «подложить региональные выборы под каток федеральных». В итоге, как и предупреждали некоторые эксперты, вышло наоборот. Усилились стимулы для мобилизации электората новыми участниками (кандидатами на региональных выборах), как и количество игроков, лично заинтересованных в электоральном контроле. В сочетании с первым фактором борьбы за места внутри списков в Госдуму РФ между региональными группами это привело к тому, что по таким регионам, как Московская, Свердловская, Вологодская области или Пермский край итоги голосования были откровенно удручающими. Но 4 марта 2012 года в результате не было ни одних полномасштабных региональных выборов (вместо них были лишь отдельные округа нам имеющиеся вакансии), совмещены оказались лишь отдельные местные выборы (наиболее массовые в Москве, что дополнительно усилило феномен повышенного интереса к «борьбе за честные выборы»).

Таблица соотношения относительного уровня поддержки «Единой России» 4 декабря 2011 на выборах Госдумы РФ с голосованием за В.В.Путина на президентских выборах 4 марта 2012 года

№	Регион	Процентная доля голосов за ЕР на выборах Госдумы РФ 2011 (от принявших участие в голосовании)	Процентная доля голосов за В.Путина на выборах Президента РФ 2012 (от принявших участие в голосовании)	Коэффициент соотношения процентных долей ЕР и В.Путина (президентские выборы к парламентским)	Изменение процента поддержки между ЕР и В.Путиным от принявших участие в голосовании на территории
1.	Чеченская Республика	99,48%	99,76%	1,003	+0,28%
2.	Республика Мордовия	91,62%	87,06%	0,89	-4,56%
3.	Республика Дагестан	91,44%	92,84%	1,02	+1,4%
4.	Республика Ингушетия	90,96%	91,91%	1,01	+0,95%
5.	Карачаево-Черкесская Республика	89,84%	91,36%	1,02	+1,52%
6.	Республика Тыва	85,29%	90%	1,06	+4,71%
7.	Кабардино-Балкарская Республика	81,91%	77,64%	0,95	-4,27%
8.	Республика Татарстан	77,83%	82,7%	1,06	+4,87%
9.	Ямало-Ненецкий автономный округ	71,68%	84,58%	1,18	+12,9%
10.	Республика Башкортостан	70,5%	75,28%	1,07	+4,78%
11.	Чукотский автономный округ	70,32%	72,64%	1,03	+2,32%
12.	Республика Северная Осетия - Алания	67,9%	70,06%	1,03	+2,16%
13.	Тамбовская область	66,66%	71,76%	1,08	+5,1%
14.	Республика Калмыкия	66,1%	70,3%	1,06	+4,2%
15.	Саратовская область	64,89%	70,64%	1,09	+5,75%

16.	Кемеровская область	64,24%	77,19%	1,2	+12,95%
17.	Тюменская область	62,21%	73,1%	1,175	+10,89%
18.	Тульская область	61,32%	66,77%	1,09	+5,45%
19.	Республика Адыгея	60,21%	64,07%	1,064	+3,86%
20.	Астраханская область	60,17%	68,76%	1,14	+8,59%
21.	Республика Коми	58,81%	65,02%	1,106	+6,21%
22.	Пензенская область	56,3%	64,27%	1,14	+7,97%
23.	Краснодарский край	56,15%	63,72%	1,13	+7,57%
24.	Республика Алтай	53,33%	66,87%	1,25	+13,54%
25.	Республика Марий Эл	52,24%	59,98%	1,148	+7,74%
26.	Белгородская область	51,16%	59,3%	1,159	+8,14%
27.	Челябинская область	50,28%	65,02%	1,29	+14,74%
28.	Ростовская область	50,22%	62,66%	1,247	+12,44%
29.	Брянская область	50,12%	64,02%	1,28	+13,9%
30.	Воронежская область	50,05%	61,34%	1,226	+11,29%
31.	Республика Саха (Якутия)	49,16%	69,46%	1,41	+20,3%
32.	Ставропольский край	49,11%	64,47%	1,31	+15,36%
33.	Республика Бурятия	49,02%	66,2%	1,35	+17,18%
34.	Еврейская АО	48,11%	61,59%	1,28	+13,48%
35.	Город Москва	46,62%	46,95%	1,007	+0,33%
36.	Курская область	45,72%	60,45%	1,32	+14,73%
37.	Камчатский край	45,25%	59,84%	1,32	+14,59%
38.	Удмуртская Республика	45,09%	65,75%	1,46	+20,66%
39.	Нижегородская область	44,55%	63,9%	1,43	+19,35%
40.	Курганская область	44,41%	63,39%	1,427	+18,98%
41.	Ульяновская область	43,56%	58,18%	1,336	+14,62%
42.	Амурская область	43,54%	62,84%	1,443	+19,3%

43.	Чувашская Республика	43,42%	62,32%	1,435	+18,9%
44.	Забайкальский край	43,28	65,69%	1,52	+22,41%
45.	Сахалинская область	41,91%	56,3%	1,34	+14,39%
46.	Магаданская область	41,04%	56,25%	1,37	+15,21%
47.	Ханты-Мансийский АО – Югра	41,01%	66,41%	1,62	+25,4%
48.	Калужская область	40,42%	59,02%	1,46	+18,2%
49.	Республика Хакасия	40,13%	58,4%	1,455	+18,27%
50.	Ивановская область	40,12%	61,85%	1,542	+21,73%
51.	Липецкая область	40,09%	61%	1,522	+20,91%
52.	Рязанская область	39,79%	59,74%	1,5	+19,95%
53.	Омская область	39,61%	55,55%	1,4	+15,94%
54.	Самарская область	39,37%	58,56%	1,487	+19,19%
55.	Орловская область	38,99%	52,84%	1,36	+13,85%
56.	Тверская область	38,44%	58,02%	1,51	+19,58%
57.	Владимирская область	38,27%	53,49%	1,397	+15,22%
58.	Хабаровский край	38,14%	56,15%	1,47	+18,01%
59.	Томская область	37,51%	57,07%	1,52	+19,56%
60.	Алтайский край	37,17%	57,35%	1,54	+20,18%
61.	Калининградская область	37,07%	52,55%	1,42	+15,48%
62.	Красноярский край	36,7%	60,16%	1,64	+23,46%
63.	Псковская область	36,65%	59,69%	1,629	+23,04%
64.	Пермский край	36,28%	62,94%	1,73	+26,66%
65.	Смоленская область	36,23%	56,69%	1,56	+20,46%
66.	Ненецкий АО	36,04%	57,05%	1,567	+21,01%
67.	Волгоградская область	35,48%	63,41%	1,787	+27,93%
68.	Город Санкт-Петербург	35,37%	58,77%	1,66	+23,4%
69.	Иркутская	34,93%	55,45%	1,59	+20,52%

	область				
70.	Кировская область	34,9%	57,93%	1,66	+23,03%
71.	Оренбургская область	34,89%	56,89%	1,63	+21,78%
72.	Новгородская область	34,58%	57,91%	1,67	+23,33%
73.	Новосибирская область	33,84%	56,34%	1,66	+22,5%
74.	Вологодская область	33,4%	59,44%	1,78	+26,04%
75.	Ленинградская область	33,03%	61,9%	1,87	+28,87%
76.	Приморский край	32,99%	57,31%	1,62	+23,32%
77.	Московская область	32,83%	56,85%	1,73	+24,02%
78.	Свердловская область	32,71%	64,5%	1,97	+31,79%
79.	Республика Карелия	32,26%	55,38%	1,72	+23,12%
80.	Мурманская область	32,02%	60,05%	1,88	+28,03%
81.	Архангельская область	31,9%	57,97%	1,82	+26,07%
82.	Костромская область	30,74%	52,78%	1,71	+22,04%
83.	Ярославская область	29,04%	54,53%	1,88	+25,49%
В ЦЕЛОМ ПО РФ		49,32%	63,6%	1,29	+14,28%

Сделанные выше выводы будут еще более наглядными, если сопоставить приобретения и потери иных партий и кандидатов между президентскими и парламентскими выборами в регионах с максимальным приростом голосования за В. Путина (где этот прирост был более 20%). Хорошо видно, что почти половина этих регионов это те, где одновременно проходили региональные выборы (они выделены серым). Символично, что самый большой прирост голосов за Путина показала Свердловская область, где сошлись вместе отсутствие борьбы внутри партсписков за места в Госдуму, проведение в декабре 2011 выборов Заксобрания области и неудачное выступление Жириновского про «тупых уральцев».

Сопоставление изменений процентов поддержки между партиями на выборах Госдумы РФ и их кандидатами в Президенты в регионах с максимальным приростом голосования за В.В. Путина по сравнению с «Единой Россией»

(серым выделены регионы, где 4.12.2011 проходили региональные выборы)

Регион	Разница «Единая Россия» - В.Путин	Разница КПРФ - Г.Зюганов	Разница ЛДПР - В.Жириновский	Разница «Справедливая Россия» - С.Миронов
Свердловская область	+31,79%	-4,68%	-10,81%	-19,22%
Ленинградская область	+28,87%	-3,21%	-8,21%	-19,44%
Мурманская область	+28,03%	-5,76%	-10,02%	-14,61%
Волгоградская область	+27,93%	-3,91%	-6,43%	-15,32%
Пермский край	+26,66%	-5,24%	-13,29%	-12,01%
Архангельская область	+26,07%	-4,29%	-9,26%	-16,33%
Вологодская область	+26,04%	-1,43%	-7,3%	-20,53%
Ярославская область	+25,49%	-4,1%	-7,76%	-16,49%
Ханты-Мансийский АО - Югра	+25,4%	-2,3%	-14,42%	-10,55%
Московская область	+24,02%	-6,18%	-7,68%	-11,64%
Красноярский край	+23,46%	-5,53%	-8,38%	-12,32%
Санкт-Петербург	+23,4%	-2,27%	-5,65%	-17,05%
Новгородская область	+23,33%	-1,81%	-4,07%	-20,93%
Карелия	+23,12%	-2,79%	-9,35%	-14,48%
Псковская область	+23,04%	-4,49%	-7,22%	-11,84%
Кировская область	+23,03%	-4,14%	-8,8%	-14,57%
Новосибирская область	+22,5%	-7,97%	-8%	-9,66%
Забайкальский край	+22,41%	-4,27%	-9,23%	-11,09%

Костромская область	+22,04%	-2,83%	-7,9%	-13,96%
Оренбургская область	+21,78%	-1,26%	-9,57%	-12,74%
Ивановская область	+21,73%	-4,25%	-7,53%	-11,16%
Ненецкий АО	+21,01%	-7,53%	-8,49%	-9,68%
Липецкая область	+20,91%	-1,76%	-7,27%	-12,78%
Удмуртская Республика	+20,66%	-4,73%	-10,32%	-7,76%
Иркутская область	+20,52%	-5,22%	-9,1%	-9,52%
Смоленская область	+20,46%	-1,17%	-6,81%	-14,26%
Алтайский край	+20,18%	-2,45%	-8,24%	-12,2%
Саха (Якутия)	+20,3%	-2%	-4,1%	-17,41%

Голосование за Прохорова и партийная электоральная география

Завершая обзор, необходимо отметить, как же в этот расклад помимо уже отмеченных закономерностей, вписался М.Прохоров, который был на президентских выборах 4 марта 2012 не просто независимым кандидатом, но и кандидатом который ранее никогда не участвовал в выборах в качестве кандидата как сам по себе, так и в составе списка политической партии (как известно, его вхождение в партию «Правое дело» в 2011 году закончилось скандалом и выходом Прохорова и его сторонников из данной партии, которая после этого утратила всякие электоральные перспективы). Поэтому сравнить его результаты с какой-либо партией можно лишь очень относительно.

Помимо уже отмеченной закономерности связи голосования за не представленное в бюллетене 4 марта 2012 «Яблоко» с голосованием за Прохорова о существенных корреляциях географии голосования за М.Д.Прохорова и за «Яблоко» (что как раз дает основания предполагать и корреляцию электоратов) говорит то обстоятельство, что из 20 регионов с наибольшим уровнем голосования за М.Прохорова 15 входили в группу из 20 регионов с наибольшим голосованием за «Яблоко» в декабре 2011 года. Бы-

ло бы интересным ознакомиться с соответствующими социологическими исследованиями, которые как представляется, скорее всего подтвердили бы эти выводы.

Если брать первые пять регионов-лидеров по максимальному уровню голосования за М.Прохорова, то из них 4 входили в лидирующую пятерку регионов при голосовании за «Яблоко» (и только 7-я в рейтинге голосования за Прохорова Московская область при голосовании за «Яблоко» оказалась 4-й, вместо нее в пятерку лидеров за Прохорова вошел Томск). Наиболее сильным оказалось отличие голосований за Прохорова и «Яблоко» в Псковской области – в декабре 2011 регион занял 6 место при голосовании за «Яблоко», а у Прохорова был только 36-м. Видимо это результат того, что в декабре 2011 результат «Яблока» в Пскове во многом бы обеспечен региональными выборами, на которых региональный лидер партии Лев Шлосберг объединил вокруг себя довольно активную группу местных лидеров, и поддерживавшие их тогда сети и дали высокий процент, позволивший Шлосбергу стать депутатом областного собрания. То есть это были не столько «яблочные» идеологически, сколько поддерживавшие конкретных местных политиков голоса.

Кроме Псковской области из лидирующей «двадцатки» у Прохорова по сравнению с «Яблоком» выпали Калужская, Тверская, Самарская области и Камчатский край. Их заменили Ненецкий АО, Вологодская, Кировская, Сахалинская и Магаданская области (т.е. из 5 регионов два имеют нефтегазовую специализацию, а один возглавляется бывшим лидером СПС).

Однако одних голосов «Яблока» явно бы не хватило до 7,98% и это означает, что М.Прохоров получил голоса, отданные ранее и за другие партии. Если сопоставить, к примеру, изменения процентов кандидатов к результатам их партий по Москве, где 4 марта был организован наиболее качественный контроль, то прироста процента за Путина в Москве почти нет. При этом у Прохорова в Москве 20,45% , а «Яблоко» получило в городе по официальным данным 8,55%. Этот означает, что скорее всего именно Прохорову пошла разница в 7% за Миронова и в 3% за Жириновского (вряд ли кто-то станет утверждать, что в декабре

2011 в Москве могла быть массовая фальсификация за ЛДПР или «Справедливую Россию»). Или, к примеру, в Калининградской области, у Прохорова официально 13,56% при лишь 5,5% у «Яблока» в декабре. Еще 15,48% прибавил в области Путин, это означает, что к Путину и Прохорову в области должны были частично уйти голоса не только «эсеров» и ЛДПР, но и КПРФ, а также «малых партий». Другой пример – Чукотка. Здесь Прохоров получил по официальным данным 7,53%, а у «Яблока» было всего 1,71%. Это означает что около 6% голосов Прохоров здесь получил за счет бывших голосов иных партий («эсеры» потеряли на Чукотке 3,24%, а ЛДПР 4,06%),

В таких электоральных перетеканиях нет ничего удивительного, учитывая что протестное голосование за конкретные партии и кандидатов в России зачастую имеет вынужденный характер, о чем уже неоднократно говорилось, и новый кандидат именно за счет новизны и усталости от прежних лидеров при условии проведения качественной кампании может получить существенный электоральный бонус.

Сопоставление изменений процентов поддержки между партиями на выборах Госдумы РФ и их кандидатами в Президенты в регионах с максимальным уровнем голосования за М.Д.Прохорова

	Регион	Процент за М.Д. Прохорова на выборах Президента	Процент за «Яблоко» на выборах Госдумы РФ 2011	Разница «СР» - С. Миронов	Разница «ЕР» - В. Путин	Разница КПРФ - Г. Зюганов	Разница ЛДПР - В. Жириновский
1.	г. Москва	20,45%	8,55%	-7,09%	+0,33%	-0,17%	-3,15%
2.	г. Санкт-Петербург	15,52%	11,59%	-17,05%	+23,4%	-2,27%	-5,65%
3.	Калининградская область	13,56%	5,5%	-9,73%	+15,48%	-4,21%	-6,31%
4.	Республика Карелия	12,22%	6,21%	-14,48%	+23,12%	-2,79%	-9,35%
5.	Томская область	11,57%	4,66%	-9,71%	+19,56%	-3,54%	-10,18%

6.	Свердловская область	11,46%	4,27%	-19,22%	+31,79%	-4,68%	-10,81%
7.	Московская область	11,18%	6,1%	-11,64%	+24,02%	-6,18%	-7,68%
8.	Пермский край	10,86%	4,34%	-12,01%	+26,66%	-5,24%	-13,29%
9.	Ярославская область	10,58%	4,79%	-16,49%	+25,49%	-4,1%	-7,76%
10.	Архангельская область	10,45%	4,46%	-16,33%	+26,07%	-4,29%	-9,26%
11.	Ненецкий АО	10,04%	2,8%	-9,68%	+21,01%	-7,53%	-8,49%
12.	Ленинградская область	9,98%	5,02%	-19,44%	+28,87%	-3,21%	-8,21%
13.	Сахалинская область	9,78%	3,42%	-7,89%	+14,39%	-3,4%	-7,21%
14.	Магаданская область	9,71%	3,47%	-7,87%	+15,21%	-2,74%	-8,19%
15.	Мурманская область	9,65%	4,77%	-14,61%	+28,03%	-5,76%	-14,61%
16.	Хабаровский край	9,5%	3,65%	-9,21%	+18,01%	-2,84%	-9,35%
17.	Владимирская область	9,45%	3,53%	-14,96%	+15,22%	+0,22%	-4,53%
18.	Вологодская область	9,38%	3,46%	-20,53%	+26,04%	-1,43%	-7,3%
19.	Кировская область	9,27%	2,72%	-14,57%	+23,03%	-4,14%	-8,8%
20.	Новосибирская область	9,18%	4,31%	-9,66%	+22,5%	-7,97%	-8%

Кто выиграл и проиграл в марте и что ждать завтра?

О чем говорит данная электоральная картина в региональном разрезе? Во-первых, она подчеркивает, что у всех партий налицо очевидный кризис лидерства в сочетании с мощным общественным запросом на новые политические фигуры. Такие партии как КПРФ и «Справедливая Россия» пользуются гораздо

большей электоральной симпатией во многих регионах, чем возглавляющие их лидеры. Даже КПРФ получает значительную поддержку не по идеологическим, а политико-конъюнктурным причинам, связанным с общим выражением протеста, и уже лично за Зюганова значительная часть городских избирателей голосует с меньшим энтузиазмом. Новый кандидат даже без опоры на развитую сеть активистов в регионах только за счет эффекта новизны при качественной организации кампании может получить значимый результат (нечто подобное в 2003 произошло с блоком «Родина»). Можно представить, каков был бы эффект сочетания политической новизны и наличия развитой региональной сети поддержки.

Этот вывод тесно связан с выводом вторым - результаты выборов подчеркивают, что протестный электорат в стране целом не является устойчивым приверженцем конкретных политических партий. Это касается даже имеющей наиболее устойчивое идеологическое ядро КПРФ. Тоже самое справедливо и в отношении кажущегося сплоченным, но небольшим демократического электората. Очевидный по итогам анализа динамики электоральных изменений переход голосов тех, кто в 2011 голосовал за «Яблоко» к голосованию за Прохорова в марте, несмотря на то, что сами лидеры «Яблока» призывали портить бюллетени, подчеркивает, что значительная часть голосов за «Яблоко» в декабре 2011 года была во многом не персональной поддержкой лидеров партии (к которым у значительной части демократической общественности есть существенные претензии), а результатом ситуативной политической безальтернативности на либеральном фланге. Проще говоря, за «Яблоко» многие голосовали также в знак протеста, а не в знак поддержки.

Наконец третий вывод говорит в том, что правила имеют значение, и их грамотный анализ и использование имеет для итогов выборов огромный результат. Во многом история с совмещенными региональными и федеральными выборами показывает, что манипуляциями без грамотного анализа последствий и политических рисков «Единая Россия» перехитрила сама себя.

А.В. Баранов

A.V. Baranov

**ФАКТОРЫ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ И УКРАИНЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ**

**FACTORS
OF ELECTORAL BEHAVIOR
IN RUSSIA AND UKRAINE:
A COMPARATIVE
ANALYSIS**

Аннотация:

В статье установлены сходства и различия факторов электорального поведения в современных России и Украине. Применена модель социально-политических размежеваний.

Ключевые слова:

электоральное поведение, факторы, сравнительный анализ, Россия, Украина

Abstract:

This article established the similarities and differences of factor of electoral behavior in contemporary Russia and Ukraine. Used a model of sociopolitical cleavages.

Key words:

electoral behavior, factors, comparative analysis Russia and Ukraine.

Актуальность темы состоит в том, что постсоциалистические страны обрели в итоге трансформаций качественно разнородные политические режимы. Важно выяснить, какие факторы влияют на траектории развития и институциональный дизайн политических систем. Российская Федерация и Украина представляют интерес для сравнительного анализа электорального поведения. Необходимо объяснить, почему стойкость региональных размежеваний на выборах в Украине контрастирует с нивелированием территориальных различий голосования в РФ.

Социокультурные факторы предвыборного позиционирования классифицированы в рамках модели размежеваний С.М. Липсета и С. Роккана [8, с. 224-227]. К размежеваниям, согласно А. Рёммеле, относятся долговременные структурные конфликты, являющиеся причиной противоположных позиций политических организаций [17, с. 13]. Проведен бинарный сравнительный анализ стран «по контрасту».

Применен также неоинституциональный подход в исследовании постсоциалистических трансформаций. Политические трансформации двух стран подтверждают альтернативность их развития, а во многих измерениях – и циклическую траекторию изменений. Нужен более «тонкий» инструментарий анализа. Е. Мачкув предлагает различать переход от авторитарных режимов к демократическим (транзит) и трансформацию посттоталитарных систем [12, с. 38–59]. Последняя, состоявшаяся в России и (в меньшей степени) в Украине, имеет особенности:

- «дилемма одновременности»: преобразуются все сферы и компоненты общества;
- требуется создать «класс» владельцев частной собственности в надежде, что относительно быстро сложится также средний класс (мелкие и средние производители);
- опорой аппарата государственной власти в фазе радикальных перемен служат органы государственной безопасности в, в меньшей степени, армия;
- направление трансформации определяется всецело политической волей новых правительств и общественности; отсутствует продуманная стратегия инноваций.

Кроме этого, политическая (и в целом социетальная) организация российского и украинского обществ носит этакратический характер, власть и собственность не имеют принципиальных разграничений. Обе страны сохраняют неформальные политические практики патрон-клиентарных взаимодействий. В итоге политические процессы приобретают высокую зависимость от пактов элит.

Различия «советского наследия» России и Украины, тем не менее, весомы. Российская экономика зависит от экспорта энергоносителей и вооружений, что формирует рентный характер властных практик. Украина не имеет таких источников дохода, ее экономика более диверсифицирована и зависима от стран Европейского Союза. Обе страны полиэтничны и поликонфессиональны. Однако детерминирующая роль русского «ядра» в РФ выражена качественно сильнее, чем «украинства» в Украине. Российская политическая система органически тяготеет к централизму и стандартизации, а украинская – к плюрализму и децентрализации. Постсоветская Россия, при всей

неопределенности ориентаций ее элит, - наследница имперского государства. Украина как целостное образование имеет смысл, только становясь национальным государством.

Российское государство 1990-х гг. «навязывало» реформистский проект обществу, но стремилось сохранить свое доминирующее положение в системе акторов политики. Массовое политическое участие уже с 1994 г. формализуется и ставится под контроль власти. Политический режим закрепляет после этапа переходной неопределенности 1990-х гг. черты «делегативной демократии» (по Г. О’Доннеллу) [14, с. 52-69], «полуавторитаризма» (по Г. Оттауэй) [20, р. 22]. Все больше аналитиков сходятся во мнении, что переход России к устойчивому политическому порядку завершен и идет его закрепление (Р. Саква, С. Солник, В. Меркель, А. Круассан) [18, с. 167-190; 21, р. 789-824; 13, №1, с. 6-17, №2, с. 20-30].

Можно сформулировать модель политических трансформаций в России следующим образом. Официально объявлялась цель преобразований – создание демократической политической системы. Но трансформации для России были «навязанными». Это требовало от реформаторской части элит одновременно закреплять новые институты и требовать от них быстрого эффекта, что вызывало отторжение массовых слоев общества. В итоге реформы становились шаткими, теряли социальную базу и демократическую направленность. Акторы политики предпочитали «пактовый сговор» гласной конкурентной борьбе. Этот вариант взаимодействия закрепился из-за ограниченности ресурсов акторов политики «гражданского» типа, конкурирующих с государством и его клиентельными группами.

В итоге «навязанного перехода» 1990-х гг. закрепились базовые формальные институты демократии. Важнейшие из них: разделение законодательной и исполнительной власти; автономия местного самоуправления; альтернативные выборы. В социальном аспекте можно добавить к ним оформление слабо зависящих от государства страт крупных предпринимателей. Но формально-правовые нормы слабо коррелировали с повседневными политическими практиками патрон-клиентарных отношений. Так, партии гражданского типа остались маловостребованными в Федеральном Собрании РФ, где преобладали лоббистские команды «крепких хозяйственников». Уп-

рочение персонифицированной власти с доминированием исполнительной ветви сделали «авторитарную ситуацию» преобладающей. Такой режим потребовал корпоративных пактов между политической элитой и крупным бизнесом.

Российская Федерация после недолгого этапа неустойчивости приняла сверхпрезидентскую форму правления (октябрь 1993 г.), а Украина колеблется между парламентской и смешанной республикой. При этом в обеих странах нормативно-правовые акты часто меняются в зависимости от политической конъюнктуры. Так, непоследовательность Конституционного Суда Украины в конце 2004 г. позволила провести третий тур президентских выборов и легитимировать «оранжевую» революцию. При смене политических лидеров в Украине меняется и модель разделения властей: от президентской – к парламентской модели в 2004-2005 гг. и обратно – с февраля 2010 г.

Если вектор развития элит и партийной системы России с 1999 г. устойчиво связан с концентрацией влияния, уменьшением эффективного числа партий, повышением партийной дисциплины, то украинские субъекты политики движутся в противоположном направлении. Президент В.Ф. Янукович с 2010 г. пытается выстроить «вертикаль власти», но сталкивается с сильными ограничителями: общественным мнением, расколом элит и политико-культурного пространства страны, неприемлемостью «лобового» авторитаризма для евроатлантической ориентации Украины.

Прочная общеукраинская идентичность (и в государственном, и в этнокультурном смысле) не сформирована. Вряд ли она может быть успешно закреплена в массовом сознании на основе ценностей и ориентаций, присущих лишь одному из соперничающих макрорегионов. Так, по итогам анкетного опроса 2002 г., 37% респондентов по всей Украине на первое место ставят региональную, а не общенациональную идентичность [16, с. 134]. В 2002 г. считали себя «прежде всего» жителями местности 31,6% опрошенных; жителями региона – 5,9%; представителями своего этноса – 3,0%; гражданином Украины – 41,0%; гражданином бывшего СССР – 12,7%; гражданином мира – 2,7% [7, т. 2, с. 343].

Таким образом, преобладание имеет локальная идентичность. В русскоязычных регионах Юга и Востока речь не идет (кроме Крыма) о доминировании русской идентичности. Жители этих регионов осознают себя частью «переходных» сообществ. Так, значительная часть жителей Донбасса и Одессы считает себя особыми территориальными общностями. Жители Закарпатья считают себя русинами, а не украинцами и не галичанами. Даже во Львове считают себя, прежде всего, украинцами лишь 32,0% респондентов; горожанами – 22%; галичанами – 17%, европейцами – 17% [7, т. 2, с. 343].

Таким образом, политико-культурное деление Украины на Запад, Юг и Восток приблизительно. Скорее, речь должна идти о центрах политических инноваций («ядрах» социокультурных ареалов) и о их перифериях, плавно переходящих от одного типа ориентаций к другому. Для Запада ядром выступает Львовская область, для Юга – Крым, для Центра – Киев, для Востока – Донецкая область. Ярко выражены политико-культурные лакуны, голосование в них значительно отличается от окружающего ареала (Закарпатье, Севастополь).

Социокультурные факторы делят Украину на макрорегионы с противоречивыми политическими ценностями и ориентациями по осям: религиозность – секулярность, прозападные – пророссийские ориентации, активность – пассивность.

Общеизвестна конфессиональная разнородность нынешней территории Украины. По подсчетам М. Днистрянского, в западных областях плотность религиозных организаций – свыше 9 на 10 тыс. жителей, а на Юго-Востоке – не более 1-3 на 10 тыс. [5, с. 250].

Главный фактор из числа социокультурных, влияющий на политические трансформации, – языковой. Украинское общество расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу 2004 г. (Киевский международный институт социологии, КМИС), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% – на обоих языках, 45% – на русском [11, с. 89]. Причем в западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – на среднем уровне; на Востоке и Юге предпочитают русский язык.

Важный аспект ситуации – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – бытовой язык национальных меньшинств, 74,5% жителей западных областей; 44,3% – центральных; 17,7% – восточных и 14% – южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [3, с. 219]. С государственным статусом обоих языков согласились 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях страны и 7,9% – в западных. Характерно, что в ареале поддержки В. Ющенко (2004-2005 гг.) и Ю. Тимошенко (2010 г.) почти не осталось средних школ и вузов с преподаванием на русском языке. Напротив, в зоне поддержки В. Януковича свыше 50% молодежи обучается на русском языке. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживают статус русского языка как второго государственно-го 56,2,% респондентов; против выступают 35,9% [16, с.134].

Значительно сказывается на размежевании Украины уровень урбанизации и отраслевой профиль экономики макрорегионов. На Юге и Востоке сосредоточено 80% промышленного потенциала [10, с. 44]. Юго-Восток дал в 2004 г. 58% валовой добавленной стоимости и 54,4% налоговых поступлений в бюджет, $\frac{3}{4}$ объема реализованной промышленной продукции, 64% экспорта страны [10, с. 227-231].

Раскол «город-село» отчетливо проявляется в позиционировании электората. По социологическим опросам, в электорате В. Ющенко (2004-2005 гг.) в 1,8 раза чаще сельские жители, чем в электорате В. Януковича. И напротив, среди избирателей Януковича (2004-2005 гг.) почти в 1,3 раза чаще – горожане [19, с. 217].

Социологические опросы Киевского международного института социологии позволяют прояснить иерархию факторов позиционирования на выборах. Так, в 2004 г. главным фактором раскола электората на сторонников В. Ющенко и В. Януковича был языковой. Среди избирателей Ющенко повседневно говорят на украинском языке 78,5% (в сравнении с 50% населения всей страны), а электорат Януковича на 73,5% русскоязычный [15, с.143].

Идеологические факторы размежеваний: поддержка рыночной экономики, борьба с коррупцией, «лево-правый» спектр ориентаций

дают крайне противоречивую сегментацию общества. По опросам КМИС в 2004 г. 35% электората Ющенко выступали за приоритет госсектора экономики (среди избирателей Януковича – 40,4%). Т.е., различия базовых экономических ориентаций были невелики. В отношении вступления в НАТО высказывались «за» 17,6% избирателей В. Ющенко и 7,3% сторонников Януковича. Поддерживали участие в военных структурах СНГ 13,8% сторонников Ющенко и 27,8% - Януковича [15, с.138-140].

Итоги президентских выборов 2010 г. в Украине подтвердили, что ни одна из политических коалиций и финансово-промышленных групп не способна добиться доминирования. Новым фактором позиционирования стал успех прагматиков. В Янукович набрал в первом туре 35,4%, Ю. Тимошенко – 25,0% (в сумме ведущие кандидаты получили 70% электората), С. Тигипко набрал 13,0%; А. Яценюк – 7,0%; В. Ющенко – 5,5%. Вновь проявился раскол Украины на сторонников прозападного либерального курса (Запад и Центр страны), либо сотрудничества с Россией на основе государственно-регулируемой рыночной экономики (Юг и Восток Украины). Новым является образование анклавов, в которых два основных кандидата не набрали в сумме 55% голосов [6]. Данные тенденции подтвердились и во втором туре выборов.

Остается актуальной подмеченная А.В. Дахиным и Н.П. Распоповым закономерность [4, с. 135]. При незрелости элементов гражданского общества политическая система не действует как целостность. «Зона отчуждения» между обществом и государством становится пространством «кристаллизации» базового политического процесса. Его событиями в большинстве случаев стали неформальные практики патрон-клиентарных отношений.

Теоретическую модель трансформаций постсоветского времени создал В.Я. Гельман на основе синтеза структурного и процедурного подходов [2, с. 342–346, 348, 355]. Путь перехода обусловлен двумя основными параметрами: 1) «советским наследием» □ долгосрочным различием региональных режимов, вызванных географическими и социально-экономическими факторами; 2) характером перехода □ взаимодействием акторов и институциональными изменениями в ходе трансформации. Тип «советского наследия», благоприятный для

демократизации, имел черты высокой автономии акторов и структурного раскола «центр-периферия». Моноцентричному режиму способствовали аграрная однородность общества, низкая автономия акторов политики и отсутствие структурных расколов. Напротив, быстрый компромиссный переход к устойчивому полицентрическому режиму не встречался. Формальные институты легитимировали неформальную власть. Основными препятствиями для закрепления демократии становились неустойчивость ресурсных баз основных акторов и возможность применения ими силовых стратегий.

Многие исследователи отказываются оценивать трансформации в нейтрально-процедурных тонах. М.Н. Афанасьев полагает, что сложилась корпоративная модель властвования на основе унии политической бюрократии и бизнес-слоев [1, с. 9]. Нет гарантий консолидации демократии. Напротив, переходный режим может вырождаться в авторитаризм либо стагнировать на неопределенно долгое время в форме «псевдоформы» демократии.

Современные Россия и Украина представляют собой глубоко неоднородные общества. В них отчетливо выражены и политически проявляются социокультурные размежевания, основанные на противоречивых долгосрочных траекториях развития регионов и социальных групп. Вместе с тем, президентские выборы в России (2003, 2007 и 2011 гг.) Украине (2010 г.) демонстрируют рост значения прагматических факторов электорального поведения. Отчетливо проявляются также эффекты «раздельного» голосования. На парламентских выборах 2011 г. в России ярко проявилось протестное голосование, тогда как последующие президентские выборы (март 2012 г.) достаточно типичны по исходу для режима, установленного в 2000-х гг. Если парламентские выборы в Украине 2007 г. ознаменовались ростом «третьих сил», фрагментацией партийной системы Украины, то президентские выборы 2010 г. отчасти возвратили общество к двухполюсному расколу.

Украина – «глубоко расколотое» общество. В ней отсутствует устойчивая национально-государственная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются такие долгосрочные размежевания, как центр-периферия (с преобладанием локальной идентичности), город-село, религиозность-секулярность, русскоязычные-

украиноязычные территории. При этом пространственное распределение расколов совпадает, усиливая конфликтогенный потенциал. В сравнении президентских выборов 2004-2005 и 2010 гг. в Украине наметился переход от учредительной (идеологизированной) кампании к прагматичному голосованию. Это подтверждается ростом популярности «третьих» сил, предложивших технократические лозунги. Но переход Украины к стабильному политическому развитию – дело отдаленного будущего.

Обе страны имеют сходные социокультурные традиции православия, близкий уровень социально-экономического развития к началу преобразований, в настоящее время находятся на пике электро-рального цикла. Но в Российской Федерации сформировался устойчивый сверхпрезидентский режим при доминировании «партии власти», а Украина остается смешанной республикой с дисперсной многопартийной системой. Провал первоначальной модели «оранжевой революции» 2004-2005 гг. наметил вектор сближения политических режимов двух стран, особенно после избрания Президентом Украины В.Ф. Януковича (февраль 2010 г.). Причины и пределы этого сближения носят ситуативный характер. В России 2000-х гг. достигнута рецентрализация институтов и норм политической власти, тогда как Украина стоит перед перспективой децентрализации, вплоть до федерализации.

Литература

1. Афанасьев М.Н. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. – 1998 . – Т. 3. - №3. – С. 5-20.
2. Гельман В.Я. Сравнительная перспектива: региональная политическая динамика // Россия регионов: трансформация политических режимов. – М.: Весь мир; «Berliner Debatte Wissenschaftsvellag», 2000. – С. 331-375.
3. Григорьянц В.Е. Федерализация Украины: к единству через разнообразие / В.Е. Григорьянц, С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин. – М.: Восток-Запад, 2011. – 228 с.

4. Дахин А.В. Проблема региональной стратификации в современной России / А.В. Дахин, Н.П. Распопов // Полис. – 1998. - № 4. – С. 132-144.
5. Дністрянський М.С. Україна в політико-географічному вимірі. – Львів: Вид. Центр ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 310 с.
6. Дульман П. Двое в финале // Российская газета. – 2010. – 21 янв.
7. Кремень В.Г. Україна: проблеми самоорганізації / В.Г. Кремень, Д.В. Табачник, В.М. Ткаченко. – Київ: Промінь, 2003. – Т. 2. – 464 с.
8. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Предвыборные замечания // Политическая наука. Социально-политическое размежевание и консолидация партийных систем. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 204-234.
9. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 29-63.
10. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.
11. Марков С. «Оранжевая революция» - пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 65-90.
12. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. - №4. – С. 38-59.
13. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. - №1. – С. 6-17; №2. – С. 20-30.
14. О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти: Прилож. к журн. «Век XX и мир». – 1994. - №2-3. – С. 52-69.
15. Попов А. Парадоксы революции // «Оранжевая революция»: украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 137-162.
16. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические про-

цессы на Украине. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, ЮФУ, 2009. – С. 125-137.

17. Рёммеле А. Структура размежеваний и партийные системы в Восточной и Центральной Европе // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 30-50.

18. Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. – 2010. - №4. – С. 167-190.

19. Финько А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 207-229.

20. Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. – Washington: Carnegie endowment for international peace, 2003. – 288 p.

21. Solnick S. Russia's «transition»: Is democracy delayed democracy denied? // Social Research. – N.Y.,1999. – Vol. 66. - №3. – P. 789-824.

О.В. Красильникова

O.V. Krasilnikova

**РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ОЦЕНКИ (ГЕНДЕРНЫЙ
ПОДХОД)***

**RUSSIA AND GERMANY:
SOME ELECTORAL
ESTIMATES
(GENDER APPROACH)**

Аннотация:

Автор статьи раскрывает особенности политической культуры электората РФ и ФРГ. Посредством сравнительного социологического опроса обнаруживает гендерные различия в политическом сознании и поведении избирателей. Анализирует причины ограниченного участия женщин в политической жизни России и дает некоторые рекомендации по совершенствованию процесса демократизации политической сферы.

Ключевые слова:

электорат, выборы, гендерные стереотипы, социологический опрос, демократия, политическое сознание, политическое поведение, политическое участие, политическая культура.

Abstract:

Author reveals the features of the political culture of the electorate in Russia and Germany. Through the comparative survey he finds gender differences in political consciousness and the voting behavior. Author analyzes the reasons for the limited participation of women in Russian political life and provides some recommendations for improving the democratization process of the political sphere.

Key words:

electorate, elections, gender stereotypes, poll, democracy, political consciousness, political behavior, political participation, political culture.

Цель работы заключалась в выявлении гендерных стереотипов в политике путём сравнительного анализа политического сознания и поведения электората России и Германии.

---

* Данное исследование осуществлялось с 1.11.2010 по 31.01.2011 в рамках научной стажировки, проходившей на базе факультета социологии и культуры университета г.Фульда (земля Гессен, Германия), под руководством декана доктора Х.Боллингера, а также прямом содействии доктора Х.-В.Платцера и доктора Г.Хентгес, при финансовой поддержке DAAD (Германской службы академических обменов), № гранта A1001143.

Для получения данных о политических взглядах, установках, предпочтениях, ценностях, навыках и поведении был проведен социологический опрос. Анкеты составлялись на основе опросника, разработанного и апробированного в ходе подобного исследования в Камской государственной инженерно-экономической академии г.Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия. Опросные листы были заполнены 69 респондентами, студентами и преподавателями университета г. Фульда, земля Гессен, Германия, по произвольной выборке, поэтому данное исследование нельзя считать вполне репрезентативным. Однако сравнительный анализ позволил получить массу интересного материала политико-культурного характера, свидетельствующего об особенностях политического сознания и поведения электората России и Германии.

Немецким респондентам было предложено выразить своё отношение к некоторым формулировкам, которые М.М.Малышева расценивает, как господствующие в российском обществе гендерные стереотипы [1, с. 229-246]:

1. Политика – это грязное дело. Женщины морально и психологически не готовы к этому занятию. В Германии данный стереотип отсутствует, лишь 5% мужчин согласны с такой формулировкой, остальные категорически и просто не согласны, 8% женщин и 11% мужчин затруднились высказаться по этому вопросу.

2. В политику проходят по принципу профессионализма, а не пола, поэтому избранные депутаты, среди которых объективно преобладают мужчины, не хуже женщин знают их проблемы и способы решения этих проблем. Согласны с этим утверждением в той или иной степени лишь 17% мужчин и 19% женщин и напротив, так не считают 60% мужчин и 65% женщин. Свыше 20% мужчин и 15% женщин не могли определиться по данному вопросу.

3. Женщины политики могут знать, как распределить бюджет, но они не знают, как добыть финансовые средства. Место женщин – в социальных комитетах. Этот стереотип также отсутствует у опрошенных. Мужчины и женщины, не затрудняясь в

оценках, отметили, что это не так, лишь те же 5% согласились с таким высказыванием.

4. Квоты в политике дискриминируют тех женщин, которые прошли бы за счет своих профессиональных качеств. Этот стереотип неоднозначно оценен респондентами, при разбросе мнений можно проранжировать предпочтения: 33,3% мужчин убеждены, что это не так, 22,2% думают, что это не так, 16,7% убеждены, что это так и затрудняются с ответом, а 11,1% думают, что это так. Женщины тоже не единодушны в ответах: 31,4% думают, что нет; 25,5% затруднились ответить; 21,6 % думают, что это так, 11,8% уверены, что это не так, 9,8% уверены, что это так. Следовательно, несмотря на значительный разброс, большинство опрошенных не поддерживают данный стереотип, а сторонники данного мнения оказались в меньшинстве.

5. При введении квот для женщин, они будут заполнены женами, любовницами или дочерьми политиков или бизнесменов. Этот стереотип тоже не был поддержан примерно 80% мужчин и 70% женщин. Лишь 5,6% мужчин и 5,9% женщин согласились с этим высказыванием. Весомая доля опрошенных не смогли определиться, практически каждый 6 мужчина и каждая 4 женщина.

6. Женщины не голосуют за женщин. Так считают всего примерно 16% мужчин и 2% женщин, напротив, большинство, т.е. 55% мужчин и 77% женщин не поддержали данное высказывание.

7. Женщины теряют свой женский облик в политике. 2% женщин согласились с этим высказыванием и 4% не смогли определиться, все остальные категорично и уверенно заявили о несогласии.

По данным опроса, источники политических новостей для мужской и женской группы опрошенных оказались отчасти различны. Ранжируя ответы женщин, выстраивается следующая пирамида: интернет, телевидение, еженедельные и ежедневные газеты. У мужчин основным информативным источником названы газеты, а дополнительным ключом является интернет, в то же время телевидение и радио разделили третье место среди мужских предпочтений. Вероятно, такая разница объясняется устойчивым интересом мужчин к политике, которые целенаправленно

осуществляют новостной отбор, а женщины получают данные сведения эпизодически и, чаще всего, усвоенная ими политическая информация носит характер сопутствующей. В России главным информатором было названо телевидение, но расширяющееся влияние интернета позволяет предположить, что в скором времени и здесь этот источник станет основным.

Мнения относительно терминов, вызывающих положительные эмоции, совпали: и мужчины, и женщины выбрали свободу мнений. Кстати, и в России «гласность» стала для женщин тоже самым предпочтительным термином, как «демократия» для мужчин. Однако в Германии мужчины выбирали больше терминов, и в результате «демократия» разделила почетное второе место с «избирательным правом», которое для женщин воспринималось как меньшая ценность. Возможно, такое расхождение связано с более широкой информированностью мужской аудитории и большей электоральной практикой.

Степень политической вовлеченности измерялась, в том числе, намерением участвовать в выборах. Определённую активность на российских выборах регионального и местного значения планировали проявить женщины, а на федеральных – мужчины. Однако полученные процентные результаты оказались несопоставимы: в России это около 40% мужчин и чуть более 30% женщин. В Германии свыше 80% мужчин и 60% женщин заявили о своей уверенности участвовать в будущих избирательных кампаниях. Безусловно, данные показатели свидетельствуют о демократических традициях политического участия в Германии и неразвитости гражданского общества в России, и в первую очередь, в неверии российских граждан в успешность выборных мероприятий, в возможность оказать реальное влияние на политику. Притом, заниженная оценка эффективности собственного участия среди женщин наблюдается как в Германии, так и в России.

Своеобразный тест прошли опрошенные респонденты, ответив на вопрос о причине, по которой они голосуют за кандидата. Лишь две подсказки из семи возможных были отмечены респондентами как решающие. Германские и российские ответы оказались похожими в гендерном разрезе: одна часть опрошенных ос-

тановилась на политической программе кандидата – 77,3% мужчин и 60,8% женщин ФРГ и 48,3% мужчин и 45,8% женщин в РФ, соответственно, отметили, что это станет основной причиной. Другая часть решающим фактором при реальном электоральном выборе назвали личные качества – 13,5% германских мужчин и 20,3% женщин. Таким образом, обозначился четкий водораздел в предпочтениях выборщиков двух стран: для германских избирателей – это политическая программа, а для российских немаловажную роль, в дополнение к политическим атрибутам, играют личные качества.

Серьезные отличия были зафиксированы в ответах на вопрос об интересе к политике. Если в России каждая пятая женщина ответила, что политикой не интересуется, каждая десятая затруднилась ответить и 12,2% опрошенных заявили, что интерес к политике снизился, то в Германии лишь 2% респондентов отметили снижение интереса к политике и затруднились ответить на этот вопрос. Очевидно, что интерес к политике у женщин Германии выше, по-видимому, это связано с потенциальной возможностью реализовать свои демократические политические права фактически, а не номинально, через участие в политических партиях, общественных акциях, многоуровневых выборах.

Эффективность собственного участия в политике оценивается немецкими и российскими жителями диаметрально противоположно. Если в Германии свыше 70% опрошенных заявили, что способны оказать влияние на политику, то в России свыше 80% мужчин и женщин отметили, что не могут повлиять на политику. И наоборот: если в России лишь чуть более 1% опрошенных считают своё участие в политике эффективным, то в Германии среди опрошенных не оказалось респондентов, которые бы назвали своё участие в политике нерезультативным. При этом каждый десятый в той и другой стране не смог оценить успешность собственного участия в политике и уклонился от ответа.

Степень готовности к непосредственному участию в политике у мужчин и женщин существенно различается. При этом в России и Германии мужчины и женщины по-разному оценивают свои возможности. Свыше половины опрошенных женщин и почти 89%

мужчин Германии заявили о возможности собственного участия в политике, в России эти цифры были несоизмеримо ниже. Протестную активность в РФ можно оценить как крайне невысокую: лишь 9,3% мужчин и 2,6% женщин заявили, что готовы бороться за свои права с использованием различных средств. В ФРГ положительный ответ дали почти 40% мужчин и около 10% женщин.

Имеют ли право экстремисты открыто высказывать свои взгляды? В России на этот вопрос положительно ответили свыше половины опрошенных мужчин и 40% женщин, в Германии общая картина оказалась схожей, однако мужчин, которые выступают за плюрализм мнений, оказалось ещё больше – свыше 60% опрошенных. Можно сделать вывод, что введенная гласность, право свободно высказываться уже внедрились в сознание российских граждан, а вот свобода действий остается только буквой закона и не имеет реального воплощения. Как в России, так и в Германии мужчины были более категоричны, легче выбирали одну из подсказок, в то время как каждая пятая женщина в той и другой странах не могла определиться.

В России задавался достаточно провокационный вопрос: «Нужна ли сейчас диктатура в стране?» Свыше 42% мужчин и 32% женщин ответили утвердительно, а каждая третья затруднилась ответить. В Германии вопрос задавался в более мягкой форме, однако на него были получены совершенно иные ответы – никто из мужчин и лишь 2% женщин высказались за авторитаризм в ФРГ, примерно каждый десятый затруднился с ответом, все остальные с большей или меньшей степенью уверенности проголосовали против введения жесткой власти в стране.

Идея о численном увеличении женщин в политике была воспринята в Германии весьма позитивно: в опрошенных группах не оказалось ни одного респондента, которой бы высказался против расширения женского участия, каждый пятый мужчина и каждая 10 женщина не отметили ни одной подсказки.

На какой кандидатуре Вы бы остановили свой выбор, если бы от одной партии шли два человека? Такой вопрос вызвал реакцию затруднения у незначительного числа опрошенных в России и Германии, однако в распределении предпочтений наблюда-

лась существенная разница. В Германии свыше 90% опрошенных высказались за компетентного кандидата, игнорируя гендерную принадлежность, лишь 6% женщин отдали бы голоса исключительно женщине. А в России деловые качества стали решающими для 60% опрошенных мужчин и женщин, в то время как свыше 37% мужчин и 22% женщин сказали, что будут голосовать за мужчину, и, наоборот, около 8% женщин и примерно 2% мужчин предпочли женскую кандидатуру.

Должность бундесканцлера для немцев по данным опроса должна принадлежать компетентному руководителю без поправки на пол. Лишь 6% женщин затруднились ответить на этот вопрос. В Республике Татарстан опрошенные студенты высказывались весьма определенно, что руководителем республики должен быть мужчина, лишь одна девушка ответила, что это должна быть женщина, похожая на принцессу Диану.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Господствующие социо-культурные стереотипы, мешающие вовлечению женщин в политику России, в большей степени отсутствуют в сознании электората Германии. Напротив, зафиксированная толерантность, распространяемая на политическую сферу, становится предпосылкой для своевременного решения многих вопросов, касающихся реализации долговременной программы по изменению статуса и роли женщин в обществе.

2. Существенным отличием политического сознания электората ФРГ от избирателей РФ является готовность германских граждан отстаивать свои интересы, используя законные методы воздействия, такие как: выборы, акции протеста, митинги, демонстрации.

3. Исследование показало, что во многом благодаря политике квотирования, которая целенаправленно осуществляется в последнее десятилетие в политическом менеджменте ФРГ, женщины занимают значительное место, притом их представленность уже не воспринимается как «сейсмический скачок» или «квантовый бум». В силу того, что сфера политического в Германии демократична и публична, политические партии вынуждены учитывать

женский фактор, играющий достаточно весомую роль в формировании политических органов.

Существенное различие феноменов политической ангажированности женщин в России и Германии заключается в наличии четкого национального механизма интеграции интересов женщин в общественный процесс в Германии и несформированности данного механизма в России. Очевидна необходимость создания в России типовых структур и координирующей системы, которые решали бы проблемы гендерного равенства, включая вопросы женского лидерства. Необходима кропотливая и системная работа всех политических структур, гражданского общества, науки, СМИ и сферы образования для исследования и использования потенциала лидерских позиций женщин в России. Реальное вовлечение женщин в политическое строительство станет возможным только при условии общей демократизации политических процессов, когда политика будет осуществляться не в кабинетах, а при непосредственном участии граждан, в ходе выборов, референдумов, партийном влиянии, демонстраций и других политических акций.

Литература

1. Малышева М.М. «Гендерное наполнение политического пространства в России» // «Гендерные стереотипы в современной России» / Сост., общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза; Гос. Ун-т – Высшая школа экономики. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 229-246.

Н.В. Гришин

N.V. Grishin

**ИНФОРМАЦИОННАЯ
БОРЬБА В ХОДЕ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
КРИЗИСА В АСТРАХАНИ
В 2011-2012 ГГ.**

**INFORMATION FIGHT
IN ELECTORAL CRISIS
IN ASTRAKHAN
IN 2011-2012**

Аннотация:

Борьба за информационное пространство имела наибольшее значение в развертывании электорального кризиса в Астрахани 2011-2012 гг. Инициатива в информационной борьбе принадлежала оппозиции. Астраханские власти развивали несколько информационных тем, которые в целом имели реактивный характер. Информационная борьба позволила местной оппозиции привлечь исключительные политические ресурсы и улучшить ее положение в противоборстве с астраханской властью. Одним из результатов стало возрастание политического противостояния и кризис политического доверия.

Ключевые слова:

электоральный кризис, политический протест, информационная борьба, голодовка.

Abstract:

The struggle for the information space has the greatest value in the deployment of the electoral crisis in Astrakhan 2011-2012. The initiative in the information fight belonged to the opposition. Astrakhan government developed several information themes, which were generally reactive. The information fight allowed local opposition to attract exceptional political resources and improve its position in the confrontation with the government of Astrakhan. One result was the growth of political cleavage and the crisis of political confidence.

Key words:

electoral crisis, political protest, the information fight, the hunger strike.

В ходе избирательных кампаний 2011-2012 гг. Астрахань превратилась в центр крупного политического кризиса. 16 марта 2012 г. группа астраханских оппозиционеров в Астрахани объявила голодовку в знак протеста против фальсификаций на состоявшихся 4 марта выборах мэра Астрахани. Последовавшие далее акции протеста стали крупнейшим политическим событием в Астрахани за несколько лет и повлияли на общероссийский политический процесс.

Целью данной статьи является выявление стратегии, особенностей и основных тем в информационной борьбе участников конфликта в ходе электорального кризиса в Астрахани в 2011-2012 гг.

Политический кризис в Астрахани в 2011-2012 гг. имеет длительную предысторию и отражает объективные тенденции российского политического процесса.

Ориентировочно до 2009 г. в Астрахани существовала весьма плюралистичная политическая система, в которой публично боролись различные субъекты и группы влияния при относительно высоком уровне политических свобод и информационной открытости. Политические противоречия находили разрешение в сфере публичной политики, что, в частности, подтверждает смена мэра г. Астрахани в ходе демократических выборов в 2004 г.

Последующая деградация избирательного процесса в Астрахани, как и по всей России, обусловлена исключительной концентрацией ресурсов и коррумпированностью элиты. В частности, избранный в 2004 г. новый мэр Астрахани С. Боженов смог добиться феноменальной (по местным меркам) концентрации материальных и организационных ресурсов. Элиты получают возможность решать любые задачи в избирательном процессе, не считаясь даже с соблюдением формальных процедур.

Субъективным фактором электорального кризиса в Астрахани стал лично лидер местной оппозиции О. Шеин. Не принадлежа к местным элитным группам, он является популярнейшим политиком региона, обладающим наибольшим влиянием на электорат. При этом О. Шеин является «системным» оппозиционером, который выиграл все выборы, в которых участвовал в интервале с 1997 по 2007 гг. В этом уникальность астраханской ситуации, ее отличие от большинства других российских регионов.

Непосредственной причиной кризиса стала попытка О. Шеина бросить вызов местной власти, в частности, его выдвижение на пост мэра Астрахани в 2009 г. Начиная с этого момента местная элита, осознавая опасность данного политика в открытой демократической борьбе, делает ставку на иные способы нейтрализации оппозиции.

При этом отметим, что в течение достаточно долгого времени О. Шеин рассчитывал на противоречия внутри астраханской элиты, в

частности, пытался найти союзника против мэра С. Боженова в лице губернатора А. Жилкина. Хотя в Астрахани действительно существовали серьезные противоречия между командами губернатора и мэра, данная стратегия оказалась безуспешной. От этой стратегии О. Шеин отказался только накануне выборов 2011 г., когда был вынужден признать, что команда губернатора работает против него не менее жестко, чем команда С. Боженова.

В преддверии федеральных избирательных кампаний 2011-2012 гг. астраханская элита оказалась консолидирована в желании добиться максимального результата для партии «Единая Россия» и В.В. Путина. От этого зависела как стабильность положения всей астраханской элиты, так и планы С. Боженова по переходу в Госдуму России с последующим назначением на пост губернатора одного из регионов. В свете этих соображений астраханская элита была заинтересована в ликвидации сильной астраханской оппозиции. Для этого были более чем серьезные основания: на предыдущих выборах в Госдуму России в 2007 г. «Справедливая Россия» во главе с О. Шейным получила в Астраханской области самую высокую поддержку среди всех регионов страны, результат же «Единой России» оказался недостаточно хорошим.

Отъезд С. Боженова из Астрахани в декабре 2011 г. ничуть не улучшил положение О. Шеина. В этом была стратегическая ошибка О. Шеина, который вплоть до этого времени считал, что его противником в Астрахани является персонально команда С. Боженова. Оказалось, что отъезд главного врага О. Шеина еще сильнее консолидировал против него астраханскую элиту. На выборах мэра Астрахани 2012 г. О. Шеин был вынужден бороться против всего астраханского нобилитета. Астраханские элиты опасались его вероятной победы на открытых выборах: в условиях деградации местной политической системы у них не было достаточно сильного кандидата, который уверенно победил бы О. Шеина в честной борьбе. Вероятная победа О. Шеина привела бы к перераспределению контроля над ресурсами в Астрахани, что было не в интересах всей местной элиты. Опасались и возможной мести со стороны оппозиционеров за жесткие действия, которые были совершены против них в предыдущие три года.

Таким образом, причиной политического кризиса в Астрахани является конфликт между астраханской элитой и оппозиционной группой О.Шейна.

Еще до 2011 г. в Астрахани происходит сворачивание демократических правил взаимодействия с оппозицией.

Ломка политической системы в Астрахани произошла на выборах мэра Астрахани в 2009 г, на которых действующий мэр С. Боженков противостоял О.Шейну. Эти выборы прошли в атмосфере беспрецедентного (до того времени) насилия и грубейшего попрания законности. По нашему мнению, официальные результаты этих выборов имели самое отдаленное отношение к голосованию населения. Безнаказанность этих действий открыла для астраханской элиты простор для дальнейшего ужесточения местной политической системы.

Справедливости ради следует отметить, что С. Боженков уделял огромное внимание своему реноме как публичного политика и очень активно работал над поддержанием своего имиджа и популярности. Он никогда не рассчитывал на фальсификации как на единственный источник обеспечения своей легитимности.

С 2009 г. продолжается линия на политическое уничтожение О. Шейна и его вытеснение из астраханского политического пространства. Именно с этого времени начинается показательное судебное преследование активистов - как его высокопоставленных сторонников - депутата И. Негерева, бывшего спикера Городской Думы Е. Дунаева, - так и рядовых активистов.

О. Шейну перекрывают доступ к местным СМИ и размещению рекламы в городе. Известны факты нападения на маршрутки в Астрахани, которые в 2009 г. осмеливались нарушить информационную блокаду оппозиции и размещали предвыборные плакаты О. Шейна.

Примерно с этого времени разворачивается травля оппозиции в местных СМИ и организуется большое количество провокаций, в том числе наиболее показательный инцидент 1 сентября 2010 г.

Таким образом, для О. Шейна еще до 2011-2012 гг. вопрос стоял именно о его политическом выживании в противостоянии с астраханской элитой. Пиарщики астраханской элиты еще до выборов 2011 г. публично называли его «политическим трупом» и анонсировали

его окончательную ликвидацию. Формальные способы защиты (обращения в суд, прокуратуру) оказались неэффективными еще по опыту предыдущих выборов. Это обстоятельство так же объясняет смысл его обращения к такому средству политической борьбы, как голодовка. Голодовка О. Шеина позволяла не только привлечь внимание независимой общественности к вопиющим фактам нарушения законности в Астрахани, но и обеспечить ему защиту со стороны этой общественности.

Выборы в Государственную Думу ФС РФ на территории Астраханской области в 2011 г. обнаружили, что астраханская элита не намерена останавливаться на достигнутом по сравнению с предыдущими выборами. Среди всех регионов России здесь была самая большая разница в результатах голосования на участках с КОИБаами и без (результат для «Единой России» - почти в два раза). Официальные результаты выборов имеют мало связи с голосованием астраханцев. Например, официальный результат «Справедливой России» по г. Астрахань оказался меньше 10% (на выборах мэра за два года до этого даже официальные данные дали О. Шеину 26%). В результате возглавлявший региональный список О. Шеин впервые с 1999 г. не прошел в российский парламент. Вопиющую абсурдность этого признал даже сын предыдущего губернатора, депутат Госдумы от «Единой России» П. Гужвин – в своем блоге он признал, что результаты реального голосования астраханцев дали О. Шеину мандат депутата.

Политический кризис начался в Астрахани в декабре 2011 г. демонстрациями протеста против фальсификаций на выборах. В демонстрациях приняли участие региональные отделения партий «Справедливая Россия», КПРФ и «Яблоко».

Одновременно начинается и информационная война, которой отводилась решающая роль в разрешении политического кризиса.

Охарактеризуем особенности информационной борьбы со стороны местной элиты.

В развязывании информационной войны против местной оппозиции, астраханская элита в целом следовала схеме, которая реализовывалась российским руководством в масштабах всей страны. В целом ее отличает явное отсутствие последовательной стратегии и

реактивный характер – информационная политика астраханской элиты сильно менялась в зависимости от того, как оппозиция развертывала скандал.

Уже с декабрьских выборов 2011 г. в Астрахани разыгрывается тема «Оппозиция - агенты госдепа». Примечательно, что уже утром 5 декабря в эфир вышли астраханские телепередачи, в которых О. Шеин обвинялся не только в «раскачивании лодки», но и в сотрудничестве с иностранными правозащитниками и наблюдателями. В частности, ему в вину инкриминировалось сотрудничество с организацией «Голос», которая обвинялась астраханскими СМИ в том, что контролируется Западом и целенаправленно дискредитирует выборы в России. В рамках этой темы астраханские СМИ часто вспоминали о бывшей жене О. Шеина – французженке К. Клеман, которую так же называли агентом Запада. Тема «агентов Госдепа» достигла своего апогея в статье бывшего сотрудника губернаторской пресс-службы К. Гаранина, который назвал лидера КПРФ в Астрахани Н. Арефьева провокатором за то, что тот носил галстук с эмблемой Оксфордского университета [6]. Накануне большого шествия 14 апреля по городу распространялись листовки, в которых «художественным руководителем» астраханского протеста назывался посол США в России М. Макфол. В целом информационная тема «агентов Запада» в условиях провинциального политического кризиса была малоперспективна.

Сразу после объявления оппозицией голодовки сторонники власти запустили информационную тему «Голодовка – сфальсифицирована». В соответствии с этой темой, утверждалось, что лидеры оппозиции лицемерят и на самом деле не голодают. Практически с первых дней распространялись сообщения, что «кто-то» видел участников голодовки за употреблением еды. По прошествии 3 недель после начала голодовки начали распространяться заявления о том, что голодовка сфальсифицирована, потому что так долго голодать физически невозможно, и это превышает возможности организма. Любопытно, что так утверждал профессиональный врач – депутат Госдумы от «Единой России» Л. Огуль.

Важнейшей темой информационной войны стал вопрос о степени популярности О. Шеина. Астраханская элита еще до выборов 2011 г. начала активно раскручивать тему «Астраханцы отвернулись

от Шеина». В рамках этого мифа признавалось, что О. Шеин добивался значительных электоральных результатов на выборах в прошлом, но в последние годы окончательно разочаровал население и больше не пользуется популярностью. Эта тема была необходима как для идеологического обоснования сфальсифицированных результатов выборов, так и для политической дискредитации личности О. Шеина. Перед выборами мэра в марте 2012 г. официальные СМИ публиковали «прогнозы», в соответствии с которыми за О. Шеина якобы должны были отдать голос не более 15% астраханцев. Вероятно, именно на эти цифры должны были выйти организаторы выборов. В действительности же благодаря ряду причин (самоотверженная борьба наблюдателей на нескольких избирательных участках, страх перед взб-камерами, неверно рассчитанное поведение избирателей) официальные результаты голосования за О. Шеина составили 30%. Это нанесло удар по этой теме, поскольку даже эти цифры были одним из лучших результатов, когда-либо достигнутых этим политиком на всех выборах. По инерции даже после выборов тема «Астраханцы отвернулись от Шеина» еще звучала из уст официальных лиц. Вскоре она трансформировалась в тему «Большинство астраханцев – не за Шеина».

Еще до политического кризиса астраханские элиты постепенно поднимают тему «Простые астраханцы – против оппозиции». Смысл этой темы заключался в критике оппозиции не представителями правящей элиты, а внешне «независимыми» и беспартийными деятелями. Тем самым манипуляторы смещали в общественном сознании смысл политического конфликта – от конфликта оппозиции с правящей группировкой к видимости конфликта «скандалистов-оппозиционеров» с «нормальными» астраханцами. Тем не менее, эту тему озвучивали деятели, которые так или иначе были связаны с правящей властью. В апреле против О. Шеина консолидировано выступили религиозные руководители. Активно действовали разнообразные «общественные организации», опекаемые действующей властью, заявлявшие о своей «беспартийности». В Астрахани местная власть задолго до выборов 2011-2012 гг. уделяла особое внимание поддержке внешне независимых общественных активистов, которые помогли бы ей в информационной войне против оппозиции. Реализа-

ция этой темы зачастую сопровождалась явным абсурдом. Например, 13 апреля в телепередаче «Госдеп 2» позицию «простых астраханцев», которые «не принадлежат ни к какой партии», но осуждают беспорядки оппозиционеров, озвучила Д. Ральникова - супруга заместителя руководителя Агентства связи и массовых коммуникаций Астраханской области.

В начале апреля политический кризис в Астрахани вышел на общероссийский уровень и привлек к ситуации внимание иногородних деятелей, которые в большинстве своем высказывались не в пользу «Единой России». 10-14 апреля Астрахань переживает невиданный десант иногородних сторонников оппозиции (по данным штаба О. Шеина – около 200 чел.). Это не только стало потрясением для местных властей, но и позволило запустить новую тему о том, что скандал в Астрахани в большей степени поддерживается иногородними смутьянами, а не местными жителями. Тема «Москвичи, не вмешивайтесь в дела астраханцев» поддерживалась всю жаркую неделю с 10 по 15 апреля. В рамках этого мифа, астраханцы уже сделали свой выбор 4 марта, и москвичи обязаны его уважать. Уже 10 апреля сразу после приезда А. Навального губернатор опубликовал запись в своем блоге со словами: «астраханцы - гостеприимный народ, когда к нам приезжают с добром. Но астраханцы не любят варягов, которые начинают учить, как жить... Историю надо читать, это Хазария» [1]. Высказывание губернатора о Хазарии получило огромный резонанс, что позволило оппозиции использовать это заявление для обвинения местных властей в сепаратизме и ксенофобии. Тема «Москвичи, не вмешивайтесь в дела астраханцев» отразилась и в официальном освещении главного митинга 14 апреля – навязывалась идея, что в митинге приняли участие в основном приезжие, а не астраханцы. Данная ложь вряд ли могла кому-то показаться правдоподобной, учитывая, что в шествии в поддержку Олега Шеина участвовали до 5-6 тыс. человек.

В середине апреля некоторое время поддерживалась тема «Необратимые нарушения психики после месяца голодовки». В СМИ были запущены сообщения, что у О. Шеина после месяца голодовки неизбежно должны возникнуть необратимые вредные последствия для здоровья, в том числе в умственных способностях и психическом

состоянии. Было распространено заявление о необходимости психического обследования и даже лечения лидеров оппозиции [2].

Группа О. Шеина строила информационную борьбу по достаточно простой схеме. По нашему мнению, для группы О. Шеина политический протест весной 2012 г. преследовал, в основном, задачу победы в информационной войне. В данном смысле это, действительно, была именно пиар-акция, которая, тем не менее, должна была принести для оппозиции вполне реальные политические последствия. Раскручивая огромный скандал вокруг выборов в Астрахани, местная оппозиция обеспечивала себе выживание в неравной борьбе с местной властью. По нашему мнению, задача отмены результатов выборов мэра рассматривалась лидерами протеста лишь как задача-максимум.

Объявив голодовку 16 марта, астраханские оппозиционеры стали постепенно привлекать внимание СМИ и широкой общественности к нарушениям на выборах в Астрахани.

В отличие от его противников, для О. Шеина основным ресурсом в информационной войне были, прежде всего, объективные факты об астраханских выборах. В отличие от выборов 2009 г., многочисленные нарушения и фальсификации в Астрахани в 2011-2012 гг. были хорошо задокументированы. Огромную роль сыграли записи с государственных веб-камер. Разумеется, это давало О. Шеину абсолютное преимущество во взаимодействии с нейтральными лицами. По мере разрастания круга лиц, которых знакомили с доказательствами и свидетельствами о выборах в Астрахани, естественным образом создавался информационный «снежный ком», который достаточно быстро превратил политический кризис в Астрахани в событие общероссийского масштаба.

23 марта Астрахань посетила специально сформированная парламентская комиссия, встретившаяся со всеми сторонами конфликта. Хотя рабочая группа Государственной Думы ФС РФ преследовала главную цель остановить голодовку и утихомирить ситуацию, ее итоговый доклад был в пользу оппозиции. В итоговом докладе парламентская комиссия признала нарушения со стороны избирательных комиссий и отметила необходимость расследования материалов. В

частности, комиссия признала такие грубейшие нарушения, как вывоз бюллетеней с участков без подсчета голосов [6, с. 3].

25 марта оппозиция в Астрахани получила неожиданную и очень важную на этом этапе помощь со стороны Совета по правам человека при Президенте России. Президентский Совет принял Заявление по ситуации в Астрахани, в котором, в частности, говорилось: «невозможно – ни по моральным соображениям, ни по правовым, ни по соображениям политической целесообразности – игнорировать сигналы о массовых нарушениях избирательных прав граждан» [4].

В конце марта специальная рабочая группа ЦИК (под руководством С. Даниленко) просмотрела видео с 17 избирательных участков в Астрахани. В официальном докладе 28 марта рабочая группа ЦИК признала множественные нарушения на всех просмотренных участках: «Можно сделать вывод, что на всех рассматриваемых избирательных участках были допущены нарушения избирательного законодательства». В официальном докладе рабочей группы было указано, что на этих 17 участках избирательными комиссиями было совершено 126 нарушений закона [3]. Этот доклад рабочей группы ЦИК активно использовался астраханской оппозицией для информационной раскрутки протестных действий в конце марта 2012 г.

Таким образом, уже к концу марта астраханская оппозиция добилась беспрецедентного признания нарушений на астраханских выборах со стороны официальных лиц. На этом этапе произошел перелом в отношении местных СМИ к участникам протеста. Стратегия замалчивания на фоне разрастания общероссийского скандала у местных астраханских СМИ сменилась на противоположную. По нашему мнению, в последние дни марта местная элита находилась в состоянии паники, чем объясняется появление в местной прессе (именно в эти дни) материалов о возможной отмене выборов.

В апреле к обсуждению фальсификаций в Астрахани подключились настолько влиятельные медийные персоны, противостоять влиянию которых у местной элиты не было никакой возможности.

Протест О. Шеина к началу апреля нашел отклик у лидеров российской «внесистемной» оппозиции. Безусловно, наибольший резонанс получил визит А. Навального 10-15 апреля, вслед за которым в Астрахань приехали И. Яшин, К. Собчак, невиданное количество

иностранных журналистов. В начале апреля визит в Астрахань к группе протестующих совершили Л. Парфенов, Е. Глинка (блогер doctor-liza).

Партия «Справедливая Россия» сыграла большую роль в придании ситуации в Астрахани общероссийского резонанса. Уже в ночь после выборов 4 марта лидер партии С. Миронов перед телекамерами поздравил В. Путина с победой, но сделал заявление о грубых нарушениях на выборах мэра в Астрахани.

11 апреля во время выступления В. Путина в Госдуме фракция «Справедливой России» в полном составе демонстративно покинула зал, после того как избранный Президент России уклонился от признания нарушений на выборах в Астрахани.

Депутаты Госдумы от партии «Справедливая Россия» активно участвовали во всех митингах протеста в Астрахани в течение политического кризиса. Наиболее активным был Дм. Гудков, который лично присутствовал на выборах 4 марта в Астрахани, в общении со СМИ умело использовал «эффект очевидца», свидетельствуя о фальсификациях на выборах.

Помимо заведомых оппозиционеров, к освещению астраханских выборов в выгодном для О. Шеина ракурсе подключились и более нейтральные фигуры, не склонные к участию в протестных акциях. «Огромные нарушения» на выборах в Астрахани публично признал Уполномоченный по правам человека В. Лукин, который 20 апреля посетил Астрахань и выразил моральную поддержку участникам протеста. Не менее эффектным было заявление 19 апреля главы Центральной избирательной комиссии В. Чурова, который публично признал, что нарушения были на двух третях избирательных участков в Астрахани.

В целом доказательная база у О. Шеина была достаточно убедительной, чтобы оказывать моральное давление на официальных лиц и буквально «выдавливать» из них комментарии по поводу проведения выборов в Астрахани. Именно по этой схеме ему удалось подключить даже мнение В. Чурова.

Информационная борьба группы О. Шеина в целом была простой, тем не менее, и здесь можно выделить несколько стержневых тем.

Главной темой была «Борьба – за честные выборы». В рамках этой темы О. Шеин постоянно подчеркивал, что он борется не за пост мэра, а за честные выборы и соблюдение законности в Астрахани, против узурпации власти. Эта тема позволяла значительно расширить социальную базу протеста и привлечь к сотрудничеству различные политические силы. В частности, на митинге 21 апреля вообще не было флагов и символики «Справедливой России». Это позволяло консолидировать вокруг протестных действий сторонников либеральных ценностей и вообще широкую общественность в городе.

В информационной войне О. Шеина важное значение имела тема «Криминалитет в мэрии Астрахани». Сторонники оппозиции с конца марта широко распространяли информацию о заместителях нового мэра: против Диденко было возбуждено уголовное дело о хищении 4 млн. руб., Ситников имел проблемы с «Интерполом» и несколько лет скрывался за границей.

О. Шеин упорно поддерживал тему «Нарушения были только на выборах мэра». В соответствие с этим, провозглашалось, что голосование и подсчет голосов на выборах Президента (проходившие также 4 марта) были проведены в Астрахани относительно честно. Поддерживая эту тему, О. Шеин решал очевидные политические задачи, избегая прямого конфликта с Президентом и не желая бросать тень на легитимность президентских выборов. По нашему мнению, это ослабляло О. Шеина в информационной войне (особенно это вызывало негативную реакцию у либералов), но также эта позиция доказывала ограниченность задач О. Шеина. О. Шеин по-прежнему пытался сохранить компромисс с российской политической системой и не хотел делать шаг, который мог привести его к внесистемной оппозиции.

Отдельно отметим, что участники политического конфликта в Астрахани использовали для информационной войны случайные события, происходившие в этот период. При этом необыкновенная удача сопутствовала здесь именно стороне О. Шеина. Огромным подарком для них стал общероссийский скандал вокруг волгоградского губернатора – его давнего недруга С. Боженова. Роскошная поездка волгоградских чиновников на день рождения губернатора в Италию

случилась 6-9 апреля – как раз в период наибольшего резонанса голодовки в Астрахани.

Другим «случайным» событием можно назвать спровоцированный мэрией Астрахани кризис с автоперевозчиками. Удивительно, но мэрия Астрахани для ликвидации нескольких маршрутов микроавтобусов выбрала самую «горячую неделю» 9-15 апреля. В результате 13 апреля, именно в том момент, когда в городе находились десятки московских и иностранных журналистов, в городе прошли шумные акции протеста «маршруточников», которые в большинстве своем поддерживали О. Шеина. Попытка М. Столярова проявить себя публичным политиком и «выйти в народ» завершилась хоровым скандированием «Самозванец!» Это стало дополнительным информационным подтверждением остроты кризиса в городе.

24 апреля голодовка была прекращена.

Астраханская оппозиция добилась явной победы в информационной войне в течение политического кризиса. Более того – результат, безусловно, превзошел самые смелые ожидания. Акции протеста в Астрахани в течение нескольких недель были в числе главных российских новостей, превратив Астрахань, по выражению Ю. Латыниной, в «политическую столицу России». Лидер астраханской оппозиции О. Шеин стал фигурой российского масштаба и одним из узнаваемых символов политического протеста. Он добился моральной победы, получив поддержку и признание фальсификаций в Астрахани со стороны множества влиятельных лиц. Ему удалось привлечь внимание всей российской общественности к беспределу на астраханских выборах и добиться признания Астрахани как одной из столиц фальсификаций в России. Огромное влияние акции протеста произвели и на местную общественность – митинг в поддержку О. Шеина 14 апреля стал самым массовым политическим митингом в истории города.

Определенной новацией стала сама избранная О. Шеиным форма борьбы в условиях регионального авторитаризма. Отказываясь некоторое время прибегать к тем формам защиты, где коррумпированность системы не позволяла ему рассчитывать на успех, он смог вывести политическую борьбу в плоскость общественного мнения. На этом уровне он одержал победу над своими противниками и ли-

шил их морального превосходства. Борьба астраханских оппозиционеров заняла видное место в новейшей истории развития политического протеста в современной России.

Очевидны и деструктивные последствия информационной борьбы в ходе астраханского электорального кризиса. Можно констатировать существенный рост напряженности в городе. Одним из результатов стало возрастание политического противостояния и кризис политического доверия.

Литература

1. Блог губернатора Астраханской области Александра Жилкина [Электронный ресурс]. – URL: <http://alexandr-jilkin.livejournal.com>, (дата обращения: 25.04.2012).

2. Глава ОС при Росрыболовстве предлагает не выплачивать зарплату голодающему Шеину [Электронный ресурс]. – URL: <http://ug.ria.ru/politics/20120416/82256793.html>, (дата обращения: 20.04.2012).

3. Записка рабочей группы ЦИК РФ о выборах в Астрахани [Электронный ресурс]. – URL: <http://basanets.com/2012/04/zapiska-rabochej-gruppy-cik-rf-o-vyborax-v-astraxani>, (дата обращения: 21.04.2012).

4. Заявление Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в связи с голодовкой протеста по итогам муниципальных выборов в Астрахани [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.president-sovet.ru/news/2133>, (дата обращения: 21.04.2012).

5. Коммуниста придушили его собственным галстуком Астрахани [Электронный ресурс]. – URL: http://punkt-a.info/view_page/view/14774, (дата обращения: 15.04.2012).

6. Родин И. Госдума не приняла к сведению голодовку Шеина / И. Родин // Независимая газета. – 2012. – 20 апреля.

А.В. Шумилов

A.V. Shumilov

**ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**FACTORS
OF FORMATION
OF ELECTORAL POLICY
IN THE YOUTH
ENVIRONMENT**

Аннотация:

В статье осуществлена попытка исследования практики современной молодежной электоральной политики. Акцентируется внимание на активизации политических инициатив в работе с молодежью, указаны проблемы, требующие дальнейшего разрешения.

Ключевые слова:

молодежь, социум, электорат, политика, государство, выборы, партии, Интернет.

Abstract:

In article the modern youth electoral policy is investigated. The attention to activity of political actors in work with youth is focused, the problems demanding further permission are specified.

Key words:

youth, society, electorate, policy, state, elections, parties, Internet.

Молодежная политика это неотъемлемая составляющая государственной политики и политики общественных организаций. Основное предназначение электоральной политики это создание условий для интеграции молодого поколения в процессы общественно-политического развития государства и общества.

В силу этого в определении и реализации электоральной политики участвуют органы государственной власти, политические партии, общественные организации. Каждый из субъектов электоральной политики находясь во взаимодействии, призван сформировать целостную системную модель взаимоотношений.

В современной отечественной научной литературе не существует четкого определения термина «электоральная политика». Проблема состоит в том, что по ряду причин данное широко распространенное понятие не получило точного и ясного определения, что зачастую приводит к терминологической путанице и не

дает возможности глубинного раскрытия основных содержательных компонентов самого явления. Дискурсивная формация отечественной политической науки, восходящая к советскому общественному вознанию, не оперировала собственной категорией политического и электорального процесса, поэтому в современной отечественной политологии верификация понятия затруднена.

Зачастую в литературе наряду с «электоральной политикой» употребляется термин «избирательная политика» (как искусство), что в значительной степени сужает проблемное поле исследования, с нашей точки зрения логичнее использование европейское понимание «Electoral Politics» [6, с. 36-37].

Исследование генезиса электоральной политики приобретает особую актуальность в связи с необходимостью модернизации российской политической системы. Проблема «исчерпанности» политической системы поднималась Д. Медведевым, начиная с 2010 г. Проблемы формирования электоральной политики в молодежной среде наиболее остро проявились после парламентских выборов 2011 г. и последующей чередой митингов оппозиции. Пересмотр электоральных стратегий государства и партий также неизбежен в связи с провалом раскрученной концепции «Суверенная демократия» в молодежной среде.

По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК РФ), молодежь составляет примерно четверть российского электората. Вопрос об ее активности на выборах весьма актуален особенно в России, тем более что наличие разнообразных молодежных программ на федеральном и региональном уровне должно положительно сказываться на характере общей и политической социализации молодежи, формировании гражданских качеств, социального и политического поведения.

Следует отметить, что в обществе наблюдается неоднозначное отношение к проблемам молодежи (как и по вопросу проведения особой политики государством и институтами гражданского общества по привлечению молодежи к политическим процессам), хотя большинство считает, что молодежь требует особого к себе отношения.

В этой связи хотелось бы привести данные ВЦИОМ, по подсчетам которого, 60% россиян от 18 до 30 лет не интересуется политикой как таковой и не принимает участие ни в каких общественных или политических проектах. В тоже время за привлечение молодёжи к участию в политической и общественной жизни высказывается большинство респондентов – 75%. В их числе 42% считают, что это, безусловно, нужно делать; наиболее характерен такой ответ для опрошенных 45-59 лет (47%). Среди самой молодёжи определённо «за» участие в политике 39-40%. В 2005 г. большая часть опрошенных – 82% отмечала, что надо привлекать молодёжь к политике, в том числе безусловно «за» были 48% [1]. Следует отметить, что проблема абсентеизма характерна не только для России, но и для европейских стран [2, 84].

Сторонники приобщения молодёжи к политике полагают, что для этого прежде всего нужно учитывать в программах партий интересы и проблемы молодёжи (59%), создавать и укреплять молодёжные организации при ведущих политических партиях (36%), выдвигать молодёжь на первые роли в партиях, предоставлять молодёжи возможность самой создавать политические объединения в соответствии со своими интересами (по 25-27%), развивать самостоятельные общественные молодёжные объединения (17%). О материальных стимулах и увязке с карьерным ростом молодых людей говорят только 17% и 14% опрошенных. За два года возросло число тех, кто считает самым важным учитывать в партийных программах интересы молодёжи (с 50% до 59%), и сократилось доля тех, кто высказывался за материальное (с 23% до 17%) и карьерное стимулирование молодёжи (с 18% до 14%).

Среди респондентов в возрасте до 30 лет 4% уже состоят в политических организациях. Ещё 5% думают о вступлении в какую-либо партию в ближайшее время. В принципе не против членства в партии, но в отдалённой перспективе 21% молодёжи. Каждый второй (47%) не хочет вступать ни в какую партию. И каждый четвёртый затрудняется с ответом. Два года назад распределение ответов по этому вопросу было практически таким же.

В ответ на просьбу назвать молодёжные организации и движения свыше половины россиян (54%) говорят, что не знают ни одной, ещё 22% затрудняются с ответом или не могут припомнить названия. Причём в 2005 г. общее число тех, кто не сумел назвать ни одну молодёжную организацию или движение, было таким же (76%). Остальные респонденты чаще всего называют движение «Наши» (12%), скинхедов (4%), «Идущих вместе», Национал-большевиков (лимоновцев) (по 3%). «Соколов Жириновского», «Молодую гвардию Единой России» (по 2%). Другие молодёжные объединения указывают не более 1% опрошенных.

Выбирая из предложенного списка молодёжных организаций, респонденты также в первую очередь отмечают, что им известны движение «Наши» (20%), национал-большевики, скинхеды (по 16%), «Соколы Жириновского» (12%). Два года назад «Соколы Жириновского» и национал-патриотические организации, типа скинхедов, были известны россиянам менее (рост известности с 8% до 12% и с 12% до 16%), а «Идущие вместе» - более, чем сейчас (снижение популярности с 13% до 9%).

Симпатизируют опрошенные более всего «Нашим» (9%), «Соколам Жириновского», «Идущим вместе» (по 3%), РКСМ, молодёжному отделению СПС (по 2%). В 2005 г. лидером рейтинга симпатий также были «Наши» (10%) [1].

Следует отметить, что на последних избирательных кампаниях политические партии пытались вовлечь молодежь в политику не только как избирателей, но и в качестве участников, это связано с целью расширения своего электората и омоложения рядов партии. За три последние избирательные кампании доля молодежи в списках «Единой России» составила 21%, КПРФ – около 9%, ЛДПР – 7%, «Справедливой России» – 7%.

В современном политическом процессе ряд политических партий пытаются вовлечь в свою работу авторитетные молодёжные организации. Например, молодёжные организации – «Наши», «Новые люди», «Россия молодая», «Наша страна» и другие, объединяющие определенную часть российской молодежи в некоторых регионах страны [3, 32]. В официальные документы партий систематично включаются разделы посвященные молодежи [4, 150].

Именно молодежь как электоральная группа способна отрегулировать механизм обратной связи политических и социальных институтов по проблемам молодежной политики. Для повышения электоральной активности молодежи необходимо преодолеть сложившееся в молодежной среде отчуждение от властных и социальных институтов. В большинстве российских регионов России (в том числе и в Чувашской Республике) уже эффективно действуют молодежные парламенты, которые имеют возможность выступать от лица всей молодежи, активно взаимодействовать с властью, способствовать решению проблем молодежи, выступать средством выражения позиции молодежи в решении проблем, способствовать активному привлечению молодежи на выборы. В процессе деятельности молодежных парламентских структур формируется формат взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, вовлечения активных молодых людей в общественные процессы и решение проблем региона и страны – лидеров молодежного сообщества, повышается гражданская активность, формируется общественно-политическая и правовая культура молодежи, а в процессе законотворчества определяются ее приоритетные интересы.

Отметим так же и то, что на электоральную активность молодежи большое влияние оказывает среда, в которой она живет. Семья, школа, общественные организации, сверстники – это та социальная среда, которая определяет первичную социализацию молодежи, закладывает основы ее гражданского и политического воспитания, выступает важнейшим фактором электоральной активности и формирования активистской политической культуры, активизации системной работы с молодежью по формированию ее гражданских качеств, повышению электоральной культуры. Избирательные кампании в Государственную Думу и Президента Российской Федерации наглядно показали, что повышение электоральной активности молодежи находится в прямой зависимости от властных структур, их способности создать реальные условия для активного вовлечения молодежи в процесс реформирования и развития всех сфер общественно-политической и экономической жизни российского государства.

Вероятно, следует обратить внимание, что некоторые сложности в коммуникации с молодежью возможно преодолеть, привлекая весь потенциал сети Интернет. Это показал опыт проведения избирательных кампаний зарубежом и в России. Молодежь является активным потребителем новых информационных технологий, активный участник социальных сетей, это основной участник Интернет-пространства. Таким образом, современную молодежь можно обозначить терминами «Поколение google», «Net Generation», «Internet Generation», «Generation Z».

Согласно результатам итоговых отчетов Фонда Общественное Мнение о численности аудитории Интернета последних лет, прослеживается стабильный рост количества пользователей, бывающих в сети от одного раза в полгода до раза (и более) в сутки. Веб-аудитория в России в конце 2011 года составила 70 млн. человек (всё население РФ – 142,9 млн. чел.). Прогнозируется прирост ещё на 20 млн. человек к 2013 году [7]. По количеству Интернет-пользователей Россия вышла на первое место в Европе. Интернетом пользуется 49% россиян, а ежедневно 30%. 79% пользователей общаются друг с другом в Сети, из них - посредством социальных сетей (43%) [8]. Помимо социальных сетей россияне активно читают новости на электронных ресурсах – именно с этим связывают демократизацию рунета. Россияне сидят в социальных сетях дольше всех в мире, причем аудитория социальных сетей составляет около 59%. В самой популярной русскоязычной сети «vk.com» насчитывается более 104 млн. аккаунтов, более 67 млн. аккаунтов принадлежит лицам, указавшим свой возраст до 30 лет, более 44 млн. молодых людей указали свое местонахождение Россия. 70% россиян, которые ежедневно выходят во «всемирную паутину» – это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Самая многочисленная аудитория пользователей молодые люди. Средний возраст пользователя 29 лет. Это позволяет исследователю при значительных допущениях проследить некоторые тенденции в общественно-политической жизни в социальных сетях.

Согласно различным исследованиям интернет аудитории, в том числе и НИИ общественных и политических наук в начале

2012 года. В той или иной степени интерес к событиям в политической жизни страны декларировало около 40% опрошенной молодежи в возрасте 16–24 лет; не интересуются политикой – 59%. Активных участников общественно-политической жизни не превышает 4%. В социальной сети «vk.com» только 1,5 млн. молодежи указывает на индифферентность политических предпочтений. Если попытаться проследить политическую ориентацию сетевой молодежи, то можно получить некоторые данные (март 2012 г.). О своих коммунистических воззрениях заявляет 1 117 141 человек; немного меньше людей с социалистическими взглядами 1 021 912; умеренные взгляды демонстрирует значительно большее число людей 12 396 315; только 1 785 750 молодых людей заявляет о своей либеральной приверженности + 57 909 человек отметили что они либертарианцы; значительно меньше консерваторов (635 753); зато социальные сети концентрируют монархистов (1 071 878) и ультраконсерваторов (944 467) (данные по социальной сети «vk.com» рассчитаны автором на 15 марта 2012 г). Следует отметить, что значительная часть молодежи воздерживается от указания своих политических предпочтений, хотя примерно 40% пытается это сделать. Большая погрешность в анализе политической активности молодежи возникает в частности из-за невозможности выяснить, чем вызвана столь явная приверженность к монархии сетевой молодежи (гипотезой в данном случае будем считать аполитичность данной группы).

Важной особенностью федерального электорального процесса 2011-2012 в России стала активизация протестного настроения населения связанного с отсутствием реального выбора. Основной площадкой развития открытого общественно-политического процесса в России стал Интернет через блоги и группы в социальных сетях. Все политические партии, политические лидеры обзавелись блогами и социальными страничками. В социальных сетях появилось большое количество групп в поддержку кандидатов, либо наоборот критикующих кандидатов и власть. Популярными стали общественно-политические группы, например, «РосПил - война коррупции - Алексей Навальный» чей трафик резко увеличился. После парламентских выборов во всех регионах России

образовались инициативные социальные группы в поддержку оппозиционных митингов. Для проверки гипотезы о более активном участии молодежи среди всех групп населения в протестном движении (сетевом протестном движении) автором исследования была проанализирована доступная статистика по общественно-политическим группам в социальной сети «vk.com». В выборку попали только доступные центральные (федеральные) и региональные группы методом случайной выборки со значительной аудиторией. Основная аудитория всех групп молодежь до 30 лет, около 10% лица от 30 до 35 лет, во всех сетевых группах вся остальная демографическая группа не превышала 10%. Другой особенностью аудитории данных групп является доминирование мужчин во всех сетевых группах на уровне 70-75%. Таким образом, тезис и «молодежности» общественно-политических групп в социальных сетях в целом подтвердился. Однако какова эта активность «пассивное наблюдение», «конформистское участие» или «реальное действие» можно выяснить только проанализировав трафик, что является крайне затруднительным в силу технологического построения социальных сетей. Тем не менее некоторые выводы можно будет сделать по «затуханию» электорального цикла и анализу динамики аудитории социальных групп.

Подводя итоги, следует отметить что, несмотря на развитие и высокую функциональность социальных сетей, они пока носят скорее вспомогательный характер для реальной деятельности общества и выполняют организационную и информационную функцию.

Интернет имеет ряд преимуществ, главными среди которых являются лёгкость и практическая мгновенность опубликования любой информации, отсутствие пространственно-временных границ, возможность тематического поиска и быстрой связи для мониторинга ситуации. Удельный вес виртуальной информационной составляющей в политике сегодня имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. Распространение Интернета будет продолжаться и углубляться. Если в 1999 г. первой партией в России, которая заявила о себе в сети, была СПС, то в настоящий момент все политические партии имеют свои виртуальные представительства.

Хотя справедливости ради стоит заметить, что качество многих ресурсов оставляет желать лучшего. Интернет дает возможность для создания виртуальных партий, основанных на новых для современной политической системы принципах членства, которые потенциально будут способны оперативно реагировать на изменения позиций своих членов по важнейшим вопросам и, таким образом, наиболее близко подходить к репрезентации интересов тех или иных социальных групп в политическом процессе. Первенцами виртуальных партий стали «Пиратская партия Швеции» быстро набравшая своих сторонников и участвовавшая в выборах в Европарламент, а также «Свободная Интернет партия», «Интернет партия Казахстана» и т.д.

Другим направлением в электоральной политике государств становится виртуальное голосование. В ряде государств вводится в практику голосование с использованием Интернет-технологий. Первые проекты появились в 2000 г. В настоящее время Эстония активно осваивает эту технологию. Свои проекты есть и в Российской Федерации, в частности Интернет-голосование прошло в одном из субъектов на региональных выборах 2010 г. В определенной степени такая практика поможет привлечь молодежь к выборам, т.к. это инновационно, интересно и экономит время. Хотя следует отметить, что по данной проблеме можно провести отдельное исследование, так как можно предположить, что у кибердемократии есть и свои минусы.

Интернет может способствовать преодолению негативной тенденции к снижению уровня политического участия, упростив прямой контакт граждан и государства. Новые технологии снижают затраты на согласование возможных путей политического действия. Развитие информационных технологий позволяет говорить о возможности создания виртуальных политических структур, социальных сетей и порталов согласно концепции web 2.0 [5].

В целом можно отметить, что у современных государств есть целый арсенал средств и методов работы с молодым электоратом. Однако на примере России мы видим, что электоральная политика чаще носит несистемный характер и затрагивает незначительную часть молодежи. В частности проект «молодежный парламен-

таризм» способен охватить только самую энергичную молодежь, которая зачастую закрыта в силу своей элитарности и уже находится в политике, т.е. дополнительные стимулы ей не нужны. С 2007 года новой формой работы избирательных комиссий субъектов Российской Федерации с молодежью стало проведение в субъектах Российской Федерации «Дня молодого избирателя». Однако минусом данной инициативы является ее не всеобщий охват по географической составляющей, а также ориентация опять же на энергичную молодежь, которая готова трудиться, участвуя в конкурсах научных работ, круглых столах и т.п. Следовательно, данные инициативы оставляют без внимания самые широкие молодежные группы.

Таким образом, история показывает, что общество не может существовать без электоральной активности молодежи, а сама молодежь не может обойтись без долгосрочного инвестирования в молодежную политику. Однако большинство партий ориентируются на тех, кто стабильно ходит на выборы, т.е. пожилой электорат, а не на молодежь. Попытки привлечь молодых людей в политику, в частности со стороны «Единой России», по большей части неэффективны. К тому же следует констатировать, что в головах молодых людей царит когнитивный вакуум. Молодежь, сама не знает, каких политических взглядов ей придерживаться и куда пойти. Такая ситуация может привести к развитию радикальных течений, и такие тенденции уже намечаются.

Литература

1. Молодежь и политика // Пресс-выпуск №799. ВЦИОМ. [Режим доступа]: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9047.html?no_cache=1&cHash=c7275f3f73
2. Падалка Г.М. Электоральні тенденції у суспільствах другого модерну // Соціологія Другого модерну: проблема перевизначення понять суспільствознавчого дискурсу: зб. наук. пр. / Наук. ред. І.Ф. Кононов. – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009. – С. 81-89.

3. Бойко А. Тенденции в реализации молодежной политики в современной России // Молодіжна політика: проблеми та перспективи: Збірник матеріалів VI Міжнародної науково-практичної конференції, Дрогобич, 15-16 травня 2009 року / Наук. ред. С.А. Щудло. – Дрогобич : Редакційно-видавничий відділ ДДПУ ім. Івана Франка, 2009. – С. 31-36.

4. Сквоиков А.К. Некоторые особенности молодежной политики в условиях распространения либеральных ценностей // Молодіжна політика: проблеми і перспективи: збірник матеріалів V Міжнародної науково-практичної конференції, Дрогобич, 18-19 квітня 2008 року / Наук. ред. С.А. Щудло. – Дрогобич : Вимір, 2008. – С. 148-152.

5. Web 2.0. // Википедия [Режим доступа]: http://ru.wikipedia.org/wiki/Web_2

6. Шумилов А.В. Политические партии в современном мире на рубеже XX-XXI вв. – Чебоксары : НИИ ОПН, 2011. – 140 с.

7. Интернет в России: веб-пользователи // Актуальные темы Интернета. URL: http://www.bizhit.ru/index/web_auditoria/0-21 (дата доступа: 15.03.2012).

8. Динамика проникновения интернета в России. Осень 2011 // Фонд Общественное Мнение / ФОМ. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10283> (дата доступа: 15.03.2012).

В.Ю. Гомельская

V. Yu. Gomelskaya

**АГИТАЦИОННАЯ
МИМИКРИЯ
ИЛИ КАК ЗАПУСТИТЬ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ
РЕКЛАМУ ДО НАЧАЛА
АГИТАЦИОННОГО
ПЕРИОДА:
ПАРЛАМЕНТСКИЕ
ВЫБОРЫ 2011 ГОДА**

**AGITATION MIMICRY
OR HOW TO START
POLITICAL ADVERTISING
CAMPAIGN BEFORE THE
AGITATION PERIOD:
STATE DUMA ELECTIONS
'2011**

Аннотация:

Статья посвящена анализу различных технологий размещения скрытой политической рекламы, используемых партиями и кандидатами в ходе избирательных кампаний. Особое внимание уделено агитации, размещаемой политическими субъектами накануне выборов в Государственную Думу 2011 года. Выявлены и проанализированы цели, методы и подходы в мимикрии политической рекламы в качестве рекламы социальной. На основе проведенного исследования составлен перечень технологий использования социальной рекламы в политических целях.

Ключевые слова:

политические технологии, политическая реклама, агитация, социальная реклама, политическое манипулирование, электоральная активность, избирательный процесс, предпочтения избирателей, выборы.

Abstract:

The article analyzes the various technologies of a hidden political advertising placement used by parties and candidates during election campaigns. Particular attention in the research is paid to the campaigns, hosted by political actors on the eve of elections to the Russian State Duma in 2011. There are identified and analyzed the objectives and methods of the mimicry of political ads as public service announcements (PSA). The research lead to describing a list of technologies, based on using PSA for political purposes.

Key words:

political technology, political advertising, agitation, public service announcement, political manipulation, electoral activity, electoral process, voters preferences, elections.

Активное информационное воздействие на политические предпочтения избирателей является неотъемлемой частью политического процесса любого государства, действующего на принципах выборной демократии. Характерной чертой агитационных кампаний современ-

ной России является их манипулятивность, порой выходящая не только за грань этики, но и за грань закона. Одной из политических технологий, ярко проявившей себя в ходе предвыборной борьбы за депутатские мандаты 2011 года, стали различные способы смешения политической рекламы и рекламы социальной.

Причины широкого распространения подобной мимикрии кроются, в первую очередь, в отсутствии должного законодательного регулирования политической рекламы. Анализ различных рекламных кампаний партий и кандидатов показал использование следующих основных подходов и технологий в размещении скрытой политической рекламы:

- использование социальной рекламы в качестве первого этапа политической рекламной кампании;

- использование понятия социальной рекламы, определенного Федеральным законом «О рекламе» [11], в целях легитимации размещения политической рекламы в период между выборами;

- использование социально-ориентированных партийных проектов в качестве предмета рекламы, размещаемой до наступления агитационного периода; в отдельных случаях – использование государственных проектов в рекламных целях партии;

- смысловое и художественное слияние рекламы электоральной активности населения и рекламы отдельных партий.

Предвыборная кампания Б.Н. Ельцина 1996 года стала первым в постсоветской России случаем, когда социальная реклама оказалась на службе политических целей. Тогда серия роликов «Верю, люблю, надеюсь!» - остросоциальных, надолго запомнившихся россиянам народными героями и доступными посылами, касающихся проблем большинства, на втором этапе обернулась рекламой политической - в роликах появился кандидат в президенты Ельцин. С одной стороны, такой ход политтехнологов помог достичь победы политика на выборах, с другой - надолго подорвал доверие общества к социальной рекламе как форме проявления бескорыстной заботы о людях.

Избирательная кампания Ельцина является примером использования социальной рекламы в качестве «тизера» политической рекламной кампании. Согласно терминологии рекламного рынка, тизер

— это реклама, которая привлекает внимание потребителей с помощью нестандартных, креативных образов и сообщений, напрямую не упоминая рекламируемый продукт или услугу. Затем данный образ, цветовое решение и другие элементы рекламы повторяются во втором этапе рекламной кампании, но уже с упоминанием продукта или марки.

Задача социальной рекламы в контексте данной политической технологии – сформировать определенный эмоциональный и ментальный настрой аудитории – потенциальных избирателей, для его дальнейшего использования в прямой политической рекламе.

Аналогичная технология использовалась и накануне парламентских выборов 2011 года. В октябре 2011 года, до начала официального агитационного периода (3 ноября), в Петербурге началось размещение рекламных плакатов с надписью «Выбери Петербург» и символом – красно-синей галочкой в квадрате, на белом фоне, вызывающие прямые ассоциации с предстоящими выборами в Государственную Думу. На плакатах отсутствовала какая-либо информация о заказчике и о предмете рекламы, в ряде СМИ данная реклама упоминалась как реклама электоральной активности населения.

Одновременно с плакатами в сети появился сайт ВыбериПетербург.РФ, который презентовал в своем Twitter губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко. На сайте также были размещены баннеры «Выбери Петербург» с тем же дизайном, что и городская реклама, но также на них присутствовал логотип «Единой России». Сайт, в первую очередь, был посвящен конкурсу на места помощников депутатов, в котором, согласно правилам, могли принять участие молодые люди от 18 до 35 лет, обязательно разделяющие цели и задачи «Единой России».

Плакаты «Выбери Петербург» финансировались из средств Фонда поддержки «Единой России», а не из средств избирательного фонда партии, которые можно расходовать только на мероприятия и рекламу периода предвыборной агитации. По словам регионального исполкома партии Дмитрия Юрьева, данные плакаты не являлись агитацией, а являлись презентацией слогана [16].

Однако, появившаяся в ноябре вторая серия плакатов, напечатанная уже из средств избирательного фонда «ЕР», содержала поми-

мо запомнившегося благодаря массовому размещению жителям Петербурга слогана «Выбери Петербург», символику партии «Единая Россия». Таким образом, можно констатировать, что размещение первой серии плакатов «Выбери Петербург» преследовало, в первую очередь, политические цели. Тем не менее, назвать подобную рекламу политической не позволяет законодательство.

Российское законодательство до настоящего момента не дало определения политической рекламы и содержит лишь разобщенную регламентацию вопросов распространения информации, связанной с политической деятельностью, оперируя одновременно несколькими терминами: агитация, пропаганда и политическая реклама.

Федеральный закон «О рекламе», являясь базовым нормативным актом, регулирующим правоотношения в сфере рекламы не распространяется на политическую рекламу, в том числе – на предвыборную агитацию [11, ст. 2, ч. 2, пп. 1], что означает нераспространение на данный вид рекламы мер, обеспечивающих защиту граждан от ненадлежащей рекламы.

Попытка определения политической рекламы в российском законодательстве встречается лишь однажды - в Постановлении Центризбиркома РФ № 18/149-II от 20.09.1995 [9]. Согласно данному постановлению, политическая реклама – это «распространение сведений участниками избирательного процесса через СМИ об избирательных объединениях, избирательных блоках, кандидатах в депутаты с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации (преобладание эмоционального воздействия над смысловым, броскость, лаконизм, подчеркивание доминантного достоинства рекламируемого объекта) и признаваемых в качестве признаков рекламы федеральным законодательством и практикой СМИ, с целью формирования общественного мнения в пользу избирательных объединений, избирательных блоков, кандидатов в депутаты».

Приведенное определение ограничивает цели и содержание политической рекламы исключительно избирательным процессом, значительно урезая возможности, функции и сферу применения данного вида политической коммуникации. С точки зрения более общего подхода, политическая реклама – это реклама, заказчиком которой

выступают субъекты политики – партии, отдельные кандидаты и политические объединения, и направленная на достижение политических целей, среди которых, помимо привлечения голосов избирателей, могут быть следующие: привлечение сторонников партии, вербовка новых членов, донесение до реципиентов идей и принципов партии, продвижение политических проектов и программ, призыв членов социума к участию в той или иной политической акции и т.д. [14, с. 102]

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», регулирующий предвыборную агитацию, среди видов которой упомянута и политическая реклама [10, ст. 44, п. 2], также оставляет без внимания любую рекламную деятельность партий вне агитационного периода. Таким образом, в России не существует норм, регулирующих размещение политической рекламы в периоды между выборами.

Данная ситуация, безусловно, является значительным упущением законодательства, по существу, запрещающим политическим субъектам влиять на свой имидж посредством рекламы в период между выборами.

Поскольку, несмотря на более чем десятилетние попытки принять закон, регулирующий политическую рекламу, он по-прежнему не принят, партии ищут пути и методы привлечения внимания избирателей до начала агитационного периода. Им на помощь приходит установленное Федеральным законом «О рекламе» понятие социальной рекламы, и, соответственно, законодательные пробелы в его регулировании.

В 2007 году социальная реклама получила практически официальный статус «заменителя» политической рекламы в период между выборами. В результате жалоб на преждевременное размещение агитационной рекламы в преддверии парламентских выборов 2007 года, ЦИК и ФАС опубликовали совместное разъяснение, согласно которому наружную политическую рекламу можно размещать в периоды проведения выборов на условиях, определяемых Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а между

этими периодами – только на условиях социальной рекламы, определяемых Федеральным законом «О рекламе» [7, с. 87].

В упомянутой рекламной кампании 2007 года принимали участие многие партии: «Справедливая Россия», «Гражданская сила», СПС. «Единая Россия» занимала доминирующее положение среди партий-конкурентов по объему размещаемых биллбордов. Данная реклама оплачивалась не из партийных избирательных фондов, которые в соответствии с законом еще не могли быть созданы, а в ряде случаев – даже не из средств партий [8, с. 30].

Например, плакаты «Единой России» с лозунгом «План Путина – победа России» на фоне цветов партии, аналогичных цветам российского флага, размещались в Москве до начала агитационного периода плакатов на трех тысячах рекламных поверхностей, принадлежащих компаниям News Outdoor Russia и Gallery. Данная реклама была заказана и финансировалась Фондом поддержки партии «Единая Россия» [5]. Данная ситуация вызвала ряд жалоб и обращений в избирательные комиссии, что вынудило ЦИК обратиться за разъяснениями в Федеральную антимонопольную службу (ФАС), отвечающую за контроль в сфере рекламы, в результате было оглашено соответствующее разъяснение, официального решения за ним не последовало.

Данное разъяснение обошло вниманием, во-первых, тот факт, что ФЗ «О рекламе» не распространяется на политическую рекламу [11, ст. 2], а, во-вторых, что согласно нормам, регулирующими размещение социальной рекламы, в ней запрещено упоминание физических и юридических лиц [11, ст. 10, ред. от 13 марта 2006 г.]. Таким образом, использование на плакатах словосочетания «План Путина» и символики партий противоречило действующим на тот момент нормам законодательства по социальной рекламе.

Кроме того, разъяснение не дало рекомендаций относительно того, как поступать с рекламой, размещаемой в период между регистрацией партии на выборах и началом агитационного периода (не все виды агитации, включая наружную рекламу, разрешены до начала агитационного периода) [10]. Этот пробел позволил региональным и местным органам власти с 5 сентября – момента начала избирательной кампании, снять наружную рекламу всех партий, кроме

рекламы партии «Единая Россия», которая была признана «социальной».

Зачастую, как и в рассмотренном выше кейсе «Выбери Петербург», для обоснования размещения рекламы в качестве социальной используется партийный проект, направленный на поддержку каких-либо гражданских инициатив, название которого совпадает или созвучно рекламному слогану, используемому в рекламе. Таким образом, реклама получает подкрепление в виде «социального контента», который способен благоприятно сказаться на имидже партии или кандидата, а представители партии могут официально заявлять, что данная реклама не является агитационной, а является рекламой социального проекта или программы. Подобный алгоритм можно охарактеризовать как сформированную политическую технологию, которая позволяет партиям и кандидатам размещать политическую по своей сути рекламу под видом социальной, формально не нарушая закон о запрещении агитации до наступления соответствующего периода.

В 2011 году данная технология была продемонстрирована политиком и бизнесменом Михаилом Прохоровым. В начале августа 2011 года по всей стране началось размещение рекламных плакатов с изображением Прохорова и слоганами следующего содержания: "Михаил Прохоров. Сила в правде. Кто прав, тот и сильнее" и "Михаил Прохоров. Неизбежность перемен". В пресс-службе партии «Правое дело» данную рекламу назвали социальной, объясняя это тем, что это реклама социального проекта «Сделано в России», направленного на поддержку молодежных инициатив в сфере техники, науки и культуры. Реклама финансировалась из средств фонда и личных средств Михаила Прохорова [12]. Большинство публикаций в СМИ эту рекламу характеризовали либо как политическую, либо как агитационную, либо способствующую узнаваемости Михаила Прохорова как политика и бизнесмена.

Агитационный период для партии «Правое дело» начался 24 октября, когда ЦИК зарегистрировал список кандидатов на выборы. К этому моменту, Прохоров уже был исключен из состава партии решением съезда 15 сентября. Таким образом, рекламу, размещаемую

в августе и начале сентября нельзя отнести к агитационной или политической.

Член федерального политсовета «Правого дела» Борис Надеждин назвал данную рекламу социальной с юридической точки зрения. Подобные заявления противоречат законодательству, поскольку в соответствии с редакцией ФЗ «О рекламе» от 30 июня 2011 упоминание о физических лицах в социальной рекламе, допускается лишь в двух случаях: о лицах, нуждающихся в помощи, либо о спонсорах. Поскольку к первому случаю Прохоров отношения не имеет, остается второй – но изображению спонсора не может уделяться более, чем пять процентов рекламной площади (пространства) [11, ст. 10, п.5,6, ред. от 30.06.2011]. Портрет Прохорова занимал порядка 40% размещаемых плакатов. Возможно, данные плакаты не получили политического продолжения только в связи с уходом Прохорова из партии.

Следующей технологией смешения политической рекламы и социальной, используемой в российской предвыборной тактике, является размещение баннеров, презентующих результаты реализации проектов по ремонту и строительству объектов дорожного и городского хозяйства непосредственно вблизи данных объектов. Подобная наружная реклама, ввиду несанкционированного размещения, становилась предметом, в том числе, судебных разбирательств.

Так накануне выборов 2007 года во многих городах России, в том числе в в Приморском крае², появились рекламные баннеры с символикой «Единой России», размещаемые вблизи или непосредственно на объектах социального назначения (школы, физкультурно-оздоровительные комплексы, поликлиники) или на общественно значимых сооружениях (дороги, мосты), и информировали граждан о том, что ремонт или строительство данного объекта проводится в рамках проекта «Новые дороги городов "Единой России"». При этом в действительности соответствующие работы проводились за счет средств федерального, регионального или местного бюджета. Соответственно, данная реклама имела признаки дезинформации и в соответствии с законом «О рекламе» [11, ст. 5] не должна была размещаться как недостоверная реклама.

Подобная ситуация повторилась в 2011 году, став беспрецедентным случаем противодействия государственных структур незаконному размещению партийных плакатов.

В конце октября 2011 Избирательная комиссия ЕАО вынесла предупреждение партии «Единая Россия» о незаконной рекламе благоустройства дворов по партийному проекту. Предупреждение было вынесено в ответ на обращение группы граждан и представителей партий КПРФ и ЛДПР о том, что рекламные плакаты, размещенные на дворовых территориях Биробиджана по проекту партии «Новые дороги городов России», являются распространением ложной политической рекламы в части источников финансирования вышеназванного проекта. В ходе проверок, заказчика и источники финансирования официально установить не удалось, но был обнаружен «факт ненадлежащего земельного контроля со стороны органов местного самоуправления при размещении рекламных конструкций»³.

В соответствии с Земельным кодексом РФ теми участками, государственная собственность на которые не разграничена, распоряжаются органы местного самоуправления. Федеральный закон «О рекламе» предусматривает, что рекламную конструкцию устанавливает и эксплуатирует ее владелец по договору с собственником земельного участка. Таким образом, установка рекламных конструкций могла считаться законной только при наличии разрешения, выданного органом местного самоуправления. Такого разрешения не было, т.е. установка имела статус «самовольной» и, в соответствии с законом, подлежала демонтажу.

Избирком ЕАО в ответ на заявление граждан о том, что данные действия регионального отделения «Единой России», опубликовал постановление, в котором сообщалось, что рабочая группа пришла к выводу, что данные материалы являлись агитационными и их размещение было осуществлено с нарушением законодательства: рекламу не оплачивали из соответствующего избирательного фонда, на ней отсутствуют выходные данные, а копии агитматериалов не были представлены в избирком [3].

Данный случай - редкий пример публичного и официального (со стороны прокуратуры и регионального избиркома) противостояния незаконным действиям в сфере размещения агитационной, поли-

тической рекламы. Поскольку незаконным оказалось уже само физическое размещение баннеров, смысловая нагрузка отошла на второй план и понятие социальной рекламы в обсуждении не фигурировало.

Следующее направление мимикрии и слияния политической рекламы и социальной – дублирование образов, используемых в рекламе электоральной активности, размещаемой от имени государства, и рекламы отдельных политических партий, в целях их поддержки. Реклама выборной активности сама по себе является социальной, т.к. размещается от имени государственных органов (центральной и региональных избирательных комиссий) и служит общегосударственной цели - повышению явки на выборы, а значит, выражению гражданами своего конституционного права на выражение политической воли путем прямого голосования.

В Москве серия плакатов «Единой России», появившихся накануне думских выборов - 2011, привлекла внимание общественности идентичностью символики рекламы Мосгоризбиркома и рекламы самой партии. Информационные материалы Мосгоризбиркома появились в Москве задолго до аналогичной рекламы «Единой России», которая появилась, как и положено, в установленный период для предвыборной агитации. Глава ЦИКа Владимир Чуров заявил "Коммерсанту", что плакаты, похожие на рекламу выборов, могут использовать все партии, а не только «Единая Россия». По его словам, Мосгоризбирком не обладает эксклюзивными правами на схематичные изображения города и социальных групп, которые использованы в агитации «Единой России» [4].

Социальную рекламу для избиркома разрабатывала компания "ИМА-Консалтинг". В соответствии с условиями тендера агентство должно было передать заказчику эксклюзивные права на изображения. В пресс-службе самой партии заявили, партия приобрела права на изображения, которые использовал Мосгоризбирком в рекламе выборов [2].

Подобная схема слияния политической рекламы и социальной может быть нацелена не только на повышение внимания к партии, дополнительное продвижение ее символики, но и на сообщение об общности государства с курсом определенной партии – в данном случае «Единой России», что, несомненно, является манипулятивным

ходом со стороны партии и нарушает принципы конкурентной борьбы политических субъектов.

Творческим вариантом мимикрии можно назвать рекламные плакаты, появившиеся в ноябре 2011 года в Санкт-Петербурге, на которых на фоне красных тюльпанов размещалась фраза «От всей души желаем вам здоровья и сто миллионов тюльпанов». Слова и буквы в слогане были расположены таким образом, что выделялись слова, а вернее – фамилии – Милонов и Тюльпанов. Валерий Милонов и Вадим Тюльпанов – депутаты Законодательного Собрания Петербурга от партии «Единая Россия». Сами депутаты в официальных интервью свою причастность к плакатам отрицали [1].

Данный случай можно отнести к креативному варианту размещения скрытой политической рекламы под видом рекламы социальной. Кроме слогана, на плакате отсутствовала какая-либо информация, в том числе и о заказчике. Реклама, с формальной точки зрения, может быть классифицирована как социальная: наличие социально-полезного «месседжа», отсутствие коммерческой составляющей, логотипов и т.д. Тем не менее, по содержанию, это реклама – политическая.

Итак, среди целей, в которых используется мимикрия политической рекламы как рекламы социальной, можно выявить следующие:

- размещение скрытой политической рекламы до начала официальной предвыборной кампании без прямого нарушения закона о «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»;

- экономия средств избирательных фондов, объемы и движение которых является официальными и публичными и подотчетны ЦИК;

- создание благоприятного эмоционального и умственного настроения электората перед запуском основной политической рекламной кампании, создание и закрепление благоприятного ассоциативного ряда;

- ассоциирование политической партии или кандидата с теми или иными социальными достижениями и общественно-значимыми событиями; упоминаемые рекламой достижения могут относиться как к реализации партийных программ, что не нарушает закона «О рекламе», так и к реализации государственных программ за счет госу-

дарственного бюджета – в данном случае реклама может быть признана недостоверной;

- получение льгот при размещении рекламы в качестве социальной - данные льготы законом не предусмотрены, однако социальная реклама в большинстве случаев размещается по заниженным тарифам.

Проведенный анализ использования рекламы в российских избирательных кампаниях, в том числе накануне выборов в Государственную Думу VI созыва, показывает необходимость принятия срочных мер по законодательному определению и регулированию понятия «политической рекламы», которое будет распространяться не только на рекламу, размещаемую в агитационные периоды, но и на весь электоральный цикл, а также касаться этических аспектов подобной рекламы. Кроме того, мерой, способствующей предупреждению размещения скрытой политической рекламы под видом социальной, может стать внесение соответствующих поправок в федеральный закон «О рекламе».

Примечания

1. Здесь понятие «социальная реклама» используется по внешним формальным признакам (отсутствие логотипов организаций, товаров или услуг, наличие социально-ориентированного сообщения), а не по целям, которые ставит рекламодатель. Подобная социальная реклама, размещаемая как этап политической рекламной кампании, в соответствии с ФЗ «О рекламе» [11, ст. 3, п. 4], может быть признана ненадлежащей, поскольку вводит в заблуждение потребителя, помимо социально-значимых преследуя скрытые политические цели.

2. В Приморском крае в местах ремонта дорог было установлено 135 рекламных баннеров партии «Единая Россия», изготовленных по заказу и оплачены в размере 1605690 рублей ОАО «Примавтодор» [13].

3. В соответствии с комментарием старшего помощника прокурора ЕАО по взаимодействию со СМИ и общественностью Натальи Мешковой, разрешение на установку рекламных конструкций в дворовых территориях 12 домов на пяти улицах в Биробиджане не вы-

давалось, сведениями о собственнике конструкций мэрия города не располагала [3].

Литература

1. Бабушкин Е. В Петербурге "Единая Россия" соблазняет избирателей тюльпанами // Neva24. 14.11.2011. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.neva24.ru/a/2011/11/14/milonov_tjulpanov/ (дата обращения: 19.12.11).

2. Бочкарева С. Партия и избирком слились в наружке / Бочкарева С., Винокурова Е. // «Газета.Ru». 07.11.2011. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/07_a_3825294.shtml (дата обращения: 17.03.12).

3. Брынина А. В Биробиджане был переворот // РИА «Федерал Пресс». 10.11.2011. [Электронный ресурс]. - URL http://old.fedpress.ru/federal/polit/part/id_259000.html (дата обращения: 10.02.12).

4. Журавлев А. Мосгоризбирком готов услужить подложкой (оппозиции тоже можно использовать его плакаты) / Журавлев А., Иванов М. // Коммерсантъ. 23.11. 2011 - № 219.

5. Нагорных И. «Единая Россия» обошла закон на законных основаниях (начав свою агитацию до начала агитационного периода) / Нагорных И., Бордюг Т. // Коммерсантъ. -12.09. 2007 - №165.

6. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.

7. Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда. Очерки политической истории России 1991-2008: Научное издание. - М: Аспект Пресс, 2010. – 160 с.

8. Нисневич Ю.А. Политико-правовой анализ парламентских и президентских и президентских выборов 2007-2008 гг.: препринт WP14/2009/02. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 84 с.

9. Об инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам в депутаты госу-

дарственной думы федерального собрания Российской Федерации и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с государственным участием [Электронный ресурс]: постановление Центризбиркома Российской Федерации от 20.09.1995 № 18/149-II. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 мая 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 мая 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

11. О рекламе [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 февраля 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 3 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

12. Рекламой "правых" займется студия, работавшая над образом Сочи-2014 // РИА Новости. 01.08.2011 [Электронный ресурс]. - URL: <http://ria.ru/politics/20110801/410372301.html> (дата обращения: 08.10.11).

13. Рекламу «Единой России» на дорогах разместили из чувства благодарности? // РИА «PrimaMedia». 26.11.2007. [Электронный ресурс]. - URL: www.primamedia.ru (дата обращения: 15.12.2007)

14. Селентьева Д.О. Современные политические технологии: учебное пособие. – СПб: Изд-во БГТУ, 2010. – 116 с.

15. Тропкина О. В России может появиться закон о политической рекламе / Тропкина О., Рубин М., Козлов П. // Деловая газета «Известия». 08.02.2012. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.izvestia.ru/news/514706> (дата обращения: 21.04.12)

16. Шевчук М. «Единая Россия» экономит фонды // Деловой Петербург. 27.10. 2011. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.dp.ru/a/2011/10/26/Edinaja_Rossija_jekonomit/ (дата обращения: 15.03.12).

**О.Е. Гришин
А.А. Воронова**

**O.E. Grishin
A.A. Voronova**

**ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ
ФУНКЦИЯ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ И
БЛОГОСФЕРЫ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**THE INSTRUMENTAL
FUNCTION OF THE MEDIA
AND THE BLOGOSPHERE
IN THE POLITICAL
INFORMATION
ENVIRONMENT**

Аннотация:

Средства массовой информации и блогосфера являются современными инструментами для создания условий благополучия граждан, защиты их прав и свобод, успешной самореализации в постиндустриальном обществе. Эти инструменты осуществляют беспрепятственный доступ к информации и помогают ориентироваться в многообразии информационных потоков. Необходимо исследовать инструментальную функцию СМИ и блогосферы и ее основных свойств для совершенствования моделей их функционирования, для реализации паритетного управления информационными процессами между государством и обществом.

Ключевые слова:

средства массовой информации, блогосфера, инструментализм, инструментальная функция.

Abstract:

The media and blogosphere are modern tools to create conditions for the well-being of citizens, protect their rights and freedoms, successful self-realization in a postindustrial society. These tools perform unhindered access to information and help navigate the variety of information flows. Necessary to study the instrumental function of the media and the blogosphere and its basic properties to improve their functioning model for the implementation of parity information management between state and society.

Key words:

media, blogosphere, instrumentalism, instrumental function

Многократно усилившаяся скорость информационных обменов, обусловленная качественным скачком информационно-коммуникационных технологий, актуализирует базовую потребность человека – потребность в информации.

Активизация информационных потребностей на определенном этапе развития человечества послужила основой для возникновения нового вида деятельности – информационной, компонентом которой являются средства массовой информации. В условиях нестабильного социально-политического развития России в конце XX века рычаги влияния на СМИ органами государственной власти были утрачены, вследствие чего СМИ оказались ангажированными отдельными социальными группами и финансово-промышленными объединениями. В результате общей неразвитости гражданского общества инструментальные свойства СМИ использовались для реализации информационных интересов отдельных социальных групп, что зачастую противоречило государственным и общественным интересам и создавало угрозу для национальной безопасности. В настоящее время многие социологические центры фиксируют низкий уровень доверия общества к СМИ. Более того, мы наблюдаем и кризис доверия к информации социально-политического характера, который возникает при высокой степени неудовлетворенности информационных потребностей общества.

Рассматривая средства массовой информации с позиции функционального подхода, который позволяет определять СМИ как инструмент и, следовательно, предполагает наличие инструментальной функции в отличие от других теорий, представляющих СМИ как так называемую «четвертую власть».

По опыту современной социальной практики, в переходном обществе необходимы новые подходы к пониманию СМИ, прежде всего, «...как информационно-технологического инструментария управления информационными процессами, воздействия на психику и сознание социума» [3, с. 13], поскольку средства массовой информации обладают способностью формировать, влиять, управлять, манипулировать, интерпретировать, конструировать, т.е. создавать вторичный продукт – артефакт (по сути, искусственно сделанный). И здесь, на наш взгляд, СМИ становятся инструментом (лат. *intrumentum* – орудие для работы.) для создания и реализации вышеназванных действий, актуальных с точки зрения социальных субъектов.

В рамках концепции американского философа Дж. Дьюи, инструментализм является разновидность прагматизма. Эта концепция рассматривает идеи и понятия не как отражения объективной действительности, а как орудия, инструмента для упорядочивания субъективного опыта. Инструментальная функция любого субъекта вписана в технологический процесс. Технологический процесс включает в себя субъектно-объектные отношения. Эти отношения составляют множество классов ситуаций деятельности первого. Технология как инструмент здесь предстает своего рода третьим полюсом, расположенным между субъектом и объектом. Субъект формирует цели собственной деятельности и деятельности, подчиненных ему объектов, владеет информацией и ресурсами, используя по своему усмотрению, владеет средствами коммуникации и создает их, владеет опытом и знаниями и их пополняет, владеет информацией о достоинствах и недостатках своей деятельности.

Конечным итогом технологического процесса является результат деятельности (продукт). Продукт - это артефакт, полученный в конце технологизации. Итог технологии может быть материализован, например, в виде воспроизводства новых знаний или действий воплощенных в реальный политический процесс, и (или) нести, в той или иной мере, слабо формализованный символический характер (например, усиление социально-политического влияния, приобретение авторитета, создание определенных черт имиджа и т.п.). Такая модель позволяет учитывать более полный и лучше дифференцированный комплекс взаимодействий по сравнению с классическими биполярными моделями («субъект-объект»).

Анализ литературы показывает, что существует проблема осмысления вторичной (инструментальной) природы. С точки зрения Д.Н. Вига, большинство дебатов о такой природе концентрируются вокруг трех концепций – «инструменталистской», «социально-детерминистской» и концепции «автономной технологии». Инструментализм, показывает Д.Н. Виг, предполагает, что инструмент – это просто средство достижения целей; всякое инструментальное (технологическое) новшество спроектировано

таким образом, чтобы решить определенную проблему или служить специфической человеческой цели. Далее могут возникнуть лишь следующие вопросы: является ли первоначальная цель социально приемлемой, может ли проект быть технически выполнимым, используется ли изобретение для намеченных целей [2, с. 5]. Принимая во внимание последнее утверждение, нужно заметить, при исследовании инструментальной функции СМИ в социально-политической сфере общества, как правило, встает вопрос о соотношении морально-этических принципов и рациональных средств и методов, как научных, так и социально-политических в деятельности субъектов, особенно политических. На наш, взгляд, эту проблему можно связать с культурой, в частности, с политической культурой. В таком контексте значительно и перспективно суждение российского политолога О.Ф. Шаброва: «Включаясь в политический процесс, человек мыслит и действует, сообразуясь с реальной действительностью и с хранящимися в памяти ориентирующимися стереотипами общественного сознания, присутствующими в политической культуре его окружения, референтной группы, общества в целом. Интуитивно и с помощью рассудка он соизмеряет с ним свои интересы и потребности, а потому не следует, как правило, ожидать прямой взаимосвязи между интересом и конкретными действиями человека в сфере политики. Если сущность человека – это культура, то сущностью человека в той ее части, которой он включен в политический процесс – человека политического, или *homo politicus*, – является политическая культура» [6, с. 120-121].

Рассматривая инструментальную деятельность СМИ как систему, целесообразно выделить, по мнению авторов, следующие структурные элементы:

- цели, которые ставит перед собой субъект (мера их соответствия политическим целям);
- информация (мера ее соответствия современному состоянию знаний, с одной стороны, и социально-политическим реалиям – с другой);
- предмет деятельности (мера соответствия комплексу методов, применяемых по отношению к нему);

– субъект (политик, партия) как творческая индивидуальность: он формирует цели собственной деятельности и подчиненных ему объектов, располагает информацией и ресурсами, используя их по своему усмотрению, владеет социально-политическим опытом и знаниями и их пополняет, обладает информацией о достоинствах и недостатках своей деятельности.

Для исследования инструментальной сущности СМИ логично привлечь эргономическую теорию, позволяющую обосновать инструментальную функцию СМИ, основанную на свойствах системы «субъект-инструмент-объект»: управляемость – это свойство соответствия цели и предназначения для реализации информационных интересов и потребностей, актуальных с точки зрения субъектов; встраиваемость – приспособленность инструмента к внедрению в структурно-функциональные связи субъект-объектных отношений в качестве одного из средств достижения целей в соответствии с интересами и потребностями субъекта; используемость – свойство инструмента соответствовать намерениям интересов и потребностей субъекта; наблюдаемость – свойство инструмента, на основе которого субъект способен наблюдать, оценивать, прогнозировать и комментировать содержание и методы воздействия на объект в соответствии со своими интересами и потребностями.

Инструментальная функция СМИ – это отчасти идеальная модель информационного обмена, охватывающего комплекс эргономических свойств системы «субъект-инструмент-объект».

Таким образом, средства массовой информации являются инструментом формирования сознания людей, выработки их идеологических, политических, экономических, эстетических представлений и установок, актуальных с точки зрения социальных субъектов. На наш взгляд, выделение инструментальной функции СМИ позволяет рассматривать процессы информационного взаимодействия с позиций поиска путей согласования интересов и потребностей государства и общества.

Современное развитие научно-технического прогресса, политической системы, институтов гражданского общества, политико-правовой культуры, восприятие международного опыта в на-

стоящее время дает предпосылки активного использования относительно «новых» политических инструментов. Такого рода инструменты специфично влияют на менталитет и ценностные ориентации населения, способствуют проявлению более высокой степени социальной и политической активности, а иногда провоцируют протестные формы политического участия. К подобным инструментам можно отнести и блогосферу.

Сегодня, очевидно, что российская блогосфера как инструмент информационного воздействия переживает процесс созревания. Этот процесс интенсивно продолжается. Профессионализм российских блогеров растет, они привлекают большее количество читателей, затрагивают все большее количество социально-политических проблем, а зачастую и сами становятся политическими акторами.

Блог (англ. blog, от web log — интернет-журнал событий, интернет-дневник) — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментарии к блогазписи или своих блогах). Блогосфера — совокупность всех блогов. Очевидно ее скоростное преимущество перед традиционными СМИ.

Блогерами являются — политики, экономисты, музыканты, представители шоу-бизнеса и т.п. Известные в стране люди, и совсем неизвестные граждане. Существует определенный рейтинг блогов в российской блогосфере и насчитывает более 52597104 [4]. Так, например, исследованию блогосферы для бизнеса посвящены работы Д. Байрона, А. Лоянича, А. Попова и др. В них даны рекомендации как заработать репутацию, вести бизнес и другие практические рекомендации. Анализ показал, что блогосфера описана, в значительной мере в основном англоязычными авторами.

Исследования проблем, направлений, особенностей, возможностей использования блогов в качестве ресурса информационного и PR-влияния, технологии формирования политической реальности, общения политиков разного уровня и граждан является новой для российской политической науки. На сегодняшний день по данной теме имеется ограниченный круг публикаций аналитиков, журналистов, ученых, несмотря на значительный поток литературы по политическим технологиям в целом.

Проблема актуализируется и в связи с тем, что блоги, в подавляющем большинстве, ведутся в режиме разговорной речи. Это требует от исследователя большой аналитической деятельности, поскольку, как правило, проблематика обсуждаемых проблем, накал эмоций и страстей, характер общения политика с участниками блогосферы позволяет сделать не только теоретические, но и политически значимые выводы.

В настоящее время политические возможности блогосферы рассматривает определенный круг российских журналистов и аналитиков: О. Кашин, А. Лебедев, А. Плющев, Д. Фетисов. Они приходят к выводу о том, что личные дневники (блоги) в последние годы приобретают политический вес, но пока никто не в силах ни замерить реальный «политический вес» блогеров (особенно, если в качестве таковых выступают известные политики), ни достоверно определить причину их влияния.

Конец XX века стал своеобразным пиком развития блогов, что обусловлено созданием новых политических платформ и развитием новых технологий. Сегодня электронные дневники стали массовым явлением. Активность акторов блогосферы наблюдается в период избирательных кампаний и иных важных социально-политических событий.

Мы констатируем, что в российском политико-коммуникативном пространстве блоги становятся важным инструментом политической конкуренции. Происходит профессионализация сообщества российских блогеров, его сегментация, формирование среды гражданских журналистов. Но, на наш взгляд, вопрос, о повышении доверия к блогам, превращении их в досто-

верный и авторитетный источник информации, который успешно конкурирует с традиционными СМИ, неоднозначен и полемичен.

Американские исследователи проанализировали причины влияния блогов на общество и политику. Они оказывают влияние на общественно-политическую систему, прежде всего за счет своей высокой конкурентоспособности. В их среде «естественный отбор» происходит намного быстрее, чем среди традиционных СМИ. Выпуск новой газеты или вывод новой радиостанции требует значительных затрат, средств и времени, а создание блога обходится в ничтожную сумму и занимает несколько минут. Плохие газеты, теле- и радиоконпании «живут» намного дольше, чем неудачные блоги, поскольку их владельцам и совладельцам легче привлечь банковские кредиты, инвестиции, способные пролонгировать их функционирование даже в том случае, если они становятся непопулярными. Иное дело блогосфера, в которой неудачно сделанные, информационно слабо насыщенные блоги очень быстро становятся непопулярными и перемещаются на периферию общественного внимания. Кроме того, блогеры работают оперативнее традиционных журналистов. Частично это объясняется тем, что авторы блогов могут не обращать внимания на правильное построение фраз, грамотность, литературное изложение текста, его соответствующее оформление и т.д., то есть тому, чему «традиционные» сайты уделяют большое внимание. Как правило, информационные сайты предпочитают размещать более длинные и развернутые материалы, написанные в жанре традиционной журналистской статьи [5].

Анализ российской политической блогосферы требует характеристики состояния политической жизни, в первую очередь, взаимодействия представительных органов власти и СМИ. В свое время, особую популярность блоги приобрели как площадка для борьбы за социальную справедливость. Среди наиболее резонансных акций следует отметить активное обсуждение в блогах проблемы «мигалок» – право преимущественного проезда для тысячи чиновников, чьи машины снабжены проблесковыми маячками. Благодаря этим и другим акциям в России стало известно о нескольких громких преступлениях с участием представителей

правоохранительных органов или их родственников. Также с помощью блогосферы более активно идет формирование политического сознания и политической культуры. По данным социологов уже 13% россиян используют Интернет в качестве основного источника информации. Наибольшая доля людей, часто использующих Интернет в качестве ключевого источника информации, проживает в Москве и Санкт-Петербурге - 26%. А. Юсуповский справедливо отмечает, что в блогосфере происходящие события описываются нередко более полно, интересно, нежели в традиционных масс-медиа. При этом жесткое законодательство, регулирующее реальное политическое пространство, вводящее ограничения для электронных и печатных СМИ, способствует расширению границ функционирования блогов, активизации виртуальных дискуссий. Общественное мнение о политических событиях, лидерах, фактах, сформированное с помощью блогов, является объемным и многомерным, поскольку почти одновременно высказываются и соотносят свои позиции люди с разным житейским опытом, принадлежащие к разным идейным лагерям, исповедующие разные жизненные и политические ценности [1].

Противоречивость данных процессов обусловлено тем, что их аудитория ограничена кругом активных пользователей Интернета. В условиях сворачивания свободы СМИ уход в «ЖЖ» выглядит как «виртуальная эмиграция» части интеллектуалов, пытающихся найти площадку для свободного выражения своих взглядов. В блогах часто встречаются так называемые «ложные» дневники. В них используются либо имена известных политических деятелей, либо имя, похожее на реально существующий блог, с целью привлечь пользователя Интернета на свой дневник для сообщения заведомо ложной или непроверенной информации. Причем возможный посетитель может даже не догадываться о том, что он попал не на «тот блог». Для этого могут применяться аналогичный дизайн и структура дневника. Например, к ложному блогу можно отнести дневник В.В. Жириновского на jirinovski.livejournal.com и Г.А. Зюганова на zyuganov-g-a.livejournal.com.

Анализ свидетельствует о том, что основополагающие функции СМИ в политической системе (информирование, политическая социализация, идеологическая функция, формирование в общественном сознании того типа государственного устройства, который соответствует российской ментальности), как правило, реализуются недостаточно. Блогосфера сегодня выступает дополнительным, а иногда и замещающим инструментом, восполняющим эти функции.

Блогосфера создает некий «новый информационный мир», особую «виртуальную инфосферу», обладающую чертами глобальности, как принципиально новую среду пребывания современного человека. Ее отличительными особенностями становятся универсальность и тотальность распространения. Однако информация, представляемая в блогах, не всегда выступает носителем смысла, чаще она им манипулирует и симулирует его наличие, образуя вместо сферы, удваивающей реальность, имитационную гиперреальность.

В настоящее время, блогосфера как инструмент позволяет формировать настроения и изучать мнения блогеров по отношению к различным сферам жизнедеятельности общества, рекламировать идеи, символы, взгляды, создавать аргументационную базу для решения существующих политических проблем, внедрять агентов PR-влияния, осуществлять обратную связь, взаимодействовать с определенной (выделенной) аудиторией, с целью создания позитивного (негативного) имиджа политических акторов, проводить мониторинг общественного мнения и т.п. С другой стороны, влияние блогов не стоит преувеличивать. Но иногда, блогосфера выступает одним из эффективных инструментов, наряду с другими, например при формировании гражданских и политических позиций индивидов и социума в целом, взаимодействия власти и общества, каналом политической социализации личности и политической мобилизации. Российские политические события конца 2011 – начала 2012 годов в достаточной мере это подтверждают.

Так, например, можно утверждать, что в ситуации предвыборной кампании, СМИ, а теперь и блогосфера испытывают со-

блазн продемонстрировать свои возможности воздействия на массовое политическое сознание. Зачастую эти возможности могут быть многократно увеличены в случае объединения различных СМИ, СМИ и блогосферы. Но даже мощный кумулятивный эффект тотального информационного воздействия бывает краткосрочным, если данное воздействие, не подкрепленное реальной политикой, воспринимается массовым сознанием как обман. Подобная ситуация иногда приводит к отчуждению населения от СМИ и блогосферы.

Акцентируя внимание на вышеперечисленных особенностях СМИ и блогосферы, сделаем следующие выводы:

- двойственность и противоречивость общественного мнения в выражении своего отношения к деятельности СМИ и блогосферы отражает сложную и неоднозначную позицию этих инструментов в обществе;

- задача совместить в своей работе принципы профессиональной и гражданской этики решается различными СМИ и блогерами совершенно по-разному, равно как по-разному понимаются роль и функции СМИ и блогосферы в российском обществе и сегодняшние интересы самого общества;

- в оценках деятельности прессы, электронных СМИ, блогосферы граждане разделились преимущественно в соответствии со своими политическими пристрастиями: негативные оценки характерны в большей степени для респондентов, оппозиционно настроенных к нынешнему курсу политического и экономического развития России.

Таким образом, актуальным направлением представляется дальнейшая теоретико-методологическая разработка инструментальной функции СМИ и блогосферы и ее основных свойств для совершенствования модели их функционирования, что позволит практически реализовать возможности паритетного управления информационными процессами между государством и обществом в целях защиты и реализации национальных и общественных (гражданских) интересов.

Литература

1. Авцинова Г.И., Лобанов И.А. Блогосфера как политическая технология и ее возможности // Научные исследования кафедры политологии и социальной политики: Сборник научных трудов. Вып.3 / Отв. ред. Г.И. Авцинова. – М.: РГСУ, АПКППРО, 2010. С. 24-29.

2. Виг Д.Н. Технология, философия и политика // Технология и политика. - Дахам - Лондон, 1988. Цит. по книге: Традиционная и современная технология: (филос. - методол. анализ). – М., 1998.

3. Информационная политика / Под общ. ред. В.Д. Попова. - М., 2003. – 463 с.

4. Рейтинг блогов Рунета. – URL: www.blogs.yandex.ru/top. – Дата обращения: 01.03.2012.

5. Центр гуманитарных технологий. – URL: www.gtmarket.ru/laboratory/expertize. – Дата обращения: 01.03.2012.

6. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. – М., 1997. – 445 с.

Я.Ю. Шашкова

Ya. Yu. Shashkova

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ
НОВЕЛЛ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПАРТИЯХ***

**PERSPECTIVES
OF REFORMATTING
THE ELECTORAL
ENVIRONMENT IN THE
RUSSIAN FEDERATION
IN TERMS OF THE
AMENDMENTS TO THE
LAW ON POLITICAL
PARTIES**

Аннотация:

Статья посвящена анализу динамики российского электорального пространства в 1990–2000 гг. Опираясь на результаты выборов депутатов Государственной Думы РФ в регионах Юго-Западной Сибири, автор показывает рациональность электоральных предпочтений избирателей и обосновывает тезис об ограниченной возможности новелл партийного законодательства повлиять на конфигурацию электорального пространства на современной этапе.

Ключевые слова:

выборы, электоральное пространство, электоральные предпочтения, политические партии, регионы Юго-Западной Сибири

Abstract:

The dynamics of the electoral environment in Russia between 1990 and 2000 is analysed in the article. The author discusses the results of the elections for the Russian State Duma in the regions of South-West Siberia and considers the electoral preferences of the electors to be rational. The author believes that the amendments to the law on political parties in the Russian Federation restrict the possibility of having an effect on the configuration of the electoral environment nowadays.

Key words:

elections, electoral environment, electoral preferences, political parties, regions of South-West Siberia

Динамика избирательного законодательства и тренды российского политического процесса последних лет превратили по-

---

* Статья подготовлена в рамках Федерального государственного задания Минобрнауки (проект №6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

литические партии в основного субъекта избирательных кампаний, что связано как с их предпочтениями при регистрации кандидатов, так и введением пропорциональной или смешанной избирательных систем на выборах всех уровней. А потому новеллы закона о политических партиях неизбежно ставят вопрос о будущей конфигурации электорального пространства и перспективах новых партий в процессе формирования органов власти.

Данная статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы, обращаясь к трендам энтропии электоральных предпочтений жителей регионов Юго-Западной Сибири в 1990–2000-е гг.

Если следовать логике, то увеличение числа партий и облегчение условий их участия в избирательном процессе должны усложнить конфигурацию электорального поля и усилить межпартийную конкуренцию в периоды избирательных кампаний. Уже то, что на 1 мая 2012 г. документы на регистрацию подало свыше 140 партий, дает многим аналитикам основание сравнивать будущую ситуацию с 1990-ми гг., когда правом на участие в выборах обладали от 250 до 150 политических организаций.

Однако даже в этот период российские избиратели демонстрировали высокую рациональность голосования. Вполне в соответствии с основными тезисами теории рационального выбора [19] значительная часть из них отдавала предпочтение партиям, которые имели реальные шансы преодолеть заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, стремясь вложить свой голос в «проходной» или конкурентоспособный товар. Тем самым они более или менее осознанно уподоблялись «обычным предпринимателям», сопоставляющим «ожидаемую предельную норму отдачи от таких вложений с доходностью альтернативных инвестиций» [17].

Вторым основанием выбора при этом выступает имеющийся у гражданина объем информации [18, р. 5–7] о партиях, уровень которого зависит от степени присутствия партий в информационном пространстве, в свою очередь детерминированный их статусом в политическом процессе и контролируемые ресурсами. Иными словами, полноценные и эффективные информационные кампании могут проводить только «инвестиционно привлекатель-

ные» партии, что в современных условиях определяется их способностью или неспособностью стать каналами представительства интересов бизнеса и других групп интересов.

Это наглядно подтвердили данные опроса Центра политического анализа и технологий Алтайского государственного университета, проведенного в ноябре 2007 г.* Лучше всего избиратели края знали и правильно ассоциировали кандидатов от «Единой России» (57%) и ЛДПР (54%). Далее следовали КПРФ (46%), «Яблоко» (36%), «Справедливая Россия» (19%) и СПС (9%). Меньше всего жителям края были известны кандидаты от АПР (3%) и «Патриотов России» (2%). Из других участников избирательной кампании была названа только «Гражданская сила» (0,1%).

Именно вышеуказанными факторами рациональности и информативности, на наш взгляд, объяснялась высокая концентрация электоральных предпочтений избирателей отдельных регионов и страны в целом даже в условиях крайнего плюрализма 1990-х гг., о чем наглядно свидетельствует электоральная статистика регионов Юго-Западной Сибири.

В частности, на выборах депутатов Госдумы 1993 г. доля голосов, поданных за списки партий, преодолевших в регионах пятипроцентный барьер, в сумме составила 95,45% в Кемеровской области, 90,7% – в Новосибирской области и 85,87% в Алтайском крае (федеральный показатель – 87%). Мелкие же избирательные объединения, не имевшие внятной позиции (например, блоки «Гражданский союз», «Будущее России – Новые Имена», движение «Достоинство и милосердие» и др.) как в целом по стране, так и на уровне отдельных регионов получили менее 2% голосов избирателей [11].

Конечно, выборы 1993 г. нельзя признать полностью репрезентативными, т.к. из-за чрезвычайных условий проведения данной избирательной кампании из 35 выдвинутых федеральных списков было зарегистрировано только 13. Кроме того, большин-

---

* Опрос был проведен 9-11 ноября 2007 г. . Опрошены 1000 жителей Алтайского края. Из них 500 жителей городов края (Барнаул, Бийск, Рубцовск), 500 человек проживает в Романовском, Славгородском, Тальменском, Первомайском, Краснощековском, Смоленском районах. Опрос проведен методом территориальной многоступенчатой выборки.

ство протопартий еще не имело своих региональных отделений, не вело какой-либо агитационно-пропагандистской работы и вообще было слабо известно избирателям.

С другой стороны, данная кампания носила неструктурированный характер – ее отличал высокий уровень политизации населения, которое как по советской инерции, так и в силу переломности момента приняло участие в выборах, при голосовании ориентируясь на названия партий и/или имиджи их лидеров. Так, активность электората во всех регионах Юго-Западной Сибири оказалась примерно одинаковой и составила 54% от числа зарегистрированных избирателей в Алтайском крае, 52% – в Кемеровской, 50% – в Новосибирской области.

На этом фоне избирательная кампания 1995 г. уже проходила в условиях крайне многопартийного электорального поля: по состоянию на 17 июня 1995 г. правом участия в выборах депутатов Государственной Думы РФ обладали 258 общественных объединений и 15 профессиональных союзов. Списки выдвинули 40 избирательных объединений и 29 избирательных блоков (включавших 71 избирательное объединение). Документы на регистрацию представили 27 избирательных объединений и 24 избирательных блока. По результатам проверки ЦИК РФ зарегистрировала 43 федеральных списка кандидатов, 25 из них выдвинули избирательные объединения и 18 – избирательные блоки [4, с. 47].

Столь большое количество партий, принявших участие в выборах, можно объяснить взаимодействием механического и психологического эффектов предыдущих выборов. Небольшой процент «потерянных» голосов и относительная пропорциональность распределения мест по итогам выборов 1993 г. породили миф о том, что малые партии имеют шанс преодолеть 5%-ный барьер [7, с. 157]. Это привело к сильной конкуренции по всему политическому спектру, изначально делая для большинства невозможным решение задачи по преодолению пятипроцентного отсекающего барьера, снижая уровень поддержки победивших партий, но не приводя в конечном итоге к делигитимации федеральной легислатуры.

Как следствие, в Алтайском крае и Кемеровской области по результатам выборов заградительный барьер преодолели только три избирательных объединения, в сумме набравшие соответственно 53,95% (КПРФ, ЛДПР, Аграрная партия России) и 67,7% голосов избирателей (КПРФ, ЛДПР, Партия самоуправления трудящихся), принявших участие в голосовании, при явке 67,16% и 61,32%. В Новосибирской области из-за большей соревновательности политического пространства и идеологического плюрализма число партий-победителей равнялось пяти (КПРФ, ЛДПР, «Наш дом – Россия», «Яблоко» и АПР). Их суммарный результат составил 56,87% при явке 67,25% [12].

Также достаточно близко к отсекающему барьеру во всех регионах Юго-Западной Сибири подошло движение «Женщины России» (4,48% в Алтайском крае, 3,5% в Кемеровской области и 4,6% в Новосибирской области). В отдельных регионах в эту группу также входили НДР, ПСТ, «Яблоко», блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» и социал-патриотическое движение «Держава».

В число же партий, движений и блоков – аутсайдеров кампании, набравших менее 2% голосов избирателей, повсеместно вошли Общественно-политическое движение, «Власть – народу!», «Конгресс русских общин», Экологическая партия «КЕДР», «Профсоюзы и промышленники России – Союз Труда» и еще 26 объединений и блоков [12], как правило, образованных накануне выборов и/или не имевших внятных программ и идеологий, а использовавших только популистские названия (Партия любителей пива, Союз работников ЖКХ и др.).

В целом, выборы 1995 г. продемонстрировали стабилизацию электоральных предпочтений избирателей на федеральном и региональном уровнях. Несмотря на значительное число участников, круг наиболее заметных и эффективных партийных акторов остался прежним.

Возвращаясь к современным партийно-избирательным новациям, необходимо констатировать, что сегодняшняя ситуация существенно отличается от середины 1990-х гг. Электоральный рынок во-многом сложился. Основные игроки обладают развиты-

ми организационными структурами, ресурсами, известностью, своим электоратом, связаны с элитными группами и группами интересов, присутствуют в органах власти, что позволяет им влиять на выработку «правил игры». А потому новые партии уже на старте оказываются в неравных условиях, встраиваются в дифференцированную партийную систему, что не может не сказаться на их электоральной эффективности.

В связи с этим в качестве аналоговой модели будущих региональных выборов (т.к. федеральные уже прошли) может рассматриваться избирательная кампания 1999 г., правом участия в которой обладали 139 общероссийских политических общественных объединений. Списки выдвинули 26 избирательных объединений и 10 избирательных блоков (последние включали 28 избирательных объединений), но прошли регистрацию и участвовали в выборах 26 федеральных списков (16 избирательных объединений и 10 избирательных блоков) [5, с. 46, 57].

Как и в предыдущие электоральные циклы, результаты голосования показали значительную концентрацию электоральных предпочтений. В Кемеровской области 4 партии, преодолевшие заградительные барьер, набрали в сумме 75,72% голосов избирателей. В Новосибирской области число эффективных избирательных объединений равнялось 6 с общим итогом 80,71%. В Алтайском крае больше 5% получили 5 избирательных объединений, набравших в сумме 79,72%. Отсекающий барьер во всех регионах смогли преодолеть четыре избирательных объединения и блоков (КПРФ, «Медведь», «Блок Жириновского» и СПС), «Яблоку» не удалось это только в Кузбассе.

По сравнению с выборами 1995 г. повысилась рациональность электоральных предпочтений избирателей. Как следствие, 17 из 26 избира-тельных объединений и блоков набрали менее 1% голосов, шесть из которых («Духовное наследие», «Социал-демократы», «Всероссийская политическая партия народа», «Социалистическая партия России», «Консервативное движение России» и «Русская социалистическая партия») получили менее 0,1% голосов избирателей [5, с. 143, 151, 156].

Существенное влияние на результаты выборов 1999 г. оказал успешный объединительный процесс на правом фланге, где либеральные и правоцентристские партии и движения сумели сформировать избирательный блок «Союз правых сил» (формально блок образовали четыре избирательных объединения: партия «Демократический выбор России», движения «Новая сила» и «Россия молодая» и Общероссийская общественная политическая организация «Юристы за права и достойную жизнь человека»). Список кандидатов СПС традиционно получил наибольший показатель в Новосибирской области – 9,52%, но и в традиционалистских Кемеровской области и Алтайском крае сумел завоевать 7,69% и 6,79% голосов избирателей, что в среднем было достаточно близко к 8,52% голосов по федеральному округу. Однако существующий запрет на создание избирательных блоков делает маловероятным реализацию похожего сценария.

В целом же можно констатировать, что к концу 1990-х гг. даже в условиях крайнего партийного плюрализма лидерами электоральной конкуренции, оказывавшими постоянное воздействие на формирование и функционирование органов представительной власти, являлись только четыре партии – КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и «партия власти», имевшая различные организационные формы. Представляя различные идеологические направления и опирая на различные слои электората, они наглядно демонстрировали состояние политического сознания общества, расстановку сил и их эволюцию. В частности, итоги голосования отражали рост социальной напряженности в обществе по мере увеличения издержек рыночных реформ. Коммунистическая партия РФ была третьей на выборах 1993 г. (12,4%), пропустив вперед ЛДПР и «Выбор России» и получив 32 депутатских мандата, и первой – в 1995 и 1999 гг. (22,3% и 24,3% соответственно), что позволило ей занять 99 и 67 мест в парламенте. В тоже время позиции «Яблоко» постепенно слабели: с каждым выборами оно теряло 1% голосов избирателей (7,9% – в 1993 г., 6,9% – в 1995, 5,9% – в 1999 г.), сокращая и количество своих депутатских мандатов (20, 31 и 16 мандатов соответственно). Еще более явно во второй половине 1990-х гг. прослеживалось падение рей-

тинга национал – популистских организаций, наиболее крупной из которых являлась ЛДПР. В отличие от других партий-лидеров, ее поддержка и степень влияния на процесс принятия политических решений сокращались все более ощутимо: на каждых выборах почти в два раза (22,9%, 11,2%, 6% голосов избирателей и 59, 50 и 17 мандатов) [5, с. 126, 136–137; 13, с. 75–77].

При этом на данную конфигурацию существенно не повлияли ни трансформация политического режима, ни резкое сокращение числа политических партий в 2000-е гг. В рамках реализуемого моноцентричным режимом В.В. Путина принципа корпоратизма ведущие партии получили «проблемную специализацию», акцентируя свои заявления на той или иной общественной сфере. Так, для «партии власти» наиболее важными являлись проблемы, связанные с отношением к существующему режиму, обеспечением порядка и безопасности и проблемы консолидации государства (например, отношение «центр – регионы»), для ЛДПР – национальный вопрос, для КПРФ и «Справедливой России» – социально-экономические проблемы и отношения между городом и селом [См: 2, с. 112–113].

Изменения происходили только в соотношении сил внутри группы лидеров. Создав в 2000-е годы относительно эффективную и стабильную «партию власти», Кремль постарался обеспечить условия для консервации ее господства, пойдя путем пересмотра законодательства о партиях и выборах. Как верно отмечают С. Черняховский, С. Шпагин, В. Ковалев, В.Я. Гельман и др. [15; 16; 9; 6, с. 137], хотя правящие круги официально декларировали курс на развитие и укрепление политических партий, их реальные действия имели совершенно противоположный эффект. В результате, по справедливой оценке пермского политолога О.Б. Подвинцева российская партийная система, а вместе с ней и электоральное пространство, приобрели форму системы с «господством "партии власти"», основанной на взаимозависимости последней с другими партиями, «постоянно или в ключевые моменты выступающими в качестве марионеток власти, но формально противостоящих ей и обладающих собственным электоратом» [10, с. 12].

Тем самым не только индивидуальные, но и организационные лифты в российской политической системе оказались пере-

крыты. Выборы «полностью выведены из зоны неопределенности» [8, с. 70–73], связанной с демократическими «правилами игры». Их реальная безальтернативность обеспечивается как правовыми нормами, так и манипуляцией общественным мнением через подконтрольные средства массовой информации и умелым использованием господствующих моделей поведения и менталитета населения, готового поддерживать действующую власть из страха перед худшим или пассивной надежды на лучшее.

Кроме того, в последние годы резко расширилась практика массированного использования на выборах «административного ресурса», включающего многообразные рычаги влияния и давления, находящиеся в распоряжении власти. Компрометация неугодных кандидатов с помощью «черного пиара», снятие их с дистанции с помощью «заказных» судебных решений, открытая поддержка угодных представителями власти, нередкая фальсификация итогов голосования – все это и многое другое превращает выборы в заранее predetermined легитимизацию кадрового выбора «верхов» [14, с. 259].

Вместе с тем, новые партии, могут эффективно участвовать в выборах в отдельных регионах, что наглядно демонстрируют, например, выборы депутатов Госсобрания Республики Алтай 2006 г., на которых региональное отделение Российской партии жизни заняло четвертое место, набрав 8,83%. Причина этого заключается в феномене партийного франчайзинга, когда крупные бизнес-группы, кланы или даже региональные власти получают контроль над региональными отделениями более-менее известных политических партий, проводя в региональные legislatures под их брендами своих представителей [1, с. 3].

Таким образом, можно сделать вывод, что появление большого числа партий вряд ли существенно скажется на состоянии федерального электорального поля. Да, сложившаяся в 2000-е гг., пусть и формально, модель массовых партий, ставит новые организации в заведомо неравные условия. Однако российские партии в целом не обладают реальной институциональной ролью в управлении государством, что оставляет их слабым, второстепенным элементом российской политической системы, зависимым

от политики федеральной исполнительной власти, превращает в «электорально-профессиональные» организации, судьба которых определяется характером эволюции российского государства и политической элиты.

Литература

1. Алексей Мазур о выборах в Горном Алтае: местные кланы приватизируют федеральные партии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tayga.info/analit/197/> (13.03.2006)

2. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. 2008. – №2. – С. 105–121.

3. Виноградов М. Единый политдень в российских регионах: первые итоги / М. Виноградов, Е. Лебедева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politcom.ru/article.php?id=2381> (13.03.2006)

4. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1995. Электоральная статистика. – М.: Весь Мир, 1996. – 268 с.

5. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1999. Электоральная статистика. – М.: Весь Мир, 2000. – 296 с.

6. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции от иерархии // Полис. 2008. – №5. – С. 135-152.

7. Голосов Г.В., Яргомская Н.Б. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – С. 152–176.

8. Зудин А.Ю. Режим В.Путина: Контуры новой политической системы. С. 70-73.

9. Ковалев В. Российские партии: когда же придет настоящий день [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17880>

10. Подвинцев О.Б. Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2009. – С. 3-14.

11. Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.jsp.

12. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/gosduma/1995/index.jsp

13. Тимошенко В.И. Выборы в Государственную Думу: опыт, проблемы // Социально-политический журнал. 1996. – №3. – С. 75-77.

14. Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 251–265.

15. Черняховский С. Партийная система России - год кризиса. Итоги-2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.povoro1.ru/materia1_1244.htm1

16. Шпагин С.А. Конструирование партийной системы и выборы в России // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность. СПб., 2005. – С. 210–217.

17. Becker G. Human Capital. – N.Y., 1964. – 169 p.

18. Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. – Chicago, 1976. – 315 p.

19. Downs A. An Economic Theory of Democracy. – N.Y., 1957. – 310 p.

Н.Р. Шукуралиева

N.R. Shukuralieva

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ПРОШЛОГО В
КЫРГЫЗСТАНЕ
(2005-2010 гг.)**

**THE POLITICAL
INTERPRETATION OF
THE PAST
IN KYRGYZSTAN
(2005-2010)**

Аннотация:

Задачей нашей статьи было освещение процесса трансформирования президентом К. Бакиевым и его семьей относительно эгалитарного прошлого кыргызов в сильно иерархизованное. Мифический героизм клана проявлялся во все времена: предкоммунистические, коммунистические, в период независимости и мартовских событий. Важно было также ответить на вопрос, каким образом механизмы коммеморации «тюльпановой революции» или момента прихода Бакиевых к власти содействовали узакониванию их правления. В статье описаны главные характерные черты, свойственные высказываниям главы государства, членов его семьи, а также идеологов режима.

Ключевые слова:

Кыргызстан, Центральная Азия, Бакиев

Abstract:

The rise and fall of Kurmanbek Bakiyev, the second president in Kyrgyzstan's history, was inextricably linked with revolution. During his tumultuous five-year rule, the myth, idea and methods of the Tulip revolution of 2005 were instrumental in his maintaining the status quo in which he and his large family maintained power. To the new regime, the symbolic dimension of the revolution was one of its fundamental pillars; new monuments, street names, books and articles, conferences, movies and public staging of historical events were used for its legitimization. These symbolic politics were emphasized by the initiative of the President to establish 24th March as the national holiday and the subsequent organization of various national ceremonies.

Key words:

Kyrgyzstan, Central Asia, Bakiyev

Прошлое и настоящее Кыргызстана (2005-2010 гг.).

В течение своего пятилетнего правления семья Бакиевых, являясь одновременно продуктом и сценаристом слияния формальных и неформальных измерений власти, систематически нарушала систему разделения государственной власти на три ветви. Члены семьи Бакиевых были главным центром, или своего рода решающей силой в

правлении страной. Подобно удельным князьям, в целях усиления своей доминирующей позиции, систематически реинтерпретировали прошлое. Разглядывая в прошлом генезис своего благородного происхождения, упрочивали нужную позицию для того, чтобы определять формы будущего. Значительное внимание они уделяли также тюльпановой революции, интерпретируя ее причины в свою пользу. Приход к власти К. Бакиева вместе с многочисленным семейством был рассмотрен как установление нового переломного момента в новейшей истории Кыргызстана. Официальная историография описывала это событие как народную революцию, которая возникла в ответ на корумпированную, авторитарную власть [19, с. 20].

Этот миф предполагал наличие собственных героев. Такую роль должны были играть по понятным причинам Бакиевы. Были возведены новые памятники, переименовывались улицы, издавались книги и статьи, организовывались научные конференции, снимались фильмы, создавались театрализованные представления. Все это проводилось, чтобы закрепить требуемое общественное сознание и предать забвению то, что было нефункционально для властей. Одним из последних действий президента К. Бакиева по коммеморации (commemoration) тюльпановой революции была подготовка проекта Закона об амнистии в отношении лиц, которые активно участвовали в мартовской революции 2005 г. и совершили преступления преднамеренно, за исключением тяжких преступлений [24]. Закон не успел однако вступить в силу. После двух недель шумных юбилейных торжеств президент был свергнут в 2010 г. в результате очередных драматических событий, названных апрельской революцией.

В настоящей работе проанализированы выступления, интервью, комментарии, публикации клана Бакиевых и их идеологов в период с 2005 по 2010 гг. Эмпирический материал проанализирован в качестве элементов, создающих официальную память. Вопросы, связанные с попыткой конструирования прошлого и официальной памяти о революции 2005 г., касались ряда пунктов: Какие отношения были между семейным правлением и ревизией прошлого? Какие мотивы в ознаменовании до и после революционного времени были общими для Бакиевых? Какое повествование выстраивала семья о самой себе и пером своих идеологов? Занимал ли К. Бакиев как глава государ-

ства отличающуюся позицию? Каким способом он интерпретировал мартовские события?

Власть семьи и восхваление прошлого

Семья Бакиевых имела привилегированную позицию в конструировании и дистрибуции памяти о прошлом. Она занимала высокие государственные должности, доминируя также в сфере неформальных структур. Достаточно многочисленная, даже по кыргызским параметрам, состояла она из шести братьев президента. Жусупбек (1951 г.р.) являлся заместителем директора Агентства развития и инвестирования сообществ (АРИС). Каныбек (1956 г.р.) был главой сельского правления Ырыс и сельскохозяйственного хозяйства «Тейит». Брата Жаныбека (1958 г.р.) президент повысил до звания генерал-лейтенанта. Он был главой Службы государственной охраны, на практике осуществлял контроль над всеми силовыми ведомствами в стране. Акматбек (1960 г.р.) - директор фирмы «Салы-Ата» (в перев. «Отец Салы»), был известен как теневой губернатор Джалал-Абадской области. Бытовало мнение о его беспредельной власти «контролировать все и всех» [18]. Адылбек (1961 г.р.) был советником министра иностранных дел и председателем Национальной федерации карате-до. Младший из братьев Маратбек (1963 г.р.) сразу после смены власти стал послом Кыргызстана в Германии.

К управляющему клану относились также взрослые сыновья президента от официального брака с русской по национальности Татьяной Бакиевой* (в девичестве Петровой) [22]. Марат являлся помощником Председателя Комитета национальной безопасности. Расширяя свое влияние во всех силовых ведомствах, воздействовал на ограничение силы и значения своего дяди. Расширение паутины семейной системы во всех государственных структурах сопровождалось укреплением политико-экономического могущества младшего

---

* Президент имел детей также от других связей, однако установление их влияния на текущую политику является вопросом чрезвычайно трудным, учитывая скрытный характер таких действий. Последний брак К. Бакиева, от которого он имел двоих несовершеннолетних детей, стал официально обнаруженным только после апрельских событий 2010 г. Оказывая поддержку свергнутому президенту Кыргызстана, факты предательства гласности президент Беларуси Александр Лукашенко.

сына президента – Максима. Тридцатидвухлетний Максим имел, однако, более амбициозные планы, чем увеличение своего имущества. Он руководил Центральным агентством по развитию, инвестициям и инновациям (ЦАРИИ), которое контролировало потоки финансовых средств в страну из-за рубежа. Создав самостоятельный кабинет, достаточно быстро стал де-факто вторым человеком в государстве. Более того, он позиционировал себя как наследника, который будет управлять страной в будущем. Осуществлению такого видения содействовали витающие во властном лагере мнения об изменении ст. 52 Конституции КР, в которой определялись механизмы перехода полномочий президента*.

На вершине этой иерархии стоял президент. Его позиция в политической системе, как и целого клана, нарушала основы разделения власти на три ветви. Он возвышался над парламентом, правительством и судебной властью. Централизация власти, обширные полномочия, связанные с отсутствием институциональной ответственности делали из него главный субъект, ответственный за коммероцию. Президентские декреты, интервью, выступления, речи и публикации выражали направления действий других, шире воздействующих каналов сообщений (имеем в виду формальные и неформальные институты передачи и распространения, напр. информации, сплетен, ценностей, мыслей). Были они «как компас, указывающий дорогу» служащим, реализующим проектируемые идеи [10, с. 9]. Содержание передач, однако, было полным противоречий. В описании тюльпановой революции и предшествующих им событий Бакиевы выражали различные мнения и поддерживали разные позиции. Они опирались на дихотомию демократических и авторитарных цен-

---

* Согласно 52 ст. Конституции КР, при невозможности осуществления президентом своих полномочий, его полномочия до избрания нового президента исполнял торага Жогорку Кенеша. В случае невозможности исполнения полномочий президента торага Жогорку Кенеша полномочия президента исполнял премьер-министр. Однако после введения планируемых изменений полномочия президента переходили бы к Максиму Бакиеву. О политических решениях, имеющих целью подготовку почвы для передачи власти сыну в ходе правления К. Бакиева (что напоминало бы случай с Азербайджаном), говорили в основном оппозиционные СМИ и политики. Однако вскоре после отхода от должности К. Бакиев неоднократно подтверждал этот тезис. См., напр.: *Бакиев К.* Я сегодня не вмешиваюсь ни прямо, ни косвенно во все то, что происходит в Кыргызстане // РИА Новости. 2010. 24 мая.

ностей. Как глава государства Бакиев позиционировал свою политику как новое демократическое начало и как продолжение авторитарного прошлого.

В отличие от президента, семья занимала однозначную позицию. Пропагандированная ею версия дискурса не зависела от текущих ожиданий международных и отечественных факторов. В закреплении действительности настоящего и преобразовании прошлого они пользовались большой свободой. По этой причине не было напряжения между демократической и авторитарной версиями дискурса, характерного для высказываний К. Бакиева. Родственники чрезмерно использовали авторитарную аргументацию, не смущаясь, делая себя героями, переименовывая улицы или даже устанавливая памятники. Их дискурс был полностью лишён демократического компонента. Согласно этой линии, давались интервью, писались статьи, книги и ставились фильмы. Посредством ряда семейных фондов они также финансировали разнообразные культурные мероприятия, которые должны были формировать образ щедрых филантропов (напр.: спонсирование спортсменов, поддержка одаренных студентов или музыкантов). Все это должно было подтверждать правительственную политику и одновременно доминирующую позицию Бакиевых. Таким способом конструируемый дискурс был использован в т.ч. и государственными служащими, проправительственными журналистами и политиками. С одной стороны, это укрепляло усилия президента, интенсифицирующие легитимизирующую деятельность. Зато, с другой стороны, вводился элемент семейного плюрализма, который имел значение для интерпретации как давних времен, так и мартовских событий. Распределение власти между братьями и сыновьями, а, кроме того, более сложная, усиливающаяся определенными политическими интересами система представлений будущего, только частично соответствовала версии, которую создавал президент. Таким образом, семейный плюрализм находил своё отражение в плюрализме толкования истории современного Кыргызстана.

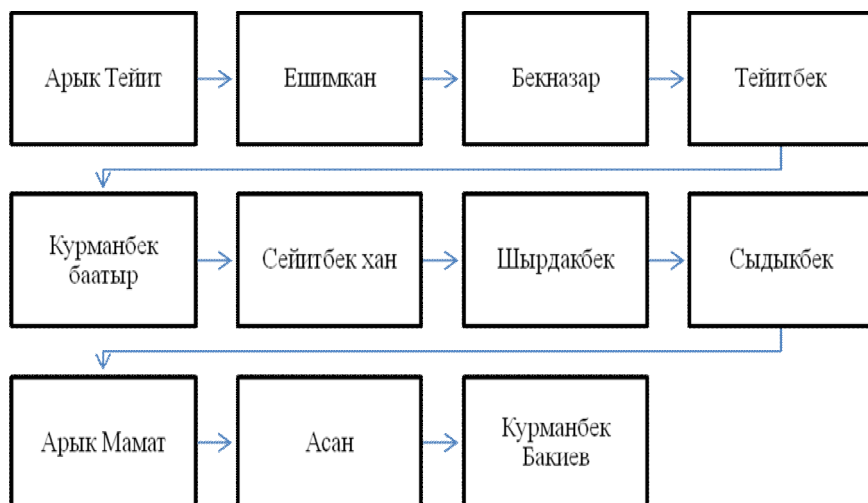
Несмотря на вышеуказанный внутренний конфликт (амбивалентный дискурс К. Бакиева и авторитарный дискурс родственников), в передачах существовала, однако, уверенная доминирующая нота. Выражалась она, к примеру, в книгах Жумакана Сариева «Ата

Журт алдындагы парз. Мезгил арымдары... Президент Курманбек Бакиев» (кырг.: Долг перед отечеством. Пути развития... Президент Курманбек Бакиев) [25], Сабыржана Жолдошева, Сапарбека Токоева «Потомки Тейитхана» [17] и «Сузак району: мезгил жана инсандар» (кырг.: Сузакский район: время и личности) [26], которые агиографически рассказывали об истории семьи Бакиевых. В реинтерпретации прошлого, производимой в указанных работах, большую роль сыграла формализация неотрайбализма и регионализма. Согласно ей, кыргызский народ рассматривался не как единая целостность, а как сфрагментированная общность. Предкоммунистические времена описывались с перспективы родо-племенного деления. Что интересно, относительно эгалитарная общественная структура идеологами режима преобразовывалась в вертикально иерархичное создание. Благодаря чему, на ее вершине выносилась племя Тейит, от которого происходила президентская семья. Для усиления этого утверждения предполагались дальнейшие исследования [См., напр.: 17, с. 25]. По Курбанали Азимову, Тейит, находясь в племенной группе Ичкилик, был не только одним из «наиважнейших племен» [25, с. 22], он также был «фундаментом возникновения кыргызского народа» [25, с. 22]. Кроме того, исторические материалы якобы, свидетельствовали о том, что от Тейит брали свое происхождение аж одиннадцать ханов. Согласно этому расчету, последним предводителем, то есть одиннадцатым ханом был сам президент Курманбек Бакиев (*sic!*) [25, с. 23]. Вдобавок, предком главы государства оказывался (одноименный) эпический *баатыр* (кырг.: богатырь) XVI-XVII вв. Курманбек, который героически боролся за свободу и независимость кыргызов. Вышеуказанные аргументы сопровождалась усилением функционирующего в общественном обиходе термина «ажо» (кырг.: «повелитель», «предводитель страны»), употребляемым для неформального обозначения президента*. Этот термин достаточно быстро был принят СМИ, пользовались им также политики, интеллигенция, обычные люди и даже оппоненты системы.

---

* Термин «ажо» в СМИ иногда был использован как кыргызский эквивалент слова президент.

Рисунок 1
Список кыргызских ханов, происходящих от племени Тейит
(по Курбанали Азимову)

Подобной реконструкции поддавались также и советские времена. Там не было речи о классовой борьбе, отсутствовали упоминания о репрессиях. Эгалитарная идея коммунизма и тут была заменена иерархией. Выделяла она из всей республики Джалал-Абадскую область, из нее Сузакский район, далее дальнюю родню, потом ближнюю. Отец президента Салы – сотрудник НКВД, позже КГБ, который «очень строго держал сотрудников службы безопасности» [28, с. 17] был возведен до звания героя. Также он был лидером длинного списка известных личностей, которые происходили из президентской родо-племенной группы или региона. Все преданно работали и боролись во славу Родины*. Вообще, коммунистические времена вспоминаются как период социальной безопасности и благосостояния. Ситуация в стране близко связана с позицией Бакиевых, потому что они в то время

* Источник: Собственная разработка на основе докуменальной повести Ж. Сариева, указ. соч. С. 19-24.

* Напр.: Именем Абдывасита Бакиева (дяди президента) и Салы Бакиева (отца) были названы улицы. Предоставлялась стипендия за достижения в науке имени Гульнары Бакиевой (племянницы).

якобы занимали центральное место и руководящие посты [29, с. 8]. Этот механизм восхваления был многократно эксплуатирован за счет результативности и эффективности.

Указанные механизмы были использованы также для легитимизирующей репрезентации Бакиевых в период независимости. Этот период имел важное значение для повествования, т.к. в то время произошла революция, образ которой был главной составляющей президентского дискурса. Мартовская революция как предшествующий период имела ключевое значение не только для объяснения смены власти акаевской на бакиевскую, но также для легализации режима в целом. Президентство А. Акаева демонизировалось, чтобы можно было оправдать его неожиданное свержение. Тюльпановая революция должна была определить новое начало истории. Таким вот способом настоящее и интересы людей, которые управляли действительностью, оказывали огромное влияние на формирование исторического прошлого. Прошлое в свою очередь становилось неотъемлемой частью настоящего и воздействовало на современность с немалой силой [3, с. 71-72, 78].

Рисунок 2
Родо-племенная иерархия (по Курбанали Азимову)*

Стремления семьи Бакиевых к самолегитимизации

Мартовские события, в результате которых Бакиев пришел к власти, требовали хотя бы слабого идеологического обоснования. В условиях продолжительной девальвации формально-правовых институтов значение легализации власти было решающим. Хотя на институциональном уровне новая власть не хотела нарушать непрерывности, в символическом пространстве риторика обновления и нового начала играла существенную роль. Память о революции обязывала выполнять роль познавательного, эмоционального, нормативного, законного, морального и институционального обоснования властных притязаний Бакиевых. Однако то, что произошло на самом деле в 2005 г., не имело значения. Отсутствие явле-

---

* Источник: Собственная разработка на основе книги Ж. Сариева, указ. соч. С. 19-24; С.Н. Жолдошев, С.И. Токоев, указ. соч. С. 137.

Племя Тейит состояло из двенадцати родов: Арык Тейит, Кара Тейит, Сары Тейит, Бай Тейит, Токум Тейит, Уйгур Тейит, Чал Тейит, Жаман Тейит, Чапан Тейит, Кочкор Тейит, Чыгырчак Тейит, Айтемир Тейит.

ний, которые можно было бы считать революцией, не препятствовало в коммеморации прошлого как революционного. В политическом пространстве особенно важно то, как использовать память. В этом значении прошлое, прежде всего, является творением настоящего [9, с. 92, 105].

Мартовская революция предполагала возникновение среди кыргызов новых героев. Как многократно указывалось, что на эту роль претендовали Бакиевы. Их образ в качестве героев становился отчетливей вместе с нейтрализацией оппозиции и ограничением плюрализма. Механизм героизации можно отчетливо увидеть в книге Омурбека Толобекова *«Революцияга арналган өмүр же биртууган Бакиевдер»* (кырг.: Жизнь, посвященная революции, или Братья Бакиевы) [28, с. 8, 12]. Обширные архивные снимки переплетались в ней с почти мифологическо-эпическим повествованием о героизме членов семьи.

Отобранным ядром памяти о революции стал брат президента Жусупбек Бакиев, который через год после мартовских событий ушел из жизни по причине болезни сердца. Достаточно отчетливо эту мысль выражает надпись на его надгробии, которая показывает его как человека, который «народу посвятил свое сердце, за Отчизну отдал свою жизнь» [23]. Эта формулировка последовательно повторялась как в общественной, так и в частной сферах. Таким образом, для широкого круга адресатов Жусупбек представлял «одним из организаторов и предводителем народного выступления против несправедливости предыдущей власти» [15]. Эти усилия хорошо показывают механизм персонализации революционных событий, когда одно лицо (связанное всегда с семьей Бакиевых) воплощало в себе волю и усилие всего коллектива, стоящего за событиями. Связь между смертью брата и памятью о революции построена через обращение к традиционному в Кыргызстане культу предков и усопших [4, с. 72]. В его честь названа школа, парк, улица, сооружен памятник и открыт музей. Был основан также фонд им. Жусупбека Бакиева, создателем и председателем которого был влиятельный брат президента – Жаныбек.

Сакрализация Жусупбека была ключевым аргументационным приемом, работающим для управляющей семьи. Усилия подкрепи-

ло также обозначение 24 марта национальным праздником, выходным днем по инициативе президента и организация связанных с этой датой разнообразных торжеств. Приватизируя праздник, семья обозначала тех, менее значимых чем они, героев революции. Праздничные обряды, в ходе которых проводились выступления местных властей, певцов, танцовщиков, артистов, показ спортивных состязаний, преобразовывались в почести, оказываемые героизму управляющего клана. «В результате преобразований снова появилась надежда на власть, которая теперь начала служить народу», - утверждал губернатор Баткенской области Айтибай Тагаев за две недели до свержения власти [27].

Героизированная передача празднеств была частью широких приемов повествования, которые предоставляли образцы репрезентации Бакиевых. Часть книг, используемых таким способом в построении повествования, была собственного авторства. Например в книге *«Мартовская революция: исторический выбор народа»* президент посвятил особое внимание близкому себе кругу [12]. Это повествование, дополняя созданный семьей дискурс, позиционировало собственную семью под взглядом критики противоположных полюсов с семьей А. Акаева. «Узурпация власти одним человеком, одной семьей и их окружением, которое ставило свои корыстные цели выше судьбы народа и страны, привела в конечном итоге к мартовским событиям 2005 года. Это тяжелый урок для всех нас», - утверждал К. Бакиев в 2005 г. [13] Решительная критика nepотизма своих предшественников вела к четырем способам репрезентации собственной семьи.

Во-первых, самопрезентация посредством личных качеств. Бакиевы от родителей до внуков накапливали положительные личные качества. В формировании их образа щедро использовались кыргызские эпические традиции, представления из народного фольклора. Обращаясь к прошлому, они, однако, были героями сегодняшних времен. Намеревались будто бы продолжить деятельность известнейших личностей кыргызской истории. Представляли себя великими и благородными, ни в чем не уступающими таким деятелям. Преподносили себя искренними, честными, хорошими, благодушными, трудолюбивыми, «жили на одну зара-

ботную плату*» [28, с. 6] и сожалели о тяжёлой участи страны и ее граждан [11].

Во-вторых, самопрезентация посредством действий. Они были представлены как герои революции, которые не могли смотреть с безразличием на вопиющую несправедливость и всегда давали отпор авторитарному режиму. «И то, что многотысячные митинги прошли без серьезных эксцессов, – большая заслуга Жусупа Бакиева» [12, с. 63]. Многочисленная семья была представлена как хорошо организованный, самостоятельный институт, который, наряду с Народным движением Кыргызстана (НДК), был мотором общественных протестов против коррумпированной власти.

В-третьих, самопрезентация посредством представления себя в роли жертвы. Бакиевы были также представлены как жертвы или даже мученики революции. Отдельные члены семьи, а также семья в целом были подробно описаны. Описывали чаще обширные истории преследований: «[...] вся наша семья стала подвергаться массированному давлению со стороны власти» [12, с. 61]. «Видя вопиющую безнаказанность власти, Жаныш Бакиев, естественно, включился в борьбу за справедливость. И опять пострадал» [12, с. 62]. Наибольшее значение имела личность брата Жусупа. Его смерть была кульминационным моментом, свидетельствующим об искренних намерениях по отношению к народу и стране. Она была интерпретирована как жертва, отданная семьей Бакиевых в борьбе за справедливость.

Четвертый способ самопрезентации основывался на установлении особенных, популистских отношений с народом. Замысел был не только в показе, что Бакиевы происходили из народа, но и одновременно в том, что они стояли над народом. Начиная с отца, члены семьи описывали себя как персоны, исполняющие высокие функции еще с советских времен. «Все они, каждый своим путем, прошли большую жизненную школу, имеют руководящий опыт, все востребованы» [14]. Такая характеристика, как и предыдущая, отсылая к прошлому, должна была разрешить вопросы настоящего. Их присутствие на ключевых должностях постреволюционного

---

* Что могло обозначать их трудолюбие, честность и готовность к скромной жизни исключительно на основании официально полученных доходов.

Кыргызстана было оправдано через такие формулировки. Высокие позиции – естественный атрибут членов семьи, всегда определяющий их биографию. Неоправданным должно было быть опасение, касающееся возврата к клановому правлению и узурпации власти. Президент отбивал эти атаки. По его утверждению, в отличие от А. Акаева, его семья «никогда не вмешивается в государственные дела, в кадровые назначения» [11]. Каждый был самостоятельным, не только не нуждался в поддержке президента, но также «никто из них не может влиять на меня [президента – Н.Ш.]» [11]. Другая аргументационная линия заключалась в том, что семейные связи с президентом – недостаточный повод для отказа от профессиональной карьеры. Наоборот, доверенные им высокие должности были будто в целом согласованы с национальными интересами. Личные достоинства членов семьи: честность, добросовестность и профессионализм – гарантировали бы преданную работу в пользу народа и государства.

Героизация и прославление К. Бакиева, а также членов его семьи способствовали появлению определенного представления об общественной структуре, ее значении и роли в свержении несправедливой власти. В таком риторическом представлении общественной стратификации отдельные уровни укладываются иерархически и состоят из индивидуальных и коллективных основ. Из анализа эмпирических материалов следует, что на вершине общественной пирамиды находился президент, его покойный брат, далее вся семья Бакиевых. Сузакский район, Джалал-абадская область и юг Кыргызстана обозначили очередные пласты, измеряемые степенью расстояния от престижа и революционной славы. Таким образом, происхождение господствующей семьи привилегировало южные кланы в отношении всего населения Кыргызстана. Соотношение это с мифом свержения власти южными кыргызами давало право на привилегированную позицию в структурах власти.

Рисунок 3
Официальная иерархия героев революции*

Чем менее государство становилось демократическим, тем больше возрастало значение К. Бакиева и его семьи. Активное присутствие правящего клана и конструируемая ими революционная память предполагала усилить символические основы настоящего, в которой не только президент, но также и его окружение имело бы доступ к ограниченным ресурсам. Интерпретационные усилия узаконили порядок, в котором *de facto* они занимали высшую позицию над Конституцией, над ветвями власти, а иногда даже над чужой частной собственностью (например, через рейдерство). Притеснялась оппозиция и поддерживающая их символическая элита, ограничивалась свобода слова и печати. Одновременно поощрялась поддержка официально создаваемой символической действительности. Таким способом власть устанавливала иерархию важных и неважных деяний, обозначая то, что мы должны помнить, а что предать забвению. Все указанные

---

* Источник: Собственная разработка.

усилия не были простым созданием фасада, который не имел влияния на мышление людей. Следует их воспринимать как целенаправленное усилие, чтобы бакиевская версия событий стала частью разделяемых общественных убеждений, чтобы те, кто в нее поверил, благодаря ее восприятию стали лояльным воображаемым сообществом [1, с. 155-162; 7, с. 54-58].

Репрезентация революции в дискурсе К. Бакиева

В течение своего пятилетнего правления революционная тематика или, шире, обращение к мартовским событиям, были постоянным элементом в выступлениях, интервью, комментариях и публикациях К. Бакиева. Несмотря на это, не выработано логически последовательной идеологии и единой позиции в отношении к революции. Единственным когерентным и доработанным видением была книга К. Бакиева, написанная в 2010 г., *«Мартовская революция: исторический выбор народа»*. Отмежевываясь от прежних установленных тезисов, автор формулировал полностью новый взгляд на революцию, народ и государство. Изданная на 5-летие революции книга подразумевала начало новой формы коммеморации революции, при ее посредстве – новых механизмов осуществления власти. Текст должен был стать стержнем идеологии власти, которая однозначно отвечала бы авторитарной системе. Рассматривалась бы она как «своего рода учебное пособие для высокопоставленных политиков, которые не на словах, а на деле стремятся обеспечить достойное будущее» [12, с. 8]. На юбилей революции книга раздавалась с именным автографом президента участникам «Ынтымак Курултайы» и избранным представителям трех ветвей власти. Однако идея единой позиции не прожила даже месяца. Адресаты, очевидно, не успели прочитать разработку, так как режим рухнул уже в апреле 2010 г.

Независимо от вышеуказанного, коммеморация революции в публичных высказываниях президента не должна рассматриваться как долговременная и запланированная политика. Созданная для легитимизации власти Бакиевых, она была скорее частью стратегии неустанных маневров в нестабильной среде, была составной частью стратегии кратковременной реакции на измене-

ния как внутри страны, так и в международной среде [6, с. 26]. Непрерывное приспособление к противоречивым ожиданиям окружения при желании сохранения статус-кво рождало противоречивое содержание в формируемой президентом памяти о революции. В ней можно выделить два сплетающихся между собой повествования: демократическое и авторитарное. В реакции на текущую ситуацию они использовались поочередно в зависимости от внешних факторов. Применялись они также одновременно, когда амбивалентность передачи могла способствовать самолегитимизации.

Генезис диссонанса демократическо-авторитарной формы легитимизации правящей семьи лежал в неоднозначности мартовских событий. За дискредитацией режима, приходом к власти новой группы не наступили революционные изменения политических институтов, общественной структуры, а также деятельности и политики правительства. Однако, кроме официального признания формально-правовой преемственности власти, мартовские события коренным образом изменили ментальность и поведение членов общества. Вытекало это из гражданской мобилизации, выражающейся в активном или пассивном участии преобладающего большинства в протестах против режима А. Акаева. Люди из районов, традиционно считающиеся проправительственными, за счет которых обычно власть получала высокий процент голосов во время выборов и референдумов, вышли на улицы. Погруженные в пассивность и апатию группы начали организовываться и становиться на борьбу. Власть была свергнута. Это достижение было предметом исключительного эмоционального состояния [2, с. 34; 5, с. 6-10; 8, с. 28, 39].

Революция, воспринятая не только с энтузиазмом и надеждой, но также со страхом и неуверенностью, была для большинства непосредственным и личным опытом, свежесохраненным в воспоминаниях. Период живой памяти этих событий совпадал со временем президентства К. Бакиева. Существование живой памяти делало для властей невозможной полную канонизацию мартовских событий, удерживало также от вычёркивания из образа прошлого её демократических элементов. Напротив, обращаясь к

свободе, суверенитету народа и возрождённому государству, власть конкурировала с живой памятью. С одной стороны, пробовала произвести в ней преобразования, с другой – влиться в её форму так, чтобы трудно было различить, что является общественным, что политически конструированным. Кроме того, власть пыталась получить гегемонию в применении демократической риторики и сделать из нее один из легитимизационных фундаментов.

Память о революции, формируемая К. Бакиевым, в своей демократической версии не представляла, однако, рафинированной концепции со сложной и логически последовательной конструкцией мышления. Не выходила она и за область риторических клише. Президенту, скорее, были ближе аналитические инструменты популярных представлений о демократии, характерные для популистической формы политики. Таким образом, он подчеркивал суверенность и осуществление воли народа. Революция должна была быть уникальным моментом истории, когда власть была бы возвращена народу. Значение набирали, таким образом, вопросы начала и миф общественного договора [2; 8, с. 30-31]. Этот миф, экспонируя увлечение кыргызов свободой, рассказывал историю об этом, как испокон веков, переживая моменты взлёта и падения, настойчиво боролись они против агрессоров и тирании. Культивированная столетиями идея государственности и свободы была осуществлена, когда суверенный народ установил собственное государство. Вышеуказанный учредительный миф демократического Кыргызстана был раньше постоянным элементом риторики А. Акаева. После частичной корректуры (переноса переломного момента на тюльпановую революцию), он появился также в революционном дискурсе К. Бакиева. За переломный момент, время обновления и начала, были признаны мартовские события и приход к власти К. Бакиева. В пределах этой интерпретации народ обретал потерянную власть и свободу, а задачей президента было служить народу. Более того, дискурс утверждал за народом право сопротивления. В случае узурпации власти но-

выми руководителями суверенитет мог восстать вновь и восстановить её легальность [16, с. 9; 21, с. 9]*.

Память о революции, формируемая К. Бакиевым, имела, однако, также иное обличье. В своей авторитарной версии революция не была борьбой за свободу и освобождение, не возвращала прежних прав и свобод и не ставила вопроса начала. В авторитарном повествовании образа прошлого причины гражданского протеста виделись не столько в политическом сопротивлении перед гнётом, сколько в недостатке осуществления основных социальных потребностей. Ключевым вопросом был не столько перенос источника права от президента к Конституции, сколько разрешение общественных вопросов, как, напр. ликвидация безработицы, гарантированность экономического роста или строительство дорог. Более того, революция, репрезентированная как превозможание, страх и неуверенность аннулировала мотивы, которые говорили о «победе суверенного народа» [2; 8, с. 69-113]. Народ был брошен, когда появляется на арене новый патер (от лат.: отец) К. Бакиев. Его задачей была забота об осиротевшем народе. Такая конструкция воспоминаний облегчала легитимизацию авторитарной модели власти, обеспечивала также признание легальности политических структур и законодательства прежнего строя.

Целью статьи было освещение вопроса о том, как президент Курманбек Бакиев и его семья видоизменяли относительно эгалитарное прошлое и создавали сильно иерархизованное. Предкоммунистические, коммунистические времена, период независимо-

---

* Легитимизационные элементы акаевского режима были использованы также новой властью. Отчетливо показывает это утверждение министра экономического развития и торговли КР Акылбека Жапарова в 2009 г. Репродуцируя позицию К. Бакиева в интервью для газеты «Кыргыз туусу», он утверждал: «Из народной революции мы должны извлечь политическую науку. Она определила, что является демократией, какие взгляды и позиции кыргызского народа. Согласно нашей Конституции, народ является источником власти. Власть (Н.Ш.: А. Акаев) забыла об этом, пренебрегая ими не считалась с его нуждами. Если не думать о народе, однажды, невзирая на твою власть, народ выгонит тебя из Кыргызстана. Подытоживая, есть такой урок». Видение суверенного народа было актуальным аж до времен апрельской революции 2010 г., когда на волне общественных протестов президент К. Бакиев был отстранен от поста и покинул Кыргызстан.

сти и мартовские события как одна непрерывность рассказывали о почти мифическом героизме семьи. Важным был также ответ на вопрос, каким путём механизмы коммеморации тюльпановой революции или момента прихода к власти Бакиевых содействовали узакониванию их правления.

Текст указывает на главные характерные предпосылки для общественных высказываний главы государства, членов его семьи, а также идеологов режима, указывает также на напряжения и диссонанс. С одной стороны, позиция семьи и ее идеологов имела стабильную структуру. Выбирая авторитарное повествование, отторгала субъективность народа. Прошлое рассматривала с точки зрения выдающихся личностей, которыми, конечно, должны были быть они сами. С другой стороны, риторика К. Бакиева не была выражением более или менее систематизированной идеологии. В отличие от относительно автономной семьи, он функционировал в контексте гибкой реакции на внутренние и международные стимулы. Политика непрерывного маневрирования оплодотворяла демократически-авторитарную амбивалентность в описывании революции. С одной стороны, революция была ознаменована как кульминация общественного договора, момента, когда дошло до повторного, демократического определения роли народа, власти и государства. Зато, с другой стороны, память о революции была использована для осуществления авторитарных стремлений и сохранения статус-кво.

Проведенный анализ приводит к выводам, что образы прошлого и мартовских событий - это явление составное и многослойное. Тем не менее, в общем очертании доминировала кланово - центрическая, иерархическая конструкция, сосредоточенная на правящей семье. Показанные аспекты и механизмы представления прошлого можно также воспринимать в контексте соединения формальных и неформальных структур, где стирались границы между тем, что было государственным, а что - частным.

Литература

1. Anderson B. Imagined Communities. – London, New York 2002. – 224 с.
2. Arendt H. On Revolution. – London 1990. – 350 с.
3. Florescano E. Od historii – pomnika władzy, do historii wyjaśniającej, в кн.: Po co nam historia?, przekład Mróz M. wstęp Łepkowski T. Warszawa 1985.
4. Le Goff J. History and Memory, New York 1992. – 264 с.
5. Matynia E. Performative Democracy. Boulder Londyn, 2009. – 205 с.
6. Portinov A. „Wielka Wojna Ojczyźniana” w polityce pamięci Białorusi, Mołdawii i Ukrainy // Respublica nowa jesień. 2009. – № 7.
7. Szacka B. Czas przeszły pamięć i mit. – Warszawa 2006. – 239 с.
8. Sztompka P. Socjologia. – Kraków 2002. – 653 с.
9. Ziółkowski M. Przemiany interesów i wartości społeczeństwa polskiego. – Poznań 2000. – 270 с.
10. Бакачиев А. Адам укугу баарынан бийик (кырг.: Права человека выше всего). Интервью А. Макешова с прокурором Аламединского района // Эркин Тоо. – № 88 (1802). – 2008. 21 ноября.
11. Бакиев К. Возврата к прежним порядкам не будет // Общественный рейтинг. 2005. 29 декабря; Стенограмма ответов Президента КР К. Бакиева на вопросы на русском языке во время прямого эфира по ГТРК 20 декабря 2006. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.president.kg/press/vistup/1844/> (дата обращения: 25.07.09).
12. Бакиев К. Мартовская революция: исторический выбор народа. – Бишкек: Алтын Принт, 2010. – 488 с.
13. Бакиев К. О национальной стратегии развития и ближайших задачах. Послание Президента КР К. Бакиева народу Кыргызстана // МСН. 2006. – 29 сентября.
14. Бакиев К. Приоритетов не меняю. Беседовали Д. Евлашков, П. Негоица // Российская газета. 2006. 27 января. – № 3982.

15. Вышла в свет книга «24 марта 2005 года - Народная революция» // Кабар. 2006. – 22 марта.

16. Жапаров А. Банкрот өлкөнү кабыл алганбыз (кырг.: Мы переняли обанкротившееся государство) // Кыргыз туусу. 2009. 23 марта. – № 21.

17. Жолдошев С.Н., Токоев С.И. Тейитхандын урпактары (кырг.: Потомки Тейитхана). Бишкек: Полиграфбумресурс, 2010. – 224 с.

18. Жук О. 8 эпизодов из жизни Ахмата Бакиева // ДелоN. 2010. – 3 декабря.

19. Исаев К. 2005-жыл Кыргызстандын кайра жаралуусунун башаты (кырг.: 2005 год. Начало возрождения Кыргызстана). – Бишкек : Шам, 2005. – 296 с.

20. Кененсариев Т. Опыт демократии в Кыргызстане: история, реалии и перспективы, в кн.: Опыт демократических реформ на Евразийском пространстве: сравнительные модели и практические механизмы. Еуразиялык кеңістіктегі демократиялык реформалардың тәжірибесі: салыстырмалы үлгілері мен қолданбалы тетіктері / Под ред. А.М. Байменова, Б. К. Султанова. – Алматы, 2006. – 230 с.

21. Кененсариев Т. Основные исторические этапы развития суверенного Кыргызстана. [Электронный ресурс]. - URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/30.Kenencariev%20T..pdf> (дата обращения: 18.01.12).

22. Лукашенко готов принять Бакиева. Его свергли в том числе «Россия с Казахстаном». [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.newsru.com/world/18apr2010/lb.html> (дата обращения: 18.04.10).

23. Надписи с надгробия Жусупбека Бакиева (18.09.1951-21.02.2006). Оригинальная версия: «Элим деп жүрөгүңдү арнап кеттиң, жерим деп өмүрүңдү сайып кеттиң [...]».

24. Президент намерен объявить амнистию к 5-летию мартовской революции // АКИpress. 2010. – 23 марта.

25. Сариев Ж. Ата Журт алдындагы парз. Мезгил арымдары... Президент Курманбек Бакиев. Даректүү баян (кырг.:

Долг перед отечеством. Пути развития... Президент Курманбек Бакиев. Документальная повесть). Бишкек: Турар, 2009. – 264 с.

26. Сузак району: мезгил жана инсандар (кырг.: Сузакский район: время и личности / Под ред. С. Стамбекова, А. Акжолова, М. Аширбаева. Бишкек: Маданият, 2009. – 290 с.

27. Тагаев А. Народная революция вернула доверие и надежду народа // АКИpress-Фергана. 2010. – 24 марта.

28. Төлөбеков Ө. Революцияга арналган өмүр же биртууган Бакиевдер. Даркетүү көркөм баян (кырг.: Жизнь, посвященная революции, или Братья Бакиевы. Документально-художественная повесть). Бишкек: Учкун, 2007. – 160 с.

29. Шади уулу М. Президент К. Бакиев – ноокаттык (кырг.: Президент К. Бакиев ноокатский) // Аалам, 2009. – 23 апреля.

А.А. Горелов

A.A. Gorelov

**ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ
И ЭВОЛЮЦИОННЫЙ
ИМПЕРАТИВ**

**LIBERALISM TO RUSSIA
AND THE EVOLUTIONARY
IMPERATIVE**

Аннотация:

В статье прослеживается становление либерализма как течения западной политической мысли и дается характеристика неолиберализма в отличие от традиционного либерализма. Подытоживаются результаты осуществления либерального проекта в России. Анализируется связь между данным проектом и инволюционной направленностью развития РФ в демографической, экономической, политической, военной и культурной областях. Делается вывод, что для выживания и нормального существования страны необходим переход на эволюционный путь развития в соответствии с принципом двойного соответствия – тенденциям мирового развития и особенностям национального характера русского народа как государствообразующего.

Ключевые слова:

либерализм, неолиберализм, эволюция, императив, инволюция, Россия, государство, демография, экономика, политика, безопасность, культура.

Abstract:

In article liberalism formation as currents of the western political thought is traced. The neoliberalism characteristic unlike traditional liberalism is given. Results of implementation of the liberal project in Russia are summed up. Communication between this project and an involyutsionny orientation of development of the Russian Federation in demographic, economic, political, military and cultural areas is analyzed. The conclusion is drawn that transition to an evolutionary way of development is necessary for a survival and normal existence of the country according to a principle of double compliance – to tendencies of world development and features of national character of Russian people as related to national development.

Key words:

liberalism, neoliberalism, evolution, imperative, involyutsiya, Russia, state, demography, economy, policy, safety, culture.

Сущность либерализма и неолиберализма

Становление либерализма как течения политической мысли в Европе и как нового искусства управлять наиболее глубоко прослеживает в своих работах М. Фуко. До XVIII в. внешняя политика «полицейских государств» (как их называет Фуко) в Европе строилась на поддержании баланса сил между отдельными государствами. Смещение его в какую-либо сторону приводило к

получению преимуществ одними государствами в ущерб другим. Игра велась с нулевым общим результатом. В XVIII в. утвердилось идея совместного обогащения государств Европы за счет рынка, взаимодействуя на котором выгоду получают и продавец, и покупатель. У рынка, однако, есть и другая возможность, когда преимущество получает только один участник обмена, если последний неэквивалентный и несправедливый. Из этой возможности и получает развитие идея «Европы совместного обогащения» [1, с. 77] за счет мирового рынка. Европейские политики поняли, что Европе для обогащения нужен мировой рынок и он был создан. Мир становится для Европы «экономическим доменом». «Впервые Европа... предстала как то, что должно завладеть миром как бесконечным рынком... То есть, с одной стороны, Европа, европейцы, которые станут игроками, а с другой – мир, который станет ставкой. Игра ведется в Европе, но ставкой служит мир» [1, с. 77-78].

Фуко выделяет три основные черты, характеризующие либерализм: «верификация рынка, ограничение посредством расчета правительственной полезности и... положение Европы по отношению к мировому рынку как региона с неограниченным экономическим развитием. Именно это я назвал либерализмом» [1, с. 84]. Сформировалось, по Фуко, «новое искусство управлять... новая форма планетарной рациональности... новый расчет в масштабах мира» [1, с. 78]. Либерализм предполагает уменьшение авторитарности «полицейского государства» для обогащения всех стран Европы. И как авторитарная власть вела к колониализму, так ныне либеральная ведет к неоколониализму через мировой рынок. Предпочтительность и коварность либерализма в том, что он побеждает без ружей и пушек, хотя для тех, кто ему сопротивляется, пушки всегда наготове. Либерализм представляет собой экономическое оружие подчинения. При этом, утверждает Фуко, несмотря на использование хорошего слова «либерал», нет мерил для определения, где свободы больше: при авторитаризме XVIII-XIX вв или при либерализме. Порой удивляются: ведь либерализм происходит от слова «свобода», а кто же может быть против свободы! Свобода нужна всем, и все должны быть за нее, разве

что кроме тех, кто раб в душе и не следует совету Чехова выдавливать из себя раба. Так действительно можно было думать до тех пор, пока либерализм не пришел на нашу землю и не показал себя во всем гламурно-трагическом блеске. Либеральный не значит более свободный. Либерализм шествовал по миру, но свобода не увеличилась ни в XVIII-XIX, ни в XX-XXI вв.

Либерализм и свобода – разные вещи. Порой использование слова «свобода» в либеральном контексте звучит зловеще-издевательски. Разве освобождение (либерализация) цен, проведенное в начале 90-х годов XX века в России и названное шоковой терапией, сделало людей свободными? Нет, оно закабалило их, утвердив для большинства населения режим денежного рабства, о котором писал Л. Толстой еще в XIX в. Отсюда следует внешне парадоксальное заключение, что более либерален (в смысле свободолюбив) тот, кто не потакает, а борется против либерализма.

Либеральная правительственная практика не гарант свободы, «она, - по Фуко, - потребительница свободы» [1, с. 87]. Она «потребляет свободу – значит обязана ее производить» в необходимой для потребления степени, «поскольку она может функционировать лишь в той мере, в какой существуют определенные свободы: свобода рынка, свобода продавца и покупателя, свободное осуществление права собственности, свобода мнения, при случае свобода слова и т.п.» [1, с. 86-87]. «В самом центре этой либеральной практики устанавливается... отношение между производством свободы и тем, что, производя свободу, рискуют ее ограничить и отменить. Либерализм... предполагает... отношение производства/ разрушения свободы» [1, с. 87]. Парадокс заключается в том, что производство свободы требует создания структур, эту свободу поддерживающих, но данные структуры сами начинают потреблять свободу, которую они призваны поддерживать. При этом в целом либерализм больше потребляет свободу, чем производит. Он напоминает прием, когда человеку подбирается определенная сумма денег, а затем отбирается весь кошелек. Или: дадут на копейку, а отнимут на рубль. Каждому человеку, живущему в стране, в которой утвердился либерализм,

следует серьезно подумать над тем, стал ли он действительно более свободен.

В утверждении Фуко, что либерализм «потребляет свободу» проступает и тесная связь его с обществом потребления, когда именно потребление, а не производство становится главной ценностью. Вместо производства свободы для всех имеет место потребление ее некоторыми.

Важной чертой либерализма является лишение безопасности существования. «Девиз либерализма – жить опасно... Без культуры опасности нет либерализма» [1, с. 90]. Опасность потери работы, инфляции, девальвации, разнообразных кризисов и т.п. преследует либеральное искусство управлять на всем его пути. И в нашей стране попадание в либеральную ловушку западнизма привело к смене устойчиво-застойного существования (символом чего были бесконечные очереди) дистрессом постоянной угрозы повышения цен на продукты, платы за жилищно-коммунальные услуги, потери накоплений, дефолта и т.д.

Неолиберализм XX в. в отличие от традиционного либерализма берет за основу функционирования рынка не обмен, а конкуренцию. Тут и выходит на поверхность понятие человеческого капитала в качестве ответа на вопрос, каким должен быть конкурентноспособный человек. Раз есть капитал, значит, его нужно инвестировать и он приносит доход. Неолиберализм продолжил тенденцию либерализма на сведение личности к экономическому человеку, все сферы деятельности которого – семья, творчество, отдых и т.п. и все жизненные цели получают экономическую интерпретацию. Экономика возводится в статус науки о человеческом поведении. Вместо рабочей силы вводится понятие капитала-компетенции, а заработная плата превращается в доход с капитала. Человек становится подобием предприятия, и в этом смысле оцениваются его человеческие качества. В неолиберализме Человек Экономический уже не партнер обмена, а антрепренер самому себе. Жизнь начинает восприниматься в экономических терминах, а производство и потребление меняются местами. Например, утверждается, что человек производит в результате потребления собственное удовольствие. Гротескным символом

человека-предприятия стало появление в нашей стране в конце прошлого века так называемых «челноков», которые, чтобы выжить в условиях разрушения науки, промышленности и сельского хозяйства, устремились в чужие страны за товарами, которые можно выгодно продать в России.

Неолиберальная политика воспринимает общество в целом как «общество для предприятия», т.е. для рынка. Неолибералы стремятся к управлению обществом, к «политике общества», которая «должна устранять не антисоциальные эффекты конкуренции, но антиконкурентные механизмы» [1, с. 207]. Цель – сделать регуляцию рынка принципом регуляции общества. Неолиберализм проповедует «общественную рыночную экономику», основывающуюся на идее, что «экономика – это игра, что существуют правила экономической игры, гарантируемые государством, и что единственная точка соприкосновения между экономическим и социальным – это правило сохранения, согласно которому ни один из игроков не будет исключен» [1, с. 257]. Тем самым ставится под вопрос традиционная цель социальной политики, заключающаяся в том, чтобы каждый «оказался в состоянии при любых обстоятельствах поддерживать свое существование и существование тех, за кого он ответственен» [1, с. 253].

Неолиберализм не просто требует невмешательства государства в экономику, он подчиняет себе его деятельность с целью производства человека для рынка и конкуренции. Фуко использует понятие биополитики для обозначения подобного производства человека с целью его потребления (как и потребления свободы, о чем говорилось выше).

Либерализм в России и его результаты

Суть реального либерализма – в обеспечении свободы и благосостояния для части человечества. Либерализм был использован для обеспечения развития Запада за счет большинства населения планеты. Этапы его внешней экспансии – колониализм XIX в., неоколониализм XX в. и глобализм XXI в. Это показал М. Фуко с точки зрения Запада и А.С. Панарин со стороны эксплуатируемого большинства, в числе которого оказалось и население

России. Два момента в творчестве Панарина представляются особенно ценными: разоблачение либерализма как экономической и политической системы и его соображения о том, как преодолеть существующую ситуацию и в каком направлении идти. Либерализм дает свободу и благополучие лишь немногим на планете, причем количество населения, пользующегося свободой и материальными благами, зависит от того, в каком государстве человек живет. Если в государстве, входящем в ядро мировой экономической системы, другими словами в развитом мире, его шансы быть более свободным и благополучным увеличиваются. Если в государстве, находящемся на периферии мировой экономической системы, т.е. в развивающемся или наименее развитом мире, его шансы быть свободным и благополучным уменьшаются. Одни потребляют свободу, другие становятся жертвой освобождения (либерализации). Либерализм сейчас (если немного расширить определение Фуко) – это философия и практика деятельности экономического человека в составе «золотого миллиарда» для создания себе комфортного существования за счет ресурсов всего остального мира.

Результаты внедрения либерализма зависят от того, используется ли либеральное искусство управлять для обогащения страны и ее народа, или, наоборот, для того, чтобы данная страна и ее народ стали донорами других государств и народов. В этом случае концепция либерализма, как и концепции демократии, прав человека и общечеловеческих ценностей действуют в качестве «стенбитных орудий» для разрушения государств, которые сопротивляются напору «золотого миллиарда».

В конце XX в. либерализм был использован для разгрома советского государства и его экономики и для установления экономической гегемонии стран Запада в отношении России. Сразу же после разрушения СССР мы стали свидетелями первого шага «либерального искусства управлять», проведенного «чикагскими мальчиками» (последователями Чикагской школы), - освобождения (либерализации) цен, что погрузило большинство населения в беспросветную нищету. Либерализм был навязан России именно потому, что он отнимал у нее ресурсы и свободу. Имеющий раз-

ные следствия в разных типах стран для нашей страны либерализм имеет привкус деградации и смерти. Для большинства населения страны, ее хозяйства, духовной культуры русский либерализм оказался хуже русского коммунизма, и этим объясняется, почему любящие Россию бывшие антикоммунисты типа Панарина выступили с его критикой.

Кто ведет страну по данному пути? В странах, находящихся на периферии мировой экономической системы, в эпоху неокolonизма (в отличие от колониализма, когда правила сами завоеватели) возникает элита, которая правит в интересах неокolonизаторов и вопреки интересам своего народа. Так формируется элита *против* народа, которая не дает сформироваться другой элите, элите *для* народа. Народ остается без своей национальной элиты, о чем писал Панарин в книге «Народ без элиты». В этих условиях угнетенное большинство населения России вынуждается к самообороне. Но оно не одиноко в этой борьбе. В таком состоянии находится большинство стран с периферийной экономикой, все те, кто остался за пределами «золотого миллиарда», включая Россию.

Панарин разоблачил глубинные пороки либерализма. Он задает риторический вопрос: «кто же сегодня празднует свою «победу над тоталитаризмом?» Кого на самом деле мы освободили: человека или скота, сидящего в человеке? тех, кто воплощает успехи духовности и просвещения, или тех, кто воплощает худшие инстинкты, всегда ждущие своего часа?» [2, с. 102]. «Новейший глобальный порядок чреват... расчисткой планетной территории для расы господ, доказавшей, по критериям рыночного естественного отбора свое преимущественное право на использование ресурсов Земли» [2, с. 160]. Нынешнее огораживание отдельных «оазисов» наподобие Рублевки – это прообраз будущего вселенского отгораживания «золотого миллиарда» от остального мира. Либерализм расчищает дорогу зверству [2, с. 486].

Иногда утверждают, что в России не было и нет либерализма, а имеет место авторитарный строй. Однако одно не противоречит другому. В нашей стране либерализм утверждается авторитарным путем, и это еще одно его отличие от западного либера-

лизма. Можно сказать, что либерализм демократического толка более присущ странам, находящимся в ядре мировой экономической системы, тогда как либерализм авторитарный присущ странам, находящимся на периферии мировой экономической системы. Если либерализма нет у нас, то позволительно спросить: где он? В США, напавших на Югославию, Афганистан, Ирак и Ливию? Если все, происшедшее у нас, делалось под флагом либерализма и ему в верности клянутся руководители государства, то это и есть реальный либерализм.

Величие Панарина в том, что он понял: пришедший на Россию либерализм и есть настоящий и никакого другого либерального проекта Россию не ждет. В свое время другой выдающийся философ А.А. Зиновьев, обсуждая проблемы коммунизма в России, назвал строй, который образовался после победы большевиков в 1917 году, реальным коммунизмом, и заявил, что никакого другого коммунизма не существовало и не существует. Точно так же Панарин, проанализировав нынешний постсоветский период как реальный либерализм, показал, что никакого иного либерализма в действительности нет и быть не может.

Государство и инволюция

Общество может развиваться в двух противоположных направлениях – эволюционно или инволюционно. Показателями эволюции являются качественное усложнение систем, увеличение их разнообразия и устойчивости. Показатели инволюции – упрощение систем, уменьшение их разнообразия, деградация. Эволюция ведет к развитию природы, человека и общества. Инволюция – к распаду и гибели.

О направленности социальной динамики можно судить, сравнивая изменения в данном государстве с его функционированием в прошлом, с действующими тенденциями мирового развития, а также с ситуацией в других государствах. Рассмотрим это на примере главных сфер общественной жизни современной России.

Демография

В мире идет процесс, получивший название *демографического взрыва*. Население планеты утроилось за XX век и превысило 7 млрд. Такого никогда не было в истории человечества. В то же время и в России возникла в конце XX в. демографическая ситуация, которой никогда не было. Но прямо противоположная. «Русский крест» - так назвали уникальную неведомую ранее ситуацию резкого падения рождаемости и одновременно экстремального увеличения смертности в России в начале 90-х годов прошлого века. Рождаемость сократилась до 9,4 на 1000 чел. или до 1,3 ребенка на одну женщину (для нормального воспроизводства необходимо 2,15), а смертность выросла до катастрофического и аномального для развитых стран уровня 15,7 на 1000 чел. [3, с. 6]. Столь высокий уровень смертности зафиксирован только в пораженных ВИЧ-инфекцией странах тропической Африки. Представленный на графике в виде двух пересекающихся линий (одна из которых стремительно идет вниз, а другая взмывает вверх) процесс и получил название «русский крест».

С тех пор смертность в нашей стране устойчиво превышает рождаемость при резком сокращении средней продолжительности жизни, особенно за счет «сверхсмертности» мужчин трудоспособного возраста, которой также нет нигде в мире. Средняя продолжительность жизни мужчин сократилась до 60 лет. После 1991 г. население России уменьшается примерно на 1 млн человек в год (3000 в день), что характерно для военного времени. Эти потери не компенсирует даже огромная неконтролируемая миграция.

Главные причины «русского креста»: 1) экономический упадок и бедность основной массы населения; 2) низкий уровень медицины и отказ от ее бесплатности; 3) социальный стресс и неудовлетворенность жизнью; 4) высокий уровень и опасные формы потребления алкоголя, табака и наркотиков; 5) неблагоприятная экологическая ситуация. Данные феномены взаимосвязаны и ведут к катастрофическому падению количества и качества населения.

В России возникла устойчивая бедность. Постоянно можно видеть роящихся в мусорных баках людей. Вместе с «новыми русскими» появились «новые бедные» - люди, которые по своему образовательному уровню и социальному статусу никогда ранее не были малообеспеченными. Бедной становится и страна в целом.

Соотношение средней зарплаты к прожиточному минимуму упало по сравнению с 1991 г. с 3,16 до 1,86, т.е. трудящийся уже не может прокормить на свою зарплату одного ребенка. Самого же прожиточного минимума не имеет треть россиян, находящихся таким образом за чертой бедности. Для того, чтобы купить квартиру, среднестатистический житель должен откладывать всю свою зарплату в течение четверти века. Иными словами, получить жилье для подавляющего большинства трудящихся стало практически невозможно. Россия на пятом месте с конца в мировом рейтинге доступности жилья.

По данным МВД «на дне» обитает 10,8 млн чел. (каждый 13-й житель России): нищие (3,4 млн), бездомные (3,3 млн), беспризорные дети (2,8 млн), уличные проститутки (1,3 млн) [4, 107-108]. Можно сказать, что люди сами виноваты в своих бедах. Но ведь 20 лет назад такого не было. СССР в середине 80-х годов входил в десятку стран мира с наилучшим типом питания. В начале XXI века Россия откатилась по данному показателю на 70-е места. Средние рациональные нормы питания доступны лишь 10 – 20% россиян. Возникло массовое недоедание. Более 40% рожениц страдают анемией. Причина - плохое питание во время беременности. Так что материнского капитала для решения демографической проблемы явно не достаточно.

На продолжительность жизни и смертность влияет резко выросшая заболеваемость. Число больных гепатитом (связано с ростом наркомании) достигло 3 млн человек, больных туберкулезом – 2,5 млн. Массовый характер приобрело распространение заболеваний в местах заключения. По свидетельству известного хирурга Р. Акчурина, Россия отстает от уровня здравоохранения СССР 1985 г на 8 – 10 лет.

Особое беспокойство вызывает состояние здоровья детей. В новом поколении наблюдается снижение массы тела и ростовых

показателей. Вместо недавней акселерации нарастают процессы децелерации. Почти треть детей не готова по состоянию здоровья к систематическому обучению в школе. Разрушается семья как социальный институт. Почти каждый третий ребенок рождается вне брака. Все большая часть детей воспитывается в детских домах. В последнее время наметилась тенденция отнимать детей у родителей, имеющих плохие жилищные условия, и направлять их в детские дома. Официальная статистика показывает, что 40% воспитанников детских домов становятся наркоманами, 40% совершают различной тяжести преступления, 10% кончают жизнь самоубийством.

По официальным данным, примерно у трети населения России имеются психические расстройства различной степени. Страна превращается в сумасшедший дом. Среди психологических причин «русского креста» отмечают социальные стрессы, неудовлетворенность жизнью, страх потерять работу, боязнь резкого ухудшения ситуации в результате инфляции, девальвации, дефолта и т.п., отсутствие безопасности, крушение идеалов. Россия находится на 1-м месте в мире по числу самоубийств, увеличившихся по сравнению с 1991 г в 2,5 раза. Главная причина самоубийств, как отмечают ученые, в ослаблении социальных связей, на что в России влияет растущее расслоение общества, обострение криминогенной обстановки и т.п.

Существует корреляция между уровнем смертности и уровнем убийств, по которому Россия также находится на 1-м месте в мире. Добавим людские потери на двух чеченских войнах, на которых гибли российские граждане с той и другой стороны - как военные, так и мирное население.

Численность наркоманов возросла (с 1993 по 2003 г) в 9 раз и достигла 4 млн человек, а смертность от потребления наркотиков составляет более 100 тыс. человек в год (в особенности среди молодежи 15–34 лет). В целом, каждый год от алкоголя и наркотиков преждевременно умирает 450 тыс. трудоспособных мужчин, 300 тыс. россиян в год погибает от табакокурения. Налицо общая деградация населения - и физическая, и духовная.

Важным фактором продолжительности жизни является производство ВВП на душу населения в стране, что влияет на благосостояние людей и уровень здравоохранения. ООН рекомендует рассматривать среднюю продолжительность жизни как интегральный показатель уровня жизни. Россия занимает 136-е место в мире по продолжительности жизни мужчин и 91-е по продолжительности жизни женщин. В развитых странах разрыв в средней продолжительности мужчин и женщин составляет 5 – 6 лет, в бедных странах меньше, но нет стран, где разница была бы, как в России, 13 лет. Женщин в России на 9 млн больше, чем мужчин.

А.И. Солженицын в книге «Россия в обвале» писал: «А что не показное – это демографическое крушение, даже просто злое вымирание, и не всех российских народов, а преимущественно славянских... И разве наших речистых политиков – это вымирание волнует? Кто из них пытался его остановить? Создать устойчивые условия бытия, в которых народ мог бы сохраняться?.. Есть расчеты, что к середине XXI в доля русских в Федерации составит уже меньше половины». То, что смертность в России сейчас такая, как в воюющих странах, позволяет говорить о «холодной гражданской войне». Свершается жертвоприношение народа, как назвал это В.Г. Распутин. Пророческим оказался последний фильм А.А.Тарковского, главный герой которого долго любовно строил свой дом, а потом взял да и ни с того ни с сего поджег его. Самопожертвование (как считает В.Г. Распутин) или самоубийство (как полагает А.А. Зиновьев) – в любом варианте это еще один небывалый эксперимент русского народа и над русским народом.

«Русский крест» является наглядным выражением общего состояния государства. Демографическая инволюция ведет к физическому уничтожению русского народа как государствообразующего и кладет предел существованию Российской Федерации.

Культура

Ситуация в области культуры неблагоприятна во всем мире. Массовая культура теснит культуру высокую. Наиболее популярный вид массовой культуры – телевидение. «Если бы иноплане-

тяне судили о землянах по телевизионным передачам, то они решили бы, будто наша планета населена в основном мошенниками, убийцами, грабителями, сексуальными маньяками, извращенцами, развратниками, полицейскими, шпионами и т.п.» [5, с. 232]. Но даже на этом фоне Россия выделяется своей динамикой. За последние 20 лет произошла 4-я волна эмиграции, которая не завершилась и поныне. Из страны уехало порядка 10 млн. человек – самая активная талантливая часть населения. Их можно понять, поскольку подорваны все сферы деятельности и трудно нормально жить и работать. Но их отъезд явился невосполнимой утратой для страны. Какая-то часть эмигрантов заняла подобающее ей место в науке, искусстве, спорте; многие оказались на задворках и тем не менее не вернулись обратно. И не вернуться уже никогда.

Покинувшие Россию замещаются мигрантами, чей культурный уровень много ниже. Внутри страны деятельность СМИ направлена на дальнейшее снижение качества населения. Существует социальная тенденция рационализации, продолжающая тенденцию цефализации у высших животных. А в нынешней России происходит «деградация рационального сознания». Показателем инволюции является то, что уровень обслуживания технических объектов, построенных в советское время, резко снизился за последние 20 лет и не соответствует должному. Это одна из причин многочисленных технологических катастроф, крушений самолетов и поездов и т.д.

Разрушаются наиболее эволюционно продвинутые сферы жизни, например, наука. Она в ходе реформ пострадала одной из первых. Только в 1990-95 гг. затраты на исследовательские работы сократились примерно в 10 раз, а расходы на оборудование в 15 – 20 раз. Была фактически ликвидирована в связи с разрушением системы министерств отраслевая наука, которая составляла 70% научных разработок. Теперь можно только говорить о развитии высоких технологий.

Численность научных работников в 1999 г. уменьшилась по сравнению с 1991 г. в 2,6 раза. РАН получает в год меньше средств, чем в США выделяется одному университету. Если еще

20 лет назад наука в СССР по многим направлениям стояла вровень с другими развитыми странами, то теперь она безнадежно отстала. Основная форма научной деятельности, поддерживаемая государством, - академическая - влечет жалкое существование, а ожидаемого перехода на финансирование со стороны частного бизнеса не произошло. Последний не вкладывает средств в расширение и обновление производства и тем более не думает о науке.

Определяющее значение для того, чтобы разговоры о модернизации стали реальными, имеет образование. Российская же школа в ходе реформ стремительно утрачивает обязательный, бесплатный и общеобразовательный характер, дифференцируясь в зависимости от материальных возможностей родителей, что еще больше увеличивает расслоение общества, теперь уже и духовное. Введение ЕГЭ кладет предел систематическому углубленному освоению дисциплин. Прекратила существование система внешкольного образования. На очереди отмена преподавания в школе таких развивающих творческие способности детей предметов, как пение и рисование.

Резко сократилась деятельность профтехучилищ, готовящих кадры для промышленности и сельского хозяйства. В высшей школе имеет место явный перекоп в сторону подготовки излишнего количества экономистов и юристов, причем низкого уровня. Те специальности, на которые в советское время шли самые заурядные дети - экономика и право - ныне стали наиболее престижными. Все встало с ног на голову, как всегда, когда эволюция заменяется инволюцией. По данным экспертизы ЮНЕСКО, проводившейся в 65 странах мира, Россия скатилась на 50-55 места по уровню образования. А когда-то к нам приезжали изучать советскую педагогическую систему, и наши школьники побеждали на всех международных конкурсах.

Россия подвергается давлению западной массовой культуры, разрушающему традиционные представления, присущие русскому национальному характеру. Страна стала культурозависимой. Американских фильмов сейчас в прокате в десятки раз больше, чем отечественных. На сцене преобладает пошлая попса и юмор

ниже пояса. К услугам тех, кто сидит дома, бездарные телесериалы со стрелялками и догонялками и скопированные с иностранных ток-шоу. Книжные полки ломаются от низкопробной литературы. Страна Толстого и Достоевского превращается в страну Марининых и Дашковых. На смену журналам «Техника – молодежи» и «Знание – сила» пришла «желтая» пресса. Наибольшей популярностью в Интернете пользуются порносайты.

Произошло не только обеднение людей, но и жизни в целом, ее смысла и значений. Бывший самый читающий народ в мире перестает читать, самостоятельно думать и превращается в жертву упрощенной массовой культуры, сводящейся к инстинктам. Показателем инволюции служит введение в широкий оборот уголовного жаргона и мата.

Уровень культуры определяет нравственное состояние общества. Моральное одичание ведет к тому, что профессии валютной проститутки и киллера становятся престижными. Люди меняются на глазах. Особенно много нареканий в адрес молодежи, которая отвергает нравственные ценности старшего поколения. Но ведь молодежь спешит угнаться за темпами инволюции. Как отметил А.А. Зиновьев, каждое следующее поколение лучше предыдущего, если общество находится в восходящей ветви эволюции, и хуже, если оно находится в нисходящей.

В области физической культуры и спорта направление динамики также легко установить – по числу медалей на Олимпиадах и чемпионатах мира, по выступлениям наших спортсменов в ведущих видах – футболе и хоккее. Бессменные победители всех Олимпиад, начиная с 1956 г, в постсоветское время скатились до 3 места на летней и 8 на зимней Олимпиаде. Разрушена система массового спорта – бесплатные детские секции, всесоюзные соревнования на «Золотую шайбу» и «Кожаный мяч». Защита национального флага и чести страны сменилась в духе времени погоней за прибылью. Вслед за хоккеистами и футболистами из страны уезжают все спортсмены, которым на Западе светят выгодные контракты. В объяснениях используются аргументы желания участвовать в более сильном чемпионате и жить в комфортных и безопасных условиях.

В целом, культурная инволюция ведет к духовному вырождению народа.

Экономика

В 1991-94 гг. промышленное и сельскохозяйственное производство сократилось в России более, чем вдвое, и на столько же уменьшилось количество рабочих. Разрушения в экономике страны оказались большими, чем во время Великой Отечественной войны. Французский ученый Г. Тард сформулировал положение, которое можно назвать законом экономической инволюции. В соответствии с ним, прежде других уничтожаются наиболее современные производства, удовлетворяющие новейшие потребности общества, а потом и те, которые глубже всего укоренены в привычках народа. Чем высокотехнологичней производство, тем более оно подвергается деградации. Объемы выпуска наукоемкой продукции упали десятикратно. Станкостроение, машиностроение, авиационная промышленность практически уничтожены и потребуют для своего восстановления огромных средств. Деиндустриализация ведет к деклассированию рабочего класса.

Мировое хозяйство сегодня состоит из ядра (развитые страны) и периферии (весь остальной мир). Между ядром и периферией происходит неэквивалентный обмен. Ядро продуцирует новые технологии, а периферия в обмен на современные товары вынуждена терять природные, трудовые и интеллектуальные ресурсы. В последнее десятилетие в России в полной мере проявились признаки периферийной экономики: разрушение научно-технического потенциала, блокирование новых технологий, отсутствие самостоятельной экономической политики. Что может дать строительство иннограда в Сколково, если на цели развития в федеральном бюджете выделяется не более 18% (в структуре бюджета развитых стран на эти цели выделяется не менее 60%).

Российская экономика ориентирована в основном на сырьевые направления. В структуре экспорта доля промышленных изделий составляет не более 22%. 75% доходов приносит России природно-ресурсная рента. Под разговоры о том, чтобы догнать Португалию, наше государство по объемам ВВП впервые в своей

истории оказалась за пределами первой десятки стран мира, уступая теперь не только странам «семерки», но и Китаю (в 5 раз), Индии (вдвое), Бразилии. Производство ВВП на душу населения в России сократилось в 1,8 раза. Удвоение ВВП, о котором как о цели развития говорилось не так давно, означало бы всего-навсего достижение советского уровня.

В ходе реформы сельского хозяйства удалось разрушить колхозно-совхозную систему, но массовое фермерское производство не возникло. Производство зерна сократилось в среднем более, чем на треть. Изъято из хозяйственного оборота более 40 млн га посевных площадей (треть по отношению к 1990 г). Производство тракторов уменьшилось в 15 раз. поголовье крупного рогатого скота сократилось втрое, скатившись ниже уровня 1916 г. С лица земли исчезли почти 30 тыс. поселений (одна пятая от общего количества). Уникальность ситуации в том, что в стране идет деиндустриализация и в то же время она перестает быть аграрной.

Общественную собственность на средства производства и государственные формы ведения хозяйства ликвидировать удалось, а вот надежды на то, что приватизация сделает экономику более эффективной, не оправдались. Приватизация собственности привела к уничтожению или хищнической эксплуатации доставшегося от СССР промышленного и технологического потенциала с последующим проеданием или перемещением получаемой прибыли на Запад вместо вкладывания ее в обновление производства.

Новые заводы не строятся, материально-техническая база изнашивается и морально устаревает. При отсутствии обновления и увеличения производственных мощностей незначительный рост в последние несколько лет производства в некоторых направлениях (по большей части в тех, продукцию которых можно экспортировать – производство алюминия, минеральных удобрений и т.п.) нельзя принимать за развитие экономики, так как он осуществляется за счет еще оставшихся от СССР производственных мощностей, которые на самом деле сокращаются, поскольку резко снизились капиталовложения в промышленность (те самые ин-

вестиции, которых напрасно ждали). «При том сокращении инвестиций, которое произошло после 1990 г, невозможна не только модернизация, но и просто поддержание промышленной инфраструктуры в рабочем состоянии» [4, с. 290]. Курс реформ отбросил хозяйство некогда второй в мире экономической державы на относительный уровень ниже 1913 г.

Не спешащая вкладывать средства в развитие производства финансово-экономическая элита тем не менее стремится к получению прибыли, причем вне связи с интересами конкретных потребителей. Не важно, что производить и насколько это нужно, лишь бы получить прибыль, которая достается меньшинству. 70% населения России обладают менее, чем 10% всего национального богатства, а 0,2% - 70% национального достояния. Такое распределение характерно для отстающих стран и свидетельствует о поляризации общества.

Реформаторы не могли не понимать, что такое распределение собственности приведет к катастрофическому расслоению населения, но это их не остановило. В результате, доходы 10% самых богатых слоев населения в 30 с лишним раз превышают доходы 10% беднейших слоев. Большинство населения едва сводит концы с концами, стараясь выжить, а меньшинство соревнуется в приобретении материальных благ. Олигархи покупают замки и яхты, бедняки роются в помойках.

Все сферы общества проела коррупция, с которой «борются» власти. Объем оказывающей разрушительное влияние на развитие экономики деловой коррупции (взятки) составляет свыше 300 млрд долларов в год. Кстати, чиновников в России стало в 2 раза больше, чем в 1991 г (1,3 млн человек). Идут работать туда, где дают и берут. Государство своих чиновников тоже не забывает в отличие от ученых и учителей.

Что касается надежд на то, что финансово-экономический кризис улучшит положение России в мировой экономической системе, то они не оправдались. Мы по-прежнему находимся на ее периферии, и соотношение между Россией и странами Запада осталось в принципе таким, каким было до кризиса. Да, страны Запада пострадали от кризиса, но пострадала и пристегнутая к За-

паду Россия. От стран же, которые в меньшей степени затронуты кризисом, как, например, Китай, наше отставание увеличилось.

Приватизация общественной собственности была названа разгосударствлением. Действительно, экономическая инволюция, выразившаяся в количественном падении и упрощении промышленности и сельского хозяйства и расслоении населения, существенно связана с инволюцией государства и опускает нашу страну все ниже и ниже.

Политика

В течение 20 последних лет написаны тонны литературы, обличающей советский тоталитаризм и воспевающей демократию и права человека. Однако, как в СССР результаты выборов были заранее известны, так и сейчас можно заранее сказать, кто станет президентом и займет место в Государственной Думе. Перед человеком, облеченным властью, россияне были беззащитны всегда. Разница же в том, что прежние правители руководствовались интересами своего государства. Относительно того, чем руководствуются нынешние, существуют различные мнения. Несоответствие между словами и делами властей столь велико, что, по данным опросов, лишь 5% россиян могут сформулировать цель проводимой в России политики. Судя по результатам, цель эта – *управляемая инволюция*.

Политическая цензура при официальной ее отмене действует на телевидении не менее жестко, чем в советское время. Правители не сходят с экранов, а критические голоса звучат редко и обычно в искаженном виде. Имеется оппозиционная пресса и книги, но журналисты, пытающиеся сказать свое слово, преследуются судебными органами или на них оказываются иные формы воздействия вплоть до убийства.

Активно проникает в бизнес и политику уголовный мир. Столетиями государство боролось с криминальными структурами, защищая безопасность граждан и свою монополию на власть, а ныне срращивается с ними. Полицейских оборотней боятся больше, чем воров в законе. Зарубежные классификации по уровню политических и экономических свобод ставят Россию рядом с та-

кими странами, как Афганистан, Центрально-Африканская республика, Египет, Чад.

Политическая культура современной России отличается *многослойностью* – наличием традиционно русских, советских и постсоветских элементов, *гетерогенностью* – разделенностью на национальные и конфессиональные субкультуры, и *антиномичностью* – противоположностью и конфронтацией составных частей (демократы – патриоты, монархисты – анархисты, консерваторы – либералы). Это препятствует объединению ради общего дела. Россия остается расколотой в политическом и экономическом отношении страной. И господство «Единой России» не меняет ситуации.

Что касается внешней политики Российской Федерации, то отношения с новыми государствами бывшего СССР колеблются от открыто враждебных (как с Грузией) до неустойчивых (как с Украиной и Белоруссией). Разрушены политические блоки, в которые входил и ведущей силой которых был СССР. В большинстве бывших союзных государств Восточной Европы произошли «бархатные» революции, и они ориентируются теперь на Запад. Некогда «младший брат» Китай стал ныне старшим соперником. От некоторых друзей, как Куба и Вьетнам, Россия отвернулась сама. На внешнеполитической арене она совершенно одинока. Это проявилось, в частности, в том, что вслед за Россией независимость Абхазии и Южной Осетии признали только несколько крошечных государств.

Россия осталась без союзников в ситуации, когда во всем мире преобладает объединение. Создано сверхнациональное образование – Европейский Союз, активно формируется Восточно-Азиатское сообщество и т. д. Интеграция – это эволюционная тенденция в эпоху глобализации, а внешняя политика России инволюционна. Снижение международного статуса России дошло до того, что министр иностранных дел Японии в специальной ноте не советует президенту Медведеву посещать Курильские острова. В зарубежных стратегических отчетах все чаще говорится о России как о «несостоявшемся государстве» со всеми вытекающими отсюда рекомендациями. Один из членов семьи Романовых на вопрос, готов ли он стать российским монархом, ответил: «России,

судя по ее теперешней территории, скорее подошел бы кто-то из Рюриковичей». Политическая инволюция ведет к окончательному распаду страны.

Безопасность и обороноспособность

Важной чертой нынешнего состояния России является потеря безопасности как отдельным человеком, так и государством в целом. По данным МВД, от преступных посягательств ежегодно страдает каждый третий житель РФ. Совершается, по оценкам криминологов, 12–15 млн преступлений в год. В тюрьмах около 1 млн заключенных и в то же время почти открыто действуют на свободе организованные преступные группировки, а криминальных авторитетов чуть ли не охраняет милиция, ставшая полицией. Безопасность граждан резко упала из-за сращивания государственного аппарата (включая органы правопорядка), бизнеса и криминалитета. Напуганные граждане перестали открывать дверь незнакомым людям, боятся сообщать о совершенных по отношению к ним преступлениях.

Население современной России испытывает страх будущего. Люди боятся потери работы, повышения тарифов ЖКХ, инфляции, девальвации, финансово-экономического кризиса, террористических актов и т.п. Отсюда стрессы, ставшие дистрессами, психические заболевания и самоубийства.

Страна теряет продовольственную, экономическую и культурную независимость. Продукции отечественного производства не хватает для жизнеобеспечения страны. Доля импортных продуктов питания достигла 35%, что ставит под угрозу стратегическую независимость России. 2010 год показал, что власти не в силах справиться с пожарами.

Безопасность страны в целом упала до недопустимо низкого уровня. Все отмеченные выше виды инволюции ведут к инволюции обороноспособности. Она не может не деградировать, если сокращается численность населения, не развивается ВПК, экономика, наука.

Снижение обороноспособности России выявили две чеченские войны, первая из которых закончилась позорным Хасавюрт-

ским миром и выводом войск, после чего война перекинулась на соседний Дагестан. Отражение нападения Грузии на Южную Осетию также поставило много вопросов. Рост внешних опасностей и политического терроризма наводит на грустные размышления о будущем страны.

В течение 20 лет население успокаивали тем, что на Россию никто не собирается нападать. Но история свидетельствует о том, что это иллюзия. В борьбе с монгольским игом в конце XV в. удалось русское самостоятельное государство и с тех пор его регулярно пытались завоевать: поляки в 1612 г, шведы в 1709, французы в 1812, немцы в 1941. Учитывая данную железную периодичность легко предсказать, что произойдет в XXI веке. Но вопреки необходимости готовиться к отпору общий спад промышленности ведет к ослаблению ВПК и дальнейшему уменьшению технологической оснащенности армии, которая к тому же численно сокращается (с 1993 г с почти 5 млн до 1 млн) до величины, не позволяющей защитить одну седьмую часть суши Земли с протяженностью государственной границы в 22 тыс. км. Военный бюджет США составляет 400 млрд долларов, а весь федеральный бюджет РФ почти в десять раз меньше. Он не может обеспечить обороноспособность огромной территории с неисчислимыми, как раньше говорили, запасами природных ресурсов, растущий дефицит которых испытывают многие страны. По сравнению с обороноспособностью СССР это явная инволюция.

Спасает пока ядерное оружие, но развитие военной сферы всегда вело к созданию принципиально новых видов вооружений - психотронного, биологического, климатического, организационного, а Россия ныне на это не способна. Она отказывается даже от своих военных баз (во Вьетнаме, на Кубе) не в силах их содержать, в то время как все больше иностранных баз возникает по периметру ее территории.

В области военного сотрудничества Россия не входит сейчас ни в один блок, тогда как ей противостоит НАТО, все более расширяющаяся и продвигающаяся на Восток. Оккупация Косово, Афганистана, Ирака, Ливии откровенная материальная и идеологическая поддержка «цветных» революций на наших границах,

внедрение США в Центральную Азию – «все это, - писал А.И. Солженицын, - не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета» [6, с. 24]. Инволюция обороноспособности ведет к поражению России в грядущей войне.

За последние 20 лет жители России пережили шоковую терапию и расстрел народного восстания, приватизацию общественной собственности и разгул организованных преступных группировок, деиндустриализацию и утечку мозгов, две чеченские войны и частые вспышки терроризма, подтасовки результатов голосования и телевизионное оболванивание, вымирание населения по миллиону в год и беспощадную конкуренцию дикого капитализма, всемогущие бюрократии и ужасающую коррупцию, рухнувшую обороноспособность и техногенные катастрофы. Каждая революция приходит в себя, когда под пестрым одеянием привлекательных лозунгов и несбывшихся надежд открывается ее суть. Прошло достаточно времени, чтобы понять, чем действительно был буржуазно-криминальный переворот 1991 года – буржуазный по духу и целям и криминальный по способам осуществления и результатам, к которым привело утверждение авторитарного режима дикого капитализма. Суть данного переворота – инволюция

Можно возразить, что мы упустили из вида положительные изменения в стране. Но дело в том, что все основные стороны общественной жизни взаимосвязаны и рост какого-либо одного частного показателя нивелируется остальными. Да, стали больше покупать легковых автомашин. Но так как резко упало строительство автомобильных дорог и ухудшается их качество, то растет количество ДТП и водители начинают задыхаться в пробках, которые становятся тем продолжительнее, чем больше автомобилей покупается вплоть до возвращения владельцев автотранспорта в переполненное метро. Не может быть инволюции в одних направлениях и эволюции в других – есть преобладающая направленность развития. Поэтому речь идет о системной инволюции.

Если СССР был «лидером социальной эволюции человечества» (А.А. Зиновьев), то не стала ли нынешняя Россия лидером социальной инволюции? Декларированная цель скопировать экономическое и политическое устройство западных стран с помощью тамошних специалистов и финансовых средств (если предположить, что новые правители действительно этого хотели) не могла реализоваться, поскольку противоречила менталитету и национальному характеру населения, а также интересам самого Запада – зачем ему сильный соперник? В результате реализовалось инволюционное подобие объявленных целей. Как признают сами руководители, страна живет за счет остатков советских ресурсов. Россию уже трудно отнести к развитым странам, каковым был СССР. Нельзя ее отнести и к развивающимся. Это *инволюционная страна*.

Наивно верить, что положение изменится само собой. Если либеральные реформы вели к катастрофе, то почему их продолжение в том же духе повернет ситуацию к лучшему? Разговоры про модернизацию и инновационное развитие свидетельствуют о том, каким должен быть эволюционный путь, но они остаются бесплодными при следовании гибельному курсу реформ. Они напоминают разговоры про ускорение накануне разрушения СССР, которые на деле сопровождались свертыванием программы модернизации экономики. И ныне даже построение нескольких Сколково не решит проблемы, так как нужна переориентация всего хозяйства. Переход с инволюционного на эволюционный путь необычайно труден и требует тщательно разработанной четкой программы, нацеленной на подъем экономики, науки и техники.

Саморазрушающаяся инволюционная система не может функционировать долго. Она или возвращается на эволюционный путь или гибнет. Надо выбираться из либеральной ловушки. В ситуации системной инволюции существует три варианта продолжения событий: 1) дальнейшая инволюция и гибель; 2) революция, обеспечивающая быстрый слом инволюционной системы с последующим возвращением на эволюционный путь или опять-таки гибелью; 3) возвращение на эволюционный путь без тех грозящих гибелью разрушений, которые приносит революция.

Эволюционный путь представляется предпочтительным. В отличие от проводимого ныне курса реформ он основан на развитии в интересах большинства населения и национальных интересов самого государства. Власть обречена на заботу о народе, если хочет сохраниться, и должна опираться на него. Использование таких свойств русского народа, как выносливость, долготерпение, способность к самопожертвованию, коллективизм и жажда идеала и справедливости может дать позитивный результат, как не раз было в прошлом.

Эволюционный путь предполагает выполнение двуединой задачи – адаптации к меняющимся условиям при сохранении фундаментальных черт данного народа. Все страны взаимосвязаны и подчиняются общемировым тенденциям, но каждая особенным образом, определяемым национальным характером данного народа и его традициями. Из диалектики общего и единичного вытекает *принцип двойного соответствия*: чтобы успешно развиваться, народ должен соответствовать объективным общемировым тенденциям и особенностям своего национального характера. Если развитие нации не удовлетворяет ему, она погибает или из-за перерождения в нечто иное или из-за неспособности выжить в изменяющемся мире. А страны, соответствующие ему в наибольшей степени, побеждают в социальном соперничестве.

В сущности, по этому пути шел Петр I, соединяя православную монархию с европейским Просвещением. Можно сказать, что Петр не подражал Западу по своей прихоти, а выполнял требования объективных тенденций. В результате возникла великая империя. После революции 1917 г Сталину удалось соединить национальные традиции с веяниями империалистического века, мобилизовав ресурсы России на реализацию объективных тенденций. Соединилось казавшееся несоединимым. Развитие Советского Союза соответствовало тенденциям технизации (в современном варианте - индустриализации) и рационализации (развитие науки), тесно связанной с технизацией, и одновременно национальному характеру русского народа: коллективизм (артельность, общинность). Осознать необходимость синтеза помогла внешняя угроза и Великая Отечественная война. Сам Сталин за-

фиксировал этот синтез в своем обращении к народу в первые дни войны «Братья и сестры» и в тосте за русский народ, провозглашенном им после победы. В трагические минуты, когда встал вопрос о жизни и смерти не только советского государства, но народа в целом, удалось соединить все имеющиеся материальные и духовные ресурсы в один кулак и отразить натиск врага. Так возникла сверхдержава. Этому надо следовать и ныне.

В свое время Н.Н. Моисеев писал об экологическом императиве. Он не был осуществлен. Более того, чернобыльская катастрофа послужила одной из причин распада СССР. Ныне России угрожает инволюционная катастрофа и спасением от нее служит эволюционный императив. Если он не будет осуществлен, Российскую Федерацию ждет распад с последующей гибелью населяющих ее народов. Самая большая в мире территория с огромным количеством природных богатств не даст России долго находиться в разобранном, инволюционном состоянии. Она или снова станет великой державой, или ее не будет вовсе. Эволюционный императив – это вопрос жизни и смерти российского государства.

Литература

1. Фуко М. Рождение биополитики. – М., 2010. – 448 с.
2. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. – 494 с.
3. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. – М., 2006. – 128 с.
4. Кара-Мурза С.Г., Братчиков С.А., Глазьев С.Ю. Куда идет Россия. – М., 2010. – 448 с.
5. Зиновьев А.А. Глобальный человек. – М., 2003. – 448 с.
6. Солженицын А.И. Измельчание свободы // Роман-газета. – М., 2006. – № 16. – 128 с.

Л.В. Ведмецкая

L.V. Vedmetskaya

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

PROBLEMS OF THE VERNACULAR OF CIVIL SERVANTS AND DEVELOPMENT OF SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

Аннотация:

Язык, используемый правительством и государственными органами, является фактором ощутимого влияния на уровень жизни любого гражданина государства и способен воздействовать на успешную реализацию внутренней и внешней политики всего государства (включая политику в области культуры, национальную политику и проч.). Способности государственных служащих, в свою очередь, действительно важны для решения современных политических, экономических, национальных и иных проблем государственного масштаба. А языковые препятствия могут усложнить процесс государственного управления и развития общества.

Ключевые слова:

Профессиональный язык государственных служащих, культура речи государственных служащих, способности государственных служащих, динамические способности государства, развитие

Abstract:

The language used by the government and the state authorities, is a factor of notable influence on a standard of living of any citizen of the state and is capable to influence successful realization of domestic and foreign policy of the state (including culture policy, national policy, etc.). Capacities of civil servants are really important for the solution of modern political, economic, national and other problems of the state scale. And language obstacles can complicate the process of public administration and development of society.

Key words:

Professional language of officials, standards of speech of officials, officials capacities, dynamic capacities of the state, development.

Актуальность заявленной темы с первого взгляда может показаться неочевидной. Проблемы вымирания языков малых народов, установления государственных языков и их изучения в средних школах в многонациональных государствах могут пока-

заться куда более острыми, а, соответственно, обсуждаемыми в современных обществах. Однако при более пристальном внимании к проблеме профессионального языка госслужащих мы столкнемся с рядом серьезных проблем, способных повлиять не только на эффективность работы государственного аппарата, но и на развитие всего государства..

Правительство государства является общественным институтом, а, значит, государственным служащим (также как и политическим деятелям) следует использовать язык, который население считает ясным, точным и однозначным. Однако довольно часто профессиональный язык чиновников искажает смысл или даже меняет значение тех или иных официальных документов, что может деформировать общественное понимание политики и ее последствий, а также снизить возможность граждан получать государственные услуги и негативно влиять на их благосостояние (к примеру, неясно сформулированные условия пенсионной программы могут ограничить способность гражданина оценить привлекательность предложения и действовать максимально выгодно для себя, а стратегии и концепции, написанные языком, сложным для понимания обычного человека способны негативно настроить население по отношению к проводимым реформам).

Можно также говорить о том, что плохой официальный язык, который приводит к материальному вреду от невозможности в полной мере воспользоваться государственными услугами, является одной из причин «плохого управления» («maladministration»). Сотрудники Специального комитета по вопросам государственного управления (The Public Administration Select Committee) Палаты общин Великобритании, к примеру, считают, что граждане должны иметь возможность жаловаться на случаи запутывающего или вводящего в заблуждение языка чиновников в официальных документах, а правительство и государственные организации обязаны должным образом отвечать на жалобы о плохом официальном языке; если же они не будут этого делать, граждане должны иметь возможность направлять свои жалобы Омбудсмену [30, р. 3]. Для органов власти Великобритании данная проблема представляется настолько актуальной, что

данный комитет опубликовал довольно объемный отчет с наглядными примерами «плохого административного языка».

В России, к сожалению, специализированных исследований правительство или парламент не проводят, однако осознание проблемы, несомненно, существует. По проблеме профессионального языка и культуре речи чиновников создаются монографии, учебники, защищаются диссертации. Среди исследователей культуры устной и письменной речи госслужащих, а также специфики российской государственной языковой политики можно назвать, к примеру, ученых из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации М. Н. Панову, Ж. В. Ларионову, А.Ю. Иванову [12], [15]. Российские исследователи единогласно подчеркивают важность грамотной речи и ясного языка госслужащих: «Правильность, выразительность и точность речи – необходимые атрибуты общей гуманитарной культуры <...> Сегодня недостаточная культура речи чиновников, их некомпетентность в вопросах эффективного речевого общения затрудняет решение многих важных проблем, связанных с состоянием жизни людей, что заметно снижает рейтинг государственного работника, авторитет государственной службы. В то же время это является свидетельством необходимости развития речевой культуры государственного служащего с целью совершенствования его профессионализма, а значит, эффективности управленческой деятельности» [20, с. 2].

Таким образом, язык можно рассматривать как барьер к развитию всей системы госслужбы государства, а также торможению инновационных проектов и снижению способностей государства в области качественного и эффективного управления. Ведь ни одна реформа в государстве, а также реализация политики не обходится без прямого участия в них государственных служащих. Проекты, пояснительные записки, сопроводительные письма не только составляются, но и интерпретируются чиновниками различных категорий и уровней. Поэтому проблема языка и речевой культуры госслужащих является проблемой крайне актуальной для современного российского общества.

Язык госслужащих также может служить своего рода зеркалом, демонстрирующим отношение к потребителям государственных услуг – как к простым гражданам, так и представителям гражданского общества – и культуру поведения представителей исполнительной ветви власти. Вот почему рассуждая о «культуре сосуществования», мы в праве затронуть вопрос взаимопонимания между государственными служащими и гражданами государства, а также в рамках самого госаппарата.

Затрагивая проблему языка госслужащих, можно говорить о том, что их халатное отношение к культуре речи и профессиональному языку способно замедлить процесс развития государства и формирования его динамических способностей, которые так важны в условиях нестабильности и непредсказуемости современного мира. В данной работе под динамическими способностями государства мы понимаем такие способности, которые позволяют не просто реагировать на изменения окружающей среды и приспосабливаться к новым условиям, но также оказывать положительное влияние на развитие всего общества.

Концепция динамических способностей, появившаяся в рамках теории стратегического управления, рассматривает проблему достижения и поддержания конкурентного преимущества организации в условиях быстро меняющейся внешней среды [21, с. 6]. Концепцию динамических способностей разрабатывали такие исследователи, как Д. Тис [18], К. Пителис, Г. Пизано, Э. Шуен [6], Р. Нельсон, С. Уинтер, К. Эйзенхардт, Х. Волберд и др. Среди отечественных исследователей можно назвать В. С. Катькало [3], А.В. Бухвалова; Т. Е. Андрееву, В. А. Чайку [1] (ввели понятие «способность к изменениям» в рамках концепции динамических способностей организации) др.

В последние годы данная концепция весьма успешно используется в экономических теориях, а также становится востребованной и в политологии для изучения стратегических изменений различных видов деятельности государства. Изначально в научной литературе исследовался вопрос о способностях и состоятельности государства. В частности, кафедра политического управления Санкт-Петербургского государственного университе-

та под руководством профессора Л.В. Сморгунова с 2007 года занимается исследованием способностей государства в области политико-административного управления (см: [7], [4], [5]). В рамках этих работ проводились исследования процессов «повышения уровня политико-административных способностей государства осуществлять цели государственной политики, выполнять свои регулирующие функции по отношению к национальной экономике и обществу», достигать максимальной эффективности принятия управленческих решений и их исполнения, а также соотносить свои действия с публичными ценностями и интересами населения [14, с. 404]. В качестве исследователей компетенций государства, а также их состоятельности можно назвать профессора М.В. Ильина [2, с. 60], профессора А.И. Соловьева [8, с. 125].

Концепция динамических способностей рассматривает проблему достижения и поддержания конкурентных преимуществ государства в условиях быстроменяющейся внешней среды. Это способность системы успешно адаптироваться, противостоять рискам, напряженности и постоянному стрессу от изменений окружающей действительности, «справляться с потрясениями, гибко приспосабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с измененной «реальностью» [13, с. 21]. Развитие, в свою очередь, мы можем охарактеризовать как последовательное положительное изменение качественных условий политической системы как в целом, так и ее отдельных компонентов. В Оксфордском политологическом словаре отмечается также, что возрастающая экономическая эффективность, а также способности государств в области науки и техники являются необходимыми условиями для их развития и повышения адаптивности к изменениям внешней среды [19, р. 148].

Исследователи выделяют способности в различных областях деятельности государства. Мы можем назвать некоторые из наиболее важных способностей государства для развития (в частности, для развития системы государственного управления):

- Финансовые способности (способность правительства финансировать публичную политику) [10, pp. 532-550];

- Способности госслужащих (способность государственных служащих действовать согласно изменяющимся требованиям современного государства, обучаться и самообучаться в условиях развития политической системы; способность управлять, следовать публичными ценностями, реализовывать в случае необходимости административные реформы ввиду тенденций развития государственной и политической системы в целом [9, pp. 13–37];

- Образовательные способности [11], способности в области науки и техники [17] (Способность реализовывать образовательную деятельность в условиях постоянного изменения окружающей среды и возрастания роли знаний в современном мире, осуществлять образовательные реформы, вовлекать в научную деятельность талантливых студентов и ученых из других стран, а также использовать научные открытия для государственного развития и социально-политической и экономической системы в целом);

- Способность следовать принципам правового государства, а в частности – реализовывать антикоррупционную политику (способность бороться с коррупцией и предотвращать коррупционную деятельность в государственном и частном секторе).

Способности государства есть реализация государством своих функций, которые направлены на реальную адаптацию данного института к внешним и внутренним вызовам. Изучая способности государства, мы в состоянии оценить, как государство реагирует на них: полноценно, частично или не вполне адекватно [8, с. 128]. Способности государства демонстрируют связь данного института с населением и основными трендами общественного развития, эффективность управления, а также возможность решения государством актуальных стратегических и тактических задач. Способности государственных служащих, в свою очередь, действительно важны для решения современных политических, экономических, национальных и иных проблем государственного масштаба. А языковые препятствия могут усложнить процесс развития и управления.

Проблем, связанных с эффективным и грамотным использованием чиновниками профессионального языка и владением

культурой речи, достаточно много. Однако исследование данной темы позволило выделить пять основных проблем, характерных для государственных служащих как Российской Федерации, так и стран Европейского союза и стран-участников СНГ:

1). Проблема грамотного изъяснения и письма госслужащих (владение родным языком в принципе).

Трудно спорить с важностью умения владеть родным языком на высоком уровне для государственных служащих, так же, как и для представителей иных профессий, подразумевающих работу с большим объемом документов и постоянное общение с людьми. И тем не менее данная проблема настолько актуальна, что не раз приводила к идее о введении специальных тестов или экзаменов для государственных служащих (и не только госслужащих: некоторые страны (например, Киргизия) в избирательный закон ввели пункт о непременной сдаче экзамена для кандидата в президенты на знание родного языка [25]) для проверки их способности писать грамотно и выражать свои мысли ясно. В 2007 году в России губернатором Ульяновской области Сергеем Морозовым был предложен тест по русскому языку и культуре речи для проверки уровня владения русским языком областных чиновников. Тест прошло около двух тысяч ульяновских госслужащих [24].

Для повышения грамотности государственных служащих слушателям курсов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (то есть будущим или настоящим чиновникам) уже более 10 лет в обязательном порядке преподают предмет «Русский язык и культура речи», в котором рассматриваются актуальные для государственных служащих вопросы современного русского языка и культуры речи: «культура речи и нормы современного русского литературного языка; государственная языковая политика; особенности устной публичной речи; вербальные и невербальные средства коммуникации; современные нормы произношения и словоупотребления в устной речи; языковые особенности официально-деловой письменной речи; речевой этикет в деловых бумагах и служебных документах» [22].

2). Проблема употребления профессионального языка (чрезмерное усложнение и тяжеловесность делового языка, непонимание госслужащими простого языка при коммуникации с обычными гражданами и представителями гражданского общества), что может осложнить работу и взаимопонимание также между самими служащими. Попадая в государственный орган, новый сотрудник сталкивается с массой малодоступных для понимания терминов, существование которых не вполне оправдано. Отсюда возникает проблема усложнения бюрократического языка и появления профессионального сленга.

Можно говорить о том, что проблемы, связанные со спецификой языка госслужащих влияют на развитие государственной политики и способности государства. Вновь поступившие на госслужбу сотрудники сталкиваются с необходимостью затрачивать время на «обучение» профессиональному сленгу и пониманию принципов написания документов, что снижает эффективность их работы, так как они тратят слишком много времени, читая неясные тексты, приучая себя также писать длинные неясные предложения. Нечетко сформулированные официальные документы напрасно растрачивают время и ресурсы госслужащих и служат угрозой для реализации государственной политики. Также некорректно составленные в плане грамотности и делового языка документы могут послужить причиной неправильного применения закона и неверной интерпретации концепций и стратегий, что снижает способности государства к развитию и эффективному управлению.

Согласно отчету Специального комитета по вопросам государственного управления Палаты общин Великобритании за 2009 год, жаргонные слова, используемые госслужащими, позволили высшим чиновникам скрывать истинный смысл реформ и за неясной формулировкой мысли маскировать воздействие на политику своих предложений. Из-за специфики языка госслужащих документы становились непрозрачными и тяжело анализируемыми. Этот отчет также озвучил проблему отчуждения граждан от органов правительства и уменьшения их стремления и возможности получать доступ к законной выгоде от государственных услуг

[30]. Такие критические замечания можно отнести, в общем-то, к правительству любого государства, что делает проблему «канцелярского стиля письма» весьма актуальной и острой.

К примеру, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Россия) И. В. Мерсиянова в беседе с представителями государственной власти отмечала, что «существует серьезное расхождение понятийного аппарата, которым пользуются чиновники госструктур и активисты гражданского общества», что затрудняет коммуникацию и взаимопонимание между ними [26].

3). Культура речи госслужащих (внятное, вежливое и тактичное общение с гражданами).

Некорректно используемый административный язык не только искажает смысл, но и способен оттолкнуть и даже оскорбить главного потребителя государственных услуг – гражданина государства. Профессиональная речь государственных служащих не должна представлять собой сочетание жаргона, просторечия, иностранных заимствований и бюрократического языка. В противном случае это может привести к негативным последствиям как для граждан, так и для самих чиновников. К примеру, в Череповце в 2011 году по данным Череповецкого информационного сайта в филиалы Центра профилактики правонарушений обратилось более тысячи человек. Как выяснилось, во время приемов были достаточно часты следующие явления: неуважительное отношение к гражданам и ответы в грубой форме на обращения [28].

4). Слабое владение иностранными языками, используемыми в процессе работы с документами на международном уровне или в международных исполнительных органах (к примеру, в Европейской комиссии Европейского союза).

Трудности, связанные с владением иностранным языком при работе в международных организациях, являются достаточно специфичными, но от этого не менее актуальными. К примеру, в журнале "The Economist" была опубликована статья "Euro-English: Blasting the Bombast", указавшая проблему чистоты англ-

лийского языка, используемого чиновниками Европейской комиссии [29], для которых английский не обязательно является родным языком.

Кампания по чистоте письма (The Clear Writing Campaign), разработанная в рамках Европейской Комиссии и запущенная в марте 2010 года, является не первой попыткой Еврокомиссии наладить коммуникацию среди ее служащих. Эта кампания продолжает серию инициатив, сформулированных еще в 1998 году и направленных на обеспечение «резюмирования гражданами» стратегических документов чиновников, а также создание единой внутренней системы редактирования документов. Однако постоянная путаница в современных официальных документах говорит о прежней актуальности данной проблемы.

Нынешняя «лингвистическая генеральная уборка» собирается охватить 23 рабочих языка Еврокомиссии, а также обращает особое внимание на качество перевода на английский язык рабочих документов. Изучив деятельность 6000 сотрудников Комиссии в 2011 году, авторы «лингвистической реформы» обнаружили, что 95% документов пишется сразу на английском языке, но только 13% из тех служащих, кто использовал английский, были носителями языка. При этом редакторская правка используется крайне редко, хотя и доступна для служащих. Отсюда возникает проблема качественного использования языка, допущения грамматических и стилистических ошибок, «утяжеления» языка [29].

Европейская комиссия не является единственным примером актуальности данной проблемы. Незнание языков также делает невозможным использование архивов, специализированных документов и аналитических материалов, написанных на местных языках многонационального государства [16].

5). Слабое владение иностранными языками, активно используемыми в международной практике (английский, немецкий, французский), что усложняет процесс профессионального саморазвития, обмена и использования международного опыта для совершенствования системы государственного управления.

Владение чиновниками иностранными языками для получения возможности анализировать и использовать опыт зарубежных

коллег, также представляется крайне важным для развития системы государственного управления. Осознают это и в российском правительстве. Согласно стратегии инновационного развития России до 2020 года, разработанной Министерством экономического развития Российской Федерации, к 2020 году государственных служащих обяжут изучить иностранный язык для того, чтобы они могли напрямую общаться со своим коллегами из других стран [27]. Также согласно стратегии предполагается, что все органы государственной власти, ответственные за выработку государственной политики, создадут к 2012 году полноценные англоязычные версии своих сайтов, так как даже не все сайты министерств Российской Федерации их имеют (среди них: Министерство культуры РФ, Министерство связи и массовых коммуникаций РФ и др.).

В квалификационные требования для занятия должностей государственной службы старшей и высшей группы будет включено знание иностранного языка на уровне, позволяющем обеспечивать прямое общение с иностранными коллегами. Требование вступит в силу с 2014 года, а уже к 2016 году госслужащих, которые могут свободно общаться с иностранцами, должно быть не менее 10%. На уровне правительства будет введен порядок перевода на иностранный язык и публикации нормативно-правовых актов правительства, а также основных официальных документов, принимаемых на уровне органов государственной власти. Особенно оперативно на английский язык должны быть переведены, согласно мнению разработчиков стратегии, все федеральные законы, регулирующие предпринимательскую деятельность в России [23].

Таким образом, если рассматривать правительство как институт по предоставлению государственных услуг, важность взаимопонимания между чиновниками и населением представляется крайне необходимой. Язык, используемый правительством, должен стать более доступным для понимания граждан для осознания того, что правительство действительно в состоянии ответить на их запросы потребности. Также он не должен быть препятствием в работе внутри самого управленческого аппарата,

чтобы не становиться помехой для реализации государственной политики, направленной на развитие способностей государства.

Как отмечают зарубежные исследователи, хороший профессиональный язык госслужащих – признак качественного управления (good governance) и «хорошего» правительства (good government), в то время как плохой язык – признак «плохого» правительства (bad government) [30]. И владение государственными служащими родным, а также иностранными языками и культурой устной и письменной речи на высоком уровне может стать одним из факторов развития не только системы государственного управления, но и общества в целом.

Литература

1. Андреева Т.Е., Чайка В.А. К дискуссии о сущности динамических способностей: Материалы научного семинара // Вестник СПбГУ. 2006. Серия 8. – № 4. – С. 163-174.

2. Ильин М. В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Журнал «Политическая наука». 2011. №2. С. 60-74

3. Катъкало В.С. Ресурсная концепция стратегического управления: генезис основных идей и понятий // Вестник СПбГУ. 2002. Серия 8. – № 4. – С. 20–42.

4. Кулакова Т.А. Определение соотношения концепций способности государства, нового способа управления и политико-административных режимов // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). – № 2(4). – СПб., 2007. – С. 12-20.

5. Курочкин А.В. Эффективность государственного управления: проблема определения и оценки в контексте «способностей государства» // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). № 2 (4). – СПб., 2007. – С. 20-27.

6. Пизано Г., Шуен Э. Динамические способности фирмы и стратегическое управление // Вестник СПбГУ. 2003. Серия 8. – № 4. – С. 133–185.

7. Сморгун Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Сборник статей «Демократия в современном мире». Под общ. ред. Я.А.Пляйса и А.Б. Шатилова. – М., 2009. – С. 63-74.

8. Соловьёв А.И. Способности и состоятельность российского государства: к постановке проблемы // Журнал «Политическая наука», 2011. – № 2. – С. 125-142.

9. Johan P. Olsen. The Ups and Downs of Bureaucratic Organization // Annual Review of Political Science, 2008. – № 11.

10. John Mikesell // Changing State Fiscal Capacity and Tax Effort in an Era of Devolving Government, 1981–2003 // Indiana University, School of Public & Environmental Affairs // The Journal of Federalism, volume 37. – № 4.

11. Kathryn A. McDermott. Incentives, Capacity, and Implementation: Evidence from Massachusetts Education Reform // University of Massachusetts, Amherst // Journal of Public Administration Research and Theory, 2004.

12. Культура письменной деловой русской речи: практикум. М.Н. Панова, Ж.В. Ларионова. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 247 с.

13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. С англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 254 с.

14. Сморгун Л.В. Концепция «способностей государства», конструктивизм и развитие теории государственного управления // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: 6-я ежегодная международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова; 29-31 мая 2008 г.: Материалы конференции / Отв. ред. Мысляева И.Н. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 403-419.

15. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования (монография). – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 214 с.

16. Kenneth King, Simon McGrath. Knowledge for Development? Comparing British, Japanese, Swedish and World Bank aid. Zed Books London, New York. 2004

17. Sagasti, Francisco. Knowledge and Innovation for Development: The Sisyphus Challenge of the 21st Century // Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2004. – 317 p.

18. Teece D. Dynamic Capabilities and Strategic Management // Oxford University Press. Oxford. 2009. – 298 p.

19. The Concise Oxford Dictionary of Politics. Third Edition. Edited by Iain McLean and Alistair McMillan. Oxford University Press, 2009. – 599 p.

20. Быстрых Л.Ф. Развитие речевой культуры государственных служащих в процессе профессионального самосовершенствования, Автореф... дис. канд. псих. наук. – М., 2003. – 173 с.

21. Андреева Т.Е., Чайка В.А. Динамические способности фирмы: что необходимо, чтобы они были динамическими? // Научные доклады. СПб, 2006. №2(R). [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/2\(R\)_2006.pdf](http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/2(R)_2006.pdf) (дата обращения: 19.10.10)

22. Иванова А. Язык госслужащих / А. Иванова, М. Панова // Гос. служба. 2001. – №. 1. – С. 143-151. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rags.ru/akadem/all//11-2001/11-2001-143.html> (дата обращения: 23.04.12)

23. Идеальный чиновник: «Инновационные» госуправленцы омолодятся и заговорят не по-русски. Российская газета. 01.09.2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2011/09/01/chinovniki.html> (дата обращения: 23.04.12)

24. Лебедева Н. Работа над ошибками. «Российская газета» - Столичный выпуск №4293. 13.02.2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2007/02/13/test.html> (дата обращения: 23.04.12)

25. Лебедева Н., Юферова Я. С языком и без языка. «Российская газета» - Федеральный выпуск №4287. 06.02.2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2007/02/06/diktant.html> (дата обращения: 24.04.12)

26. Официальный сайт «Стратегия 2020»: Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года. [Электрон-

ный ресурс]. – URL: <http://2020strategy.ru/g16/news/32584618.html> (дата обращения: 23.04.12)

27. Российских чиновников обяжут учить иностранный язык. Российская газета. 30.08.2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2011/08/30/chinovniki-anons.html> (дата обращения: 23.04.12)

28. Череповец. Язык чиновников граждан не устраивает. Череповецкий информационный сайт. 2012/1/26. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cpv.ru/modules/news/article.php?storyid=42955> (дата обращения: 23.04.12)

29. Language Johnson. Euro-English: Blasting the bombast. Sep 30th 2011, London. On-line journal "The Economist" [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.economist.com/blogs/johnson/2011/09/euro-english/print> (дата обращения: 23.04.12)

30. House of Commons. Public Administration Select Committee. Bad Language: The Use and Abuse of Official Language. First Report of Session 2009–10, London. 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmpublicadm/17/17.pdf> (дата обращения: 17.11.11)

НАШИ АВТОРЫ

БАРАНОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, (Краснодар, Россия)

Область научных интересов: политическая регионалистика, политическая социология.

Количество научных публикаций – 350.

BARANOV Andrey Vladimirovich – doctor of political sciences, doctor of history sciences, professor of department of political science and political management Kuban state university, (Krasnodar, Russia)

Science interests: political regional studies, political sociology

Number of scientific publications – 350.

E-mail: baranovandrew@mail.ru

ВЕДМЕЦКАЯ Людмила Васильевна – аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, (Санкт-Петербург, Россия)

Область научных интересов: политическая коммуникация, государственная служба.

Количество научных публикаций – 26.

VEDMETSKAYA Lyudmila Vasilyevna – postgraduate student of faculty of political science of the Saint Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia)

Science interests: political communication, public service.

Number of scientific publications – 26.

E-mail: vedmetskaya@gmail.com

ВОРОНОВА Антонида Александровна – кандидат политических наук, доцент Кафедры социальных коммуникаций и технологий Института коммуникативных технологий, (Москва, Россия)

Область научных интересов: PR-технологии, организация связей с общественностью.

Количество научных публикаций – 30.

VORONOVA Antonida Aleksandrovna – Ph.D. Political Science, assistant professor of department of social communications and technology Institute of Communication Technologies, (Moscow, Russia)

Science interests: PR technologies, organization of public relations.

Number of scientific publications – 30.

E-mail: helg-g@mail.ru

ГОМЕЛЬСКАЯ Вероника Юрьевна – аспирант Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики, директор АНО РСИУ «Центр социального маркетинга», (Москва, Россия)
Область научных интересов: политические технологии, социальная реклама, социальный маркетинг.
Количество научных публикаций – 7.

GOMELSKAYA Veronika Yurevna – postgraduate student of the National Research University - Higher School of Economics, Director of the NGO «Centre for Social Marketing». (Moscow, Russia)
Science interests: political technology, social advertising, social marketing.
Number of scientific publications – 7.
E-mail: veronika.gomelskaya@gmail.com

ГОРЕЛОВ Анатолий Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, (Москва, Россия)
Область научных интересов: политическая теория, философские вопросы развития культуры и познавательной деятельности человека.
Количество научных публикаций – 50.

GORELOV Anatoly Alekseevich – doctor of Philosophy, the leading research associate of Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia)
Science interests: political theory, philosophical questions of cultural development and informative activity of the person.
Number of scientific publications – 50.
E-mail: gorelovata@mail.ru

ГРИШИН Николай Владимирович – доктор политических наук, доцент кафедры политологии Астраханского государственного университета, (Астрахань, Россия)
Область научных интересов: электоральные исследования, философская онтология.
Количество научных публикаций – 90.

GRISHIN Nikolay Vladimirovich - doctor of political sciences, associate professor of department of political science of the Astrakhan state university, (Astrakhan, Russia)
Science interests: electoral researches, philosophical ontology.
Number of scientific publications – 90.
E-mail: nvgrishin@mail.ru

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов, (Москва, Россия)

Область научных интересов: политические технологии, политические процессы.

Количество научных публикаций – 100.

GRISHIN Oleg Evgenevich – PhD in political sciences, assistant professor of department of political science Peoples' Friendship University of Russia, (Moscow, Russia)

Science interests: political technologies, political processes.

Number of scientific publications – 100.

E-mail: helg-g@mail.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Оксана Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент Камской государственной инженерно-экономической академии, (Набережные Челны, Россия)

Область научных интересов: избирательные кампании, электоральные исследования, политическая культура.

Количество научных публикаций – 77.

KRASILNIKOVA Oksana Vyacheslavovna – PhD in history sciences assistant professor of Kamsky state engineering and economic academy, (Naberezhnye Chelny, Russia)

Science interests: Election campaigns, electoral studies, political culture.

Number of scientific publications – 77.

E-mail: zadumina@yandex.ru

КЫНЕВ Александр Владимирович – кандидат политических наук, руководитель региональных программ Фонда развития информационной политики, (Москва, Россия)

Область научных интересов: политическая регионалистика, электоральный процесс.

Количество научных публикаций – 100.

KYNEV Alexander Vladimirovich – PhD in political sciences, the head of regional programs of Foundation for information policy development, (Moscow, Russia)

Science interests: political regional studies, electoral process.

Number of scientific publications – 100.

E-mail: avk3101@mail.ru

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, (Барнаул, Россия)

Область научных интересов: политические партии, избирательный процесс, политический анализ, политический менеджмент, политическая регионалистика.

Количество научных публикаций – 90.

SHASHKOVA Yaroslava Yuryevna – doctor of political sciences, professor in the Department of Political Science Altai State University, (Barnaul, Russia)

Science interests: political parties, electoral process, political analysis, political management, political studies in regions.

Number of scientific publications – 90.

E-mail: yashashkova@mail.ru

ШУКУРАЛИЕВА Нарцисс – доктор политических наук, научный сотрудник в Куявско-Поморской высшей школе в Быдгощчи (Польша)

Область научных интересов: Центральная Азия, политическая система, теории революции.

Количество научных публикаций – 30.

SHUKURALIEVA Nartsiss – D.Sc. (Political Science), researcher at Kujawy and Pomorze University, Bydgoszcz, (Poland)

Science interests: Central Asia, political system, revolution theories.

Number of scientific publications – 30.

E-mail: nartsiss17@mail.ru

ШУМИЛОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, научный руководитель НИИ общественных и политических наук, (Чебоксары, Россия)

Область научных интересов: политическая регионалистика, электоральный процесс.

Количество научных публикаций – 70.

SHUMILOV Andrei Vladimirovich – PhD in political sciences, research supervisor Institute of Social and Political Sciences, (Cheboksary, Russia)

Science interests: political regional studies, electoral process.

Number of scientific publications – 70.

E-mail: editor@politbook.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском и английском языке. Научные статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Объем статьи не должен превышать 18 страниц машинописного текста.

Материалы, обладающие существенной научной новизной и заслуживающие срочной публикации, представляются в виде Писем в редакцию (не более 2 страниц). В виде Кратких сообщений (не более 4 страниц) может быть опубликован материал, дополняющий или корректирующий ранее опубликованный, но не требующий публикации в виде полной статьи.

Необоснованное разделение материала по одному вопросу на несколько статей не рекомендуется. Редакция сохраняет за собой право принимать решение о сокращении и объединении таких материалов, а также о сокращении статьи независимо от ее объема.

Материал должен быть представлен в Редакцию в электронном виде (текстовый редактор Word, формат *.doc; *.rtf).

Рукописи, представленные в Редакцию, должны быть тщательно отредактированы, аккуратно размечены и оформлены.

В редакцию журнала авторами представляются следующие материалы:

- Электронная (желательно печатная) версия статьи
- Внешние рецензии на статью (не менее 1), составленные специалистами по направлению исследований автора (авторов). В рецензиях должны быть отражены научная новизна, значимость и доказательность научных результатов, содержащихся в статье, и да-

ны рекомендации к ее публикации в журнале. Рецензии представляются на бумажном и электронном носителе. Подпись рецензентов заверяется в отделе кадров по месту их работы.

- Лицензионный договор.

- Рекомендация научного руководителя для аспирантов и соискателей.

Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение недели автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи. Статьи, рецензируются экспертами соответствующего профиля, после чего принимается решение о возможности публикации.

Редакция сообщает автору результат экспертной оценки (по электронной почте). При положительном экспертном заключении определяется очередность публикации, о чем автор уведомляется по электронному адресу.

THE ORDER OF PUBLICATION

PolitBook seeks to promote scholarly research of merit in Political Science and related fields, meeting the standard requirements for academic research in terms of conceptualization, operationalization, methodological application, and analysis of results. The publication promotes those works that approach a significant research problem and answer research questions of general interest in political science. Due to the fact that the Journal addresses a wide range of academics we encourage presentation of research to be made at a level where it is understandable to most of the target group.

In the attempt to promote original works, does not accept articles that are under review at other publications or articles that have parts that were published or are forthcoming under the same form in other places.

Peer Review Process

All submitted articles are subject to a rigorous peer review process, based on initial editor screening and double-blind refereeing by a minimum of two reviewers.

Manuscripts must be sent as e-mail: editor@politbook.ru. PolitBook editorial board makes an objective and quick decision on each manuscript. If accepted, the article is published online in the next issue.

Electronic submission of manuscripts is strongly encouraged, provided that the text, tables, and figures are included in a single Microsoft Word file.

The cover letter should include the corresponding author's full address and telephone/fax numbers and should be in an e-mail message sent to the Editor.

Review Process

All manuscripts are reviewed by an editor and members of the Editorial Board or qualified outside reviewers. Decisions will be made as rapidly as possible, and the journal strives to return reviewers' comments to authors shortly. The editorial board will re-review manuscripts that are accepted pending revision. It is the goal of the PolitBook to publish manuscripts shortly after submission.

Journal «PolitBook» is published four times a year.

The editors reserve the right to make stylistic corrections and necessary reductions.

Text of the negative reviews of revised offers to the author.

АВТОРСКИЕ ПРАВА

Автор предоставляет Редакции (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале "PolitBook", а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Редакции (издателя) на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ, Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Редакции (издателя) на использование журнала в целом. Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Редакцией (издателем) на указанных выше условиях и свидетельствует, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также направляемая в редакцию справка об авторе.

Редакция размещает фамилию, инициалы, должность и место работы, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания.

ТРЕБОВАНИЕ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Структура

- В верхнем левом углу указывается классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК).
- Инициалы и фамилия авторов (выравнивание по центру, кегль шрифта 14, выделение жирным шрифтом).
- Название статьи (выравнивание по центру, кегль шрифта 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом).
- Ключевые слова (не более 15 слов, выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
- Аннотация статьи (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12, не более 4-10 строк).

На английском языке

- Инициалы и фамилия авторов на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14, выделение жирным шрифтом).
- Название статьи на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом).
- Ключевые слова на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
- Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).

Текст

Текст статьи в объеме 6 – 18 машинописных страниц формата А-4, включая рисунки, таблицы и графики.

Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате *.RTF или *.DOC;

Поля страницы по 2 см (верхнее, нижнее, левое, правое)

Шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал.

Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Подрисуночные подписи выполняются 12 кеглем. Отдельно предоставляются рисунки в формате .jpeg.

Таблицы набираются 12 кеглем. На таблицы должны быть ссылки.

Пристатейный библиографический список (кегль шрифта 12, выравнивание по ширине страницы). Список строится в алфавитном порядке, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 "Библиографическая ссылка".

Сноски оформляются в квадратных скобках. В тексте статьи присвоенный данной работе номер дается в квадратных скобках с указанием страниц, например: [5, с. 128]; [7, с. 10-12].

Сведения об авторах (на русском и английском языках) (кегль шрифта 12, курсив): Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, область научных интересов, количество научных публикаций, контактная информация (e-mail, телефон).

GUIDELINES

Original articles

The Title should be a brief phrase describing the contents of the paper. The Title Page should include the authors' full names and affiliations, the name of the corresponding author along with phone, fax and E-mail information.

The Abstract should be informative and completely self-explanatory, briefly present the topic, state the scope of the research, indicate significant data, and point out major findings and conclusions. The Abstract should be 100 to 200 words in length.. Complete sentences, active verbs, and the third person should be used, and the abstract should be written in the past tense. Standard nomenclature should be used and abbreviations should be avoided. No literature should be cited.

Following the abstract, about 3 to 15 key words that will provide indexing references to should be listed.

A list of non-standard Abbreviations should be added. In general, non-standard abbreviations should be used only when the full term is very long and used often. Each abbreviation should be spelled out and introduced in parentheses the first time it is used in the text.

The Introduction should provide a clear statement of the problem, the relevant literature on the subject, and the proposed approach or solution. It should be understandable to colleagues from a broad range of disciplines.

Materials and methods should be clearly explained to allow possible replication of the research. However, only truly new research method should be described in detail; previously published methods should be cited, and important modifications of published methods should be mentioned briefly. Subheadings should be used. Methods in general use need not be described in detail.

Results should be presented with clarity and precision. The results should be written in the past tense when describing author's findings. Previously published findings should be written in the present tense. Results should be explained, but largely without referring to the literature. Discussion, speculation and detailed interpretation of data should not be included in the Results but should be put into the Discussion section.

The Discussion should interpret the findings in view of the results obtained in this and in past studies on this topic. State the conclusions in a few sentences at the end of the paper.

Tables should be kept to a minimum and be designed to be as simple as possible. Tables are to be typed double-spaced throughout, including headings and footnotes. Each table should be on a separate page, numbered consecutively in Arabic numerals and supplied with a heading and a legend. Tables should be self-explanatory without reference to the text. The details of the research methods should preferably be described in the legend instead of in the text. The same data should not be presented in both table and graph form or repeated in the text.

Figure legends should be typed in numerical order on a separate sheet. Graphics should be prepared using applications capable of generating high resolution GIF, TIFF, JPEG or PowerPoint before pasting in the Microsoft Word manuscript file. Tables should be prepared in Microsoft Word. Use Arabic numerals to designate figures and upper case letters for their parts (Figure 1). Begin each legend with a title and include sufficient description so that the figure is understandable without reading the text of the manuscript. Information given in legends should not be repeated in the text.

References should be listed at the end of the paper in alphabetical order. Authors are fully responsible for the accuracy of the references.

THE CONTENTS

A.V. Kynev

FROM MARCH TO DECEMBER: AS WELL AS THAN VOTE FOR PARTIES AND THEIR LEADERS ON ELECTIONS 2011/2012 DIFFERED

A.V. Baranov

FACTORS OF ELECTORAL BEHAVIOR IN RUSSIA AND UKRAINE: A COMPARATIVE ANALYSIS

O.V. Krasilnikova

RUSSIA AND GERMANY: SOME ELECTORAL ESTIMATES (GENDER APPROACH)

N.V. Grishin

INFORMATION FIGHT IN ELECTORAL CRISIS IN ASTRAKHAN IN 2011-2012

A.V. Shumilov

FACTORS OF FORMATION OF ELECTORAL POLICY IN THE YOUTH ENVIRONMENT

V. Yu. Gomelskaya

AGITATION MIMICRY OR HOW TO START POLITICAL ADVERTISING CAMPAIGN BEFORE THE AGITATION PERIOD: STATE DUMA ELECTIONS '2011

O.E. Grishin, A.A. Voronova

THE INSTRUMENTAL FUNCTION OF THE MEDIA AND THE BLOGOSPHERE IN THE POLITICAL INFORMATION ENVIRONMENT

Ya. Yu. Shashkova

PERSPECTIVES OF REFORMATTING THE ELECTORAL ENVIRONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN TERMS OF THE AMENDMENTS TO THE LAW ON POLITICAL PARTIES

N.R. Shukuralieva

THE POLITICAL INTERPRETATION OF THE PAST IN KYRGYZSTAN (2005-2010)

A.A. Gorelov

LIBERALISM TO RUSSIA AND THE EVOLUTIONARY IMPERATIVE

L.V. Vedmetskaya

PROBLEMS OF THE VERNACULAR OF CIVIL SERVANTS AND DEVELOPMENT OF SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

Our Authors

The order of publication

